

Проф. С. В. ПОЗНЫШЕВ

4484.

*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*

Суд Читательная
Дан. С. Ш. Ш. Ш.

СПЕКТРУ

1 9 2 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * ЛЕНИНГРАД

Предлагаемый труд проф. Познышева представляет собой изложение обще необходимых сведений о существовании доказательств в уголовном процессе, их сравнительном значении, с соответствующим изложением и анализом отдельных статей УПК. В этой части книга может сравнительно много дать судебному работнику в смысле ориентировки по основным вопросам процесса в части, касающейся анализа доказательств. Книга эта, однако, будет полезна и не только судебным работникам, а и всякому читателю, интересующемуся вопросами судебной техники. К сожалению, этого нельзя сказать о последней части книги, о главе — «О психологическом исследовании личности, как субъекта поведения, и об изучении личности преступника, в частности». Автор здесь разбивает психические переживания на различные, так называемые, психические комплексы, эти комплексы, в свою очередь, классифицирует на различные группы и по ним, в конце концов, делит людей на различные психологические типы, устанавливая некоторую рабочую программу для исследования личности на суде, с точки зрения ее склонностей, тяготений и т. д.

Прежде всего, изучение личности в суде по такой рабочей программе, которую дает автор, вряд ли объективно возможно, так как потребует чрезвычайно длительной, кропотливой работы, едва ли, в конце концов, оправдываемой результатами, так как разрешение

вопроса о социальной опасности того или другого субъекта, — а над этим вопросом прежде всего и работает наш суд, — может быть найдено гораздо более простыми методами. Например, автор ставит, как подлежащий исследованию суда, вопрос об отношении данного субъекта к семье, к деньгам, к комфорту, к богатству, к служебной карьере и проч. В другом месте автор предлагает разрешать ряд вопросов, касающихся психической сферы субъекта, а именно: способность к обдуманному решению, или, наоборот, склонность действовать под влиянием минуты; быстрота или медленность решений, твердость принятых решений, самостоятельность принимаемых решений; склонность подчиняться чужому руководству и авторитету; легковерие, внушаемость, энергичность, активность, упрямство и т. д.

Все это слишком детально и... едва ли нужно. Не говоря уже о том, что все это ставится абстрактно, вне постановки вопроса о зависимости этих психических качеств от социальной среды, понимая ее в классовом смысле, как и вообще у автора нет постановки вопроса о классовом генезисе, так называемого, психического комплекса.

Сомнительной является и классификация личностей, на которой, в конце концов, останавливается автор. Он указывает три основных типа, причем первый тип — «идейно-творческие личности» — подразделяет, в свою очередь, на пять разновидностей, в числе которых есть категория общественных деятелей, благотворителей, аскетов-подвижников и т. д. Вторым типом — гедонистами — являются люди, «руководящие, цели которых лежат всецело в сфере внешней материальной стороны жизни, в сфере физического и материального благосостояния их самих и их семей».

Наконец третий тип, «занимающий среднее, промежуточное место между двумя вышеописанными» — как пишет автор, — составляют лица, у которых к целям личного, физического и материального благосостояния присоединяются... и некоторые общие цели идейного характера». Мы не думаем, чтобы можно было обосновать правильность этого деления... и прежде всего в смысле его типичности, а следовательно и научности.

Далекий от марксизма подход автора к самой постановке этой проблемы еще более снижает ценность книги. Так как однако за исключением этой главы она все же, как мы сказали выше, может много дать читателю в своей основной части, — издательство считает возможным выпустить ее в свет.

Не подлежит сомнению, что правильная постановка и верный исход уголовного дела существенно зависят не только от числа имеющихся в деле доказательств и их природы, но и от умения пользоваться ими. Надо заметить при этом, что правильное понимание значения различных видов доказательств и знание, для чего и как следует пользоваться ими, необходимы не только всем лицам, выступающим в уголовном процессе в качестве судей, прокуроров, защитников или экспертов, но и тем, кто участвует в начальных, досудебных стадиях уголовного дела, — в уголовно-розыскной деятельности и в предварительном следствии. Эти знания нужны всем этим лицам для того, чтобы в отдельных случаях они могли догадаться, что определенный факт при известных условиях может иметь такое-то значение и что следовательно необходимо не только не упустить его из внимания, но и своевременно проследить сопровождающие его условия. Часто бывает, что раз известный факт и условия, при которых он произошел, не были своевременно — так сказать, по горячим следам — надлежащим образом констатированы, то впоследствии установить их оказывается или совершенно невозможно, или по крайней мере чрезвычайно затруднительно. Вот почему знакомство с учением о доказательствах в уголовном процессе, с их природой и значением, с присущими каждому из них особенностями и с правилами пользования всеми ими — чрезвы-

чайно полезно не только судьям, прокурорам и защитникам, но и следователям и агентам розыска. Настоящее сочинение имеет в виду, в форме возможно простой и ясной, представить учение об уголовных доказательствах, причем рассматривает это учение по преимуществу с его практической стороны. В нем приведены практические правила собирания уголовных доказательств и оперирования ими в уголовном процессе, причем указано и теоретическое обоснование этих правил. Автор полагает, что отсутствие такого теоретическо-практического руководства в нашей литературе представляет серьезный пробел, который желательно возможно скорее заполнить. Это сочинение не носит характера простого комментария к статьям нашего Уголовно-процессуального кодекса, подобно некоторым имеющимся уже в нашей литературе работам, но представляет собою руководство, в котором Уголовно-процессуальному кодексу уделено много внимания, причем указано, как должны быть применяемы на практике те или иные положения учения о доказательствах в соответствии с постановлениями нашего Кодекса. В уголовно-процессуальных кодексах вообще — и в нашем в частности — находят себе выражение лишь некоторые положения учения о доказательствах, и в этом отношении наш Уголовно-процессуальный кодекс стоит на вполне правильном пути. Конечно комментарий к статьям этого Кодекса не может заменить руководства, излагающего, хотя бы лишь в сжатой и популярной форме, учение о доказательствах. С своей стороны, такое руководство является полезным для углубленного понимания постановлений Кодекса. Эти мысли и побудили автора написать настоящее руководство.

У него было и другое серьезное побуждение к этому, вытекавшее из следующих соображений. Изучение

личности преступника представляет собою совершенно новое дело. В современном уголовном процессе это изучение начинает завоевывать себе некоторое место и несомненно в будущем будет приобретать все большее значение. Раз отброшен взгляд на наказание, как на возмездие, раз в Уголовном кодексе все более выдвигается идея опасного состояния личности, как особого критерия для выбора и организации мер социальной защиты, — изучение личности преступника и на суде, и после суда, в исправительно-трудовых учреждениях, неизбежно должно получать все большее значение. Теперь в уголовном процессе на первом плане стоит не взвешивание нравственной вины преступника и тяжести его деяния, а выяснение социальной опасности субъекта и определение целесообразной меры социальной защиты против этой опасности. В связи с этим исследование личности подсудимого, — который и сам является источником доказательств и с которым прямо или косвенно связаны все доказательства по делу, — получает в уголовном процессе все более важное значение. Но как вести это исследование? С каких сторон и как подойти к личности подсудимого? На что обратить внимание в первую очередь, а на что — во вторую? Все эти вопросы до сих пор не освещены в литературе, и в эту сторону учение о доказательствах не получило еще развития. А между тем выяснить все это практически чрезвычайно важно и заполнить этот существенный пробел в литературе необходимо как можно скорее; если не настало еще время законченной научной разработки этого круга проблем, необходимо по крайней мере положить начало этой разработке.

Руководствуясь вышеизложенным соображением, автор отвел большое место указанным вопросам в настоящей работе.

Далее, за последнее время выдвигается все более потребность в исследовании личности не только подсудимого, но и свидетелей, до сих пор часто играющих среди уголовно-судебных доказательств первенствующую роль. А между тем опыт показал, что нередко в силу различных личных свойств этот род доказательств может быть очень ненадежен. Отсюда все яснее становится необходимость подойти с приемами научного исследования и критики и к личности свидетелей. И этой проблеме автор уделил достаточное место в настоящей работе. Конечно настоящее сочинение не претендует быть полным, исчерпывающим руководством, излагающим учение о доказательствах во всех его подробностях, с массой накопившихся в нем контраргументов и сложных теоретических построений. Оно ставит себе гораздо более скромную задачу, соответствующую и его сравнительно небольшим размерам: представить учение о доказательствах в возможно простой и сжатой форме, с указанием на его практическое значение и на содержащиеся в нем полезные для практики правила собирания доказательств и пользования ими в уголовном процессе.

Автор.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ОЦЕНКИ ИХ.

Решительно в каждом уголовном деле доказательства играют громадную роль. Все производство любого уголовного дела — как крупного, так и мелкого — сводится в сущности к собиранию и проверке доказательств и к выводам на основании последних. Поэтому ясное понимание, что такое доказательство, какое значение должно придаваться отдельным видам доказательств, и умение правильно пользоваться последними в уголовном процессе — чрезвычайно важны для всех лиц, принимающих участие в отправлении уголовного правосудия, в частности — для следователей и судей, для прокуроров и защитников. Все они постоянно пользуются разными доказательствами в своей служебной работе, оценивают эти доказательства и строят на них разные свои доводы и заключения.

Вопросы, которые приходится решать уголовному суду при разборе отдельных уголовных дел, сводятся к следующим трем группам:

во-первых, вопросы, касающиеся того события, в котором обвиняется одно или несколько лиц, вопросы о том, действительно ли это событие совершилось, и если — да, то — как и в каком виде оно произошло;

во-вторых, вопросы о роли в происхождении этого события одного или нескольких обвиняемых в учинении его лиц, — о поведении этих лиц и о связи их поведения с данным событием в его целом или с отдельными его чертами и моментами;

в-третьих, вопросы об отношениях этих лиц к данному своему поведению и о степени их социальной опасности, о принадлежности их к той или иной разновидности преступного мира.

Каждый из отдельных вопросов, входящих в эти три круга задач, требует для своего решения наличия известных доказательств. Для того, чтобы, решая их, суд мог признать доказанным одно, опровергнутым или недостаточно обоснованным другое, нужно, чтобы он знал, что вообще может быть принято как доказательство, какую силу надо придавать каждому доказательству при тех или иных условиях, что вообще следует считать в уголовном процессе опровергнутым или недоказанным. И принимая, и отвергая известное обстоятельство как доказательство, суд должен действовать не в силу капризного произвола, — иначе очевидно он перестал бы быть судом, — а по известным основаниям, которые должны быть вполне ему ясны.

Судье тем более нужно знать все это, что в современных уголовно-процессуальных законах нет указаний на значение отдельных доказательств. В настоящее время повсеместно в уголовном процессе господствует так называемый принцип свободной оценки доказательств, т. е. оценки их по внутреннему убеждению судьи. Каждое доказательство, в зависимости от различия сопровождающих его обстоятельств, имеет различное значение; присвоить ему наперед, в законе какое-либо одно постоянное значение значило бы игнорировать удостоверяемое ежедневным опытом бесконечное разно-

образе фактов жизни и вводить в уголовный суд вредный для дела формализм. Современный судья в каждом конкретном случае придает доказательствам то значение, которое они, по его убеждению, действительно имеют по реальным условиям судимого деяния.

В старое время господствовал иной принцип, принцип так называемой формальной или предустановленной системы доказательств. Сущность этой системы заключалась в том, что сила доказательств определялась наперед законом или обычаем, и судья был связан этой предустановленной оценкой доказательств. Доказательства делились на совершенные и несовершенные. При наличии первых судья обязан был постановить обвинительный приговор. «Одного совершенного доказательства, — говорилось в Наказе Екатерины II, — достаточно для признания обвинения несомнительным». Эта обязанность сообразовать решение с предустановленным значением доказательств делала работу судьи из жизненной и творческой — мертвенной и механической. В процесс вносился мертвящий формализм, побуждавший вместо действительной истины довольствоваться в решении согласием с априорными оценками закона. Иногда несовершенные или неполные доказательства делились на половинные и доказательства более или менее половины. Вот например в немногих словах та обрисовка, которую имела формальная теория в нашем Своде законов. Доказательства делились по Своду (т. XV, ч. II, ст. 304—348, изд. 1857 г.) на совершенные и несовершенные. Совершенным считалось то, которое «исключает всякую возможность к показанию невинности подсудимого», а несовершенным — всякое доказательство, «не исключющее возможности к показанию невинности подсудимого». Одного совершенного доказательства считалось достаточно для об-

винения, а одно несовершенное доказательство вменялось только в подозрение. Несколько несовершенных доказательств могли по Своду составить в совокупности совершенное доказательство. К совершенным доказательствам относились: 1) сознание подсудимого, которое «есть лучшее свидетельство всего света», 2) письменное доказательство, признанное тем, против кого оно представлено, 3) личный осмотр, 4) свидетельство экспертов, 5) согласное показание двух неопороченных по суду взрослых свидетелей. К несовершенным доказательствам относились: оговор подсудимым других лиц, повальный обыск о поведении подсудимого, улики, показание одного свидетеля. При противоречиях свидетельских показаний закон предписывал отдавать предпочтение мужчине перед женщиной, знатному пред незнатным, ученому пред неученым и духовному лицу перед светским. Кроме оправдания и обвинения, закон знал еще «оставление в подозрении»: тот, против кого имелись несовершенные доказательства, например, улики, мог быть оставлен в подозрении. На Западе законы нередко давали более подробную оценку доказательств: за некоторыми доказательствами они признавали $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и т. п. силы совершенного доказательства. Иногда при неполном доказательстве допускалось применение смягченного (экстраординарного) наказания. Впоследствии образовались два оттенка формальной системы: положительная формальная система и система отрицательная. Название положительной получила та теория, которая определяла, при наличии каких доказательств судья обязан постановить обвинительный приговор. Отрицательная теория, выдвинутая в Германии и Австрии в 40-х гг. XIX столетия, заботилась о том, чтобы при отсутствии известных доказательств не был постановлен обвинительный приговор; она требовала

указания в законе, что при отсутствии известного наименьшего числа доказательств судья должен или оправдать, или оставить подсудимого в «подозрении»¹⁾.

Формальная система вносила в живое дело уголовного правосудия мертвящий формализм. Она побуждала судей нередко поступать вопреки своей совести, обвиняя при наличии «совершенных» доказательств людей, в невинности которых они были убеждены, или оправдывая лиц, виновность которых, хотя и не подтверждалась «совершенными» доказательствами, но ясно просвечивала сквозь ряд косвенных улик. Эта система лишала судью самостоятельного суждения, притупляла его внимание к деталям дела, превращала его в счетчика доказательств, наперед уже оцененных законодателем.

Эта теория была несостоятельна в самом своем корне, так как полагала, что отдельный факт сам по себе имеет какое-то одно постоянное значение, тогда как значение отдельных фактов существенно различно в зависимости от других сопровождающих их фактов и бесконечно разнообразных конкретных форм их выражения. Так, например, одно и то же свидетельское показание может иметь очень различное значение, смотря по тону, которым оно сделано, смотря по показаниям других свидетелей и личным отношениям данного свидетеля к подсудимому. Всякое закрепление в законе за известным доказательством одного постоянного значения вносит в уголовное правосудие недопустимый формализм и во многих случаях делает невозможным

¹⁾ Первая сделала шаг к отмене формальной теории доказательств Франция еще в конце XVIII столетия. В Германии эта система просуществовала до 1848 г., в Австрии — до 1873 г., в России — до Судебных уставов 1864 г.

при которой законодатель предоставляет судье право оценивать соответствие доказательства истине по внутреннему убеждению и постановлять решение, которое судья признает соответствующим истине. При этом число доказательств, которые судья полагает в основу своего решения, роли не играет.

Оценка доказательств судьей должна быть свободная, но не произвольная. Предоставляя судье право свободной оценки, законодатель предполагает, что судья этим правом злоупотреблять не будет, что он отнесется к своей задаче добросовестно. Правила же добросовестной оценки доказательств и возможно обдуманного решения требуют, чтобы судья:

1) сначала, так сказать, обозрел общим взглядом всю совокупность доказательств и, признав, что несовершенных сторон в деле нет, что данных для решения дела собрано достаточно, приступил к оценке отдельных доказательств, причем

2) взвесил и принял во внимание при постановке решения все доказательства по судимому делу. Только в таком случае судья может считать, что он употребил все усилия избежать ошибки и выявить истину;

3) основывал свое решение лишь на фактах, проверенных на суде, а не на каких-либо со стороны почерпнутых сведениях;

4) брал при оценке отдельное доказательство в связи со всеми остальными, так как выдернутое из цепи сопровождавших его обстоятельств доказательство легко может приобрести неправильное освещение и несоответствующее действительности значение. Итак, современный законодатель не стесняет судью каким-либо наперед установленным значением каких-либо доказательств.

Принцип свободной оценки доказательств ясно выражен и в нашем Уголовно-процессуальном кодексе. Ст. 57 говорит:

«Суд не ограничен никакими формальными доказательствами, и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно. Присяга как доказательство не допускается».

Эта статья решительно и открыто отвергает «формальную теорию доказательств» и обязывает суд самостоятельно добиваться истины, свободно оценивая доказательства. Еще отчетливее это выражено во второй части ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса, которая постановляет:

«Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности».

Последние слова этой статьи вполне соответствуют изложенным выше правилам добросовестной оценки судом имеющихся в деле доказательств.

Отметив общее значение доказательств в уголовном деле и основной принцип их оценки, перейдем теперь к вопросам, что вообще может считаться доказательством в уголовном процессе и каковы главные виды доказательств.

ЧТО ТАКОЕ УГОЛОВНО-СУДЕБНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО И УГОЛОВНО-СУДЕБНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ.

Доказательствами по уголовному делу являются вообще все факты, способные служить основаниями для заключений о тех свойствах судимого деяния или лица, которые определяют, каково должно быть содержание приговора суда. Понятие «уголовно-судебного» доказательства, обнимая только факты, которые действительно служат доказательствами на суде, — уже.

Уголовно-судебными доказательствами называются те факты, которые, с соблюдением установленных законом правил, представлены в уголовный суд как основания для заключения о свойствах события, составляющего предмет исследования этого суда, и ответственности судимых лиц ¹⁾.

Уголовные доказательства прежде всего суть факты. Фактом является все то, что воспринимается нами в так

¹⁾ В нашей литературе было выставлено иное определение доказательства, именно следующее: «уголовным доказательством называется всякий факт, имеющий назначение вызвать в судье убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного исследования». Но отдельное доказательство может и не вызывать такого убеждения в судье и быть тем не менее доказательством. С дру-

называемом внешнем или внутреннем опыте, т. е. как событие физического мира или как раскрывающееся, через посредство внешних фактов и самонаблюдения, психическое переживание. Факты первого рода называются внешними, факты второго рода — внутренними. О происходящих в душе другого человека психических переживаниях мы заключаем по тем или иным внешним фактам, например, по дрожанию рук, бледному лицу, внешнему выражению страдания в лице, прерывистому голосу, по тону, с волнением сказанным словам и т. п. Зная из самонаблюдения, каково соотношение между известными внешними фактами и психическими переживаниями, мы, наблюдая те или иные внешние факты, и делаем заключение о психических переживаниях другого лица.

Уголовно-судебные доказательства суть факты, которые, с соблюдением указанных в законе правил, представлены в уголовный суд, которые следовательно познаются судом при отправлении его судебной деятельности. Факты, известные судье со стороны, — из частных бесед, газет и т. п., — не представляют собою доказательств для судебного исследования дела. Понятие судебно-уголовного доказательства уже понятия доказательства вообще. Являясь быть может доказательствами в общем смысле, узнанные из подобных источников факты не могут считаться доказательствами судебно-уголовными. Закон обставляет деятельность

гой стороны, факт может и не предназначаться кем-либо вызвать означенное убеждение и приобрести такое значение без предварительного предназначения. Притом под приведенное определение могут быть подведены и известные заметки о преступлении в газетах, написанные с надеждой, что они произведут на суде известное впечатление. См. *Владимиров*, Учение об уголовных доказательствах, 3-е изд., 1910, стр. 98.

судебных органов особыми гарантиями, препятствующими искажению фактов и обеспечивающими их проверку и правильное о них суждение; только факты, познаваемые судебным органом при наличии подобных гарантий, и могут считаться судебно-уголовными доказательствами. Пока тот или иной факт не предстал перед судебным органом с соблюдением установленных законом правил, он не представляет собою уголовно-судебного доказательства. Но с другой стороны, как скоро он предстал перед судьей и познан им в его судебной деятельности как одно из данных дела, он не может не быть принят в число доказательств и игнорируем судьей.

В полном соответствии со сказанным находится и наш Уголовно-процессуальный кодекс. В первой части ст. 319 он постановляет: «Суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании». Следовательно не должны считаться доказательствами данные, узнанные судьей стороней, вообще данные не рассмотренные, т. е. не проверенные в судебном заседании. Даже данные предварительного следствия, не оглашенные на суде, не являются доказательствами по делу. Однако Уголовно-процессуальный кодекс несколько отступил от этого принципа, установив в ст. 396 исключение для губернских судов. Эта статья говорит: «Стороны имеют право ссылаться в прениях на все имеющиеся в деле документы и показания независимо от того, оглашались или не оглашались в судебном заседании означенные документы и показания». «Равным образом губернский суд вправе при вынесении приговора принимать в соображение вышеуказанные документы и показания, независимо от их оглашения в судебном заседании». В силу этого постановления круг уголовно-судебных

доказательства несколько расширяется: к их числу отнесены все имеющиеся в деле данные, независимо от их оглашения на суде. Оглашение на суде важно главным образом как точка отправления для проверки оглашенного путем прений сторон и критической оценки судом. Но раз закон представил губернскому суду право принимать во внимание при постановлении приговора и неоглашенные на суде документы и показания, то он поступил правильно, разрешив и сторонам ссылаться на них в прениях. Как требует приведенная выше ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса, оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, суд должен рассмотреть все обстоятельства дела и притом в их совокупности, т. е. брать при оценке отдельные доказательства в связи с остальными, не выдергивая их из цепи сопровождавших их обстоятельств и связанных с ними данных дела. Это — одно из первых условий полной и добросовестной оценки. Говоря о всех обстоятельствах дела, ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса очевидно имеет в виду все относящиеся к делу доказательства. Говоря вообще, относящимися к делу надо считать все те обстоятельства, установление которых имеет значение для суждения о событии или событиях, составляющих преступление, об их внутренних или внешних признаках, а также — о качествах и условиях жизни судимого лица, могущих влиять на уголовную ответственность. Ближайшее определение того, можно ли признать то или иное обстоятельство относящимся к делу, есть вопрос фактический, в каждом отдельном случае разрешаемый судом на основании указанного выше общего принципа. Нап. Уголовно-процессуальный кодекс (ст. ст. 57, 273) также предоставляет решение этого вопроса суду, смотря по обстоятельствам дела. Из ст. 319 Уго-

ловно-процессуального кодекса ясно между прочим, что закон призывает суд к возможно широкой самостоятельности. Суд не должен довольствоваться теми доказательствами, которые представлены ему сторонами, а должен и сам стараться собрать все необходимое для всестороннего освещения дела и выяснения истины. Широкая инициатива суда ясна также из ст. ст. 273, 289, 296, 297, 300, 302, 313, 325 Уголовно-процессуального кодекса. Собрание доказательств по уголовному делу вообще должно продолжаться до тех пор, пока не удастся убедиться в том, что других доказательств уже собрать нельзя и что наличными доказательствами вполне устанавливается уголовно-судебная достоверность по всем вопросам, касающимся данного преступного деяния и участвовавших в нем лиц. Имея в виду возможную полноту доказательств, наш Уголовно-процессуальный кодекс (ст. 112) обязывает следователя направлять предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела. Следователь не вправе отказать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей и экспертов и в собирании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела. Согласно ст. 113 Уголовно-процессуального кодекса имеющими значение для дела должны считаться все обстоятельства, указанные в Уголовно-процессуальном кодексе как отягчающие или смягчающие ¹⁾, при определении той или иной меры социальной защиты,

¹⁾ См. ст. ст. 47 и 48 Уголовного кодекса (ред. 1926 г.). Первая — ст. 47 — говорит: «Основным вопросом, подлежащим разрешению в каждом отдельном случае, является вопрос об общественной опасности рассматриваемого преступления. Отягчающими обстоятельствами, в этом отношении, при определении той или

а также все другие обстоятельства, выяснение которых может иметь влияние на правильное расследование дела.

По ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса, «суд, признав, что дело недостаточно выяснено и что могут быть собраны новые доказательства, вправе по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон отложить дело слушанием и потребовать новые доказательства, или же направить дело к следователю или органам дознания для дополнительного расследования».

«В этом последнем случае дело по окончании дополнительного расследования должно быть ранее слушания по существу направлено для предания обвиняемого суду в порядке, предусмотренном XX главой Уголовно-

иной меры социальной защиты, из предусмотренных Кодексом, являются:

а) совершение преступления в целях восстановления власти буржуазии,

б) совершение преступления лицом, в той или иной мере связанным с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд,

в) возможность нанесения совершением преступления ущерба интересам государства или трудящихся, хотя бы преступление и не было направлено непосредственно против интересов государства или трудящихся,

г) совершение преступления группой, бандой или повторно,

д) совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений,

е) совершение преступления с особой жестокостью, насильем или хитростью, или в отношении лиц, подчиненных преступнику, или находившихся на его попечении, или в особо беспомощном по возрасту или иным условиям состоянии».

Вторая — ст. 48 — говорит: «Признаются смягчающими обстоятельствами, при определении той или иной меры социальной защиты, если преступление совершено:

процессуального кодекса»¹⁾. А ст. 414 Уголовно-процессуального кодекса требует полноты доказательств на суде. Согласно ей «недостаточным и неправильно проведенным признается следствие, которое проведено таким образом, что остались невыясненными ни на предварительном, ни на судебном следствии обстоятельства, выяснение коих необходимо должно было повлиять на приговор». Недостаточность же и неправильность проведенного следствия служат одним из поводов к отмене приговора в кассационном порядке (ст. 413 п. I Уголовно-процессуального кодекса).

Итак, основными условиями правильности решения уголовного дела являются возможная полнота доказательств и всесторонняя выясненность дела.

а) хотя и с превышением пределов необходимой обороны, но для защиты от посягательства на советскую власть, революционный правопорядок или личность и права обороняющегося или другого лица,

б) рабочим или трудовым крестьянином,

в) в первый раз,

г) по мотивам, лишенным корысти или иных низменных побуждений,

д) под влиянием угрозы, принуждения, служебной или материальной зависимости,

е) под влиянием сильного душевного волнения,

ж) в состоянии голода, нужды или под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий,

з) по невежеству, неосознанности или случайному стечению обстоятельств,

и) лицом, достигшим совершеннолетия, или женщиной в состоянии беременности».

¹⁾ Глава XX Уг.-проц. код. описывает порядок длительности суда по прекращению дела и по преданию суду. Вопрос о предании суду решается в распорядительном заседании суда по докладу: в народном суде — народного судьи, а в губернском суде и трибунале — члена губернского суда или трибунала (ст. 237 Уг.-проц. код.).

Теперь возникает вопрос; а при каких условиях можно считать, что дело уже достаточно выяснено и доступная уголовному суду достоверность решения достигнута?

Уголовно-судебная достоверность есть такая высокая степень вероятности, при которой известное решение подкрепляется твердо установленными фактами при отсутствии фактов, ему противоречащих или указывающих на недостаточную обследованность дела и недостаточность собранных данных. Судебная достоверность не есть та безусловная достоверность, которую иногда называют математической. Она есть достоверность, доступная эмпирическим и историческим исследованиям, достоверность практическая, или, как ее называют некоторые писатели, эмпирико-историческая или эмпирическая. Работа судьи во многом сходна с работой историка: оба по оставшимся следам должны восстановить картину прошлых событий. Но ученый может подождать делать окончательный вывод; он может признать, что при настоящем состоянии знаний нельзя сделать точного вывода. Судья же должен решить дело теперь же. Судья должен постановить обвинительный приговор при убеждении в вине подсудимого. Он должен постановить приговор оправдательный, когда обвинение представляется ему неосновательным и у него не сложилось убеждения в виновности подсудимого. Убеждение судьи в вине подсудимого, или, напротив, — в недостаточной обоснованности обвинения — является продуктом той сложной духовной работы, которая в общем может быть названа взвешиванием или обсуждением доказательств и состоит из установления известных доказательств, их проверки и сопоставления друг с другом и умозаключений на основании этих сопоставлений.

Убеждение, которое судья кладет в основание приговора, может быть им проверено или может носить характер безотчетной уверенности, которая образовалась в душе как отражение всей картины судебного разбирательства. Как факт мира внутреннего, образование судейского убеждения не поддается ни проверке, ни регуляции извне. Но судья должен сам стараться критически отнестись к складывающейся у него безотчетной уверенности в вине судимого лица и поверкой по всем фактам дела перевести ее в стадию сознательного, после тщательной проверки принятого убеждения. Судья должен не угадывать истину тем общим впечатлением, которое встает у него от данных дела и судебных прений, а приходить к ней путем ясно обоснованных умозаключений. Решение дела представляется ему сначала в виде гипотезы. Если в уме мелькнут факты, подтверждающие эту гипотезу, легко вырастает уверенность в справедливости ее, и она признается истиной. Вот к этому процессу превращения гипотезы в достоверно известное положение судья и должен отнестись с особым вниманием. Он должен спросить себя, каковы основания его уверенности в том, что подсудимый виноват в приписываемом ему поступке, и постараться самому себе привести в полную ясность всю цепь умозаключений, которые привели его к этому выводу. При этом он должен сопоставить этот вывод со всеми фактами дела и принять его как доказанный только в том случае, если не найдется установленных при разборе дела фактов, которые с ним не мирятся и подсказывают обратный вывод. Если же найдутся такие факты или хотя бы один факт, то судья должен признать свой вывод сомнительным и это сомнение истолковать в пользу подсудимого. Если некоторые факты дела, хотя и не подсказывают данного решения, но и не противоречат

ему и одинаково мирятся с ним, как и с противоположным решением, то судья может считать, что основательных сомнений его вывод не вызывает.

Однако и в том случае, когда все данные дела будут говорить в пользу обвинения, судья должен оправдать подсудимого, если он признает, что собранные доказательства недостаточны и односторонни, что некоторые стороны дела не подверглись внимательному обследованию. Несомненно, что возможность для судьи прийти к твердому убеждению по разбираемому делу зависит и от того, признает ли он общую сумму доказательств достаточной, не требующей нового и дальнейшего исследования и дополнения. Только признав, что доказательств обвинения достаточно и в деле нет не обследованных пунктов, важных для его решения, — судья может постановить обвинительный приговор.

В современном процессе подсудимый предполагается невинным, доколе противное не доказано обвинителем. Обвинительный приговор суда предполагает доказанность обвинения.

Сомнение — в пользу подсудимого (*In dubio — pro reo!*). Однако под сомнением, которое в современном процессе истолковывается в пользу подсудимого, т. е. в пользу более мягкого решения того или иного возникающего на суде вопроса, — нельзя разуметь безусловно всякое сомнение, каков бы ни был его источник. Сомнение, вытекающее не из обстоятельств дела, а из общих, отвлеченных соображений о шаткости человеческих суждений вообще, о частой обманчивости видимого положения вещей, о невозможности никогда ни в чем быть уверенным и т. д., — такое отвлеченное, голое, с обстоятельствами данного дела не связанное сомнение не может приниматься судьей за основание оправдательного приговора. Не такое сомнение, а сомне-

ние, подкрепляемое фактами, находящее себе опору в данных дела, — должно вести к оправданию. Когда перед судьей являются два решения вопроса, одно — обвинительное, другое — оправдательное, и оба поддерживаются фактами дела, хотя и в различной степени, судья должен принять более снисходительное решение и постановить оправдательный приговор. Если обвинительный приговор, мысленно поверяемый судьей, не мирится хотя бы с одним фактом дела, подсказывающим иное решение, судья не может быть уверен в верности этого приговора. Но если, будучи, так сказать, мысленно проведен по всем фактам дела, обвинительный приговор не найдет среди них таких, которые говорят об ином решении, он может быть с уверенностью произнесен судьей.

Современный процесс не знает уже средней между обвинением и оправданием формы приговора — «оставления в подозрении». Каждое дело должно быть решено окончательно — или в сторону обвинения, или в сторону оправдания.

Что касается обязанности доказывать, то она лежит прежде всего на обвинителе, который обязан доказать выставленное им обвинение. Обвиняемый не обязан что-либо доказывать. Французские адвокаты выражают это положение такой фразой: «Г. прокурор! Я здесь не для того, чтобы доказывать; я здесь для того, чтобы показать, что вы ничего не доказали».

Но бремя доказывания переходит к подсудимому или его защитнику, как скоро они не ограничиваются одними критическими замечаниями, направленными к тому, чтобы показать недостаточную обоснованность обвинения, а указывают на известные факты, противоречащие фактам, приводимым обвинителем; тогда, желая сделать убедительными свои возражения, они

должны доказать те факты, которые выдвинуты ими в противовес обвинению. Но на подсудимого и его защитника бремя доказывания падает лишь в смысле принадлежащего им права защиты.

Доказываемы могут быть как утвердительные, так и отрицательные положения, — например, что такой-то субъект не был в такой-то час в известном месте. В самом деле такое положение только по форме отрицательное, по существу же оно скрывает в себе утверждение, что субъект находился в известном ином месте. Но доказываемы могут быть лишь положения, отрицающие конкретный факт, а не носящие общий неопределенный, отрицательный характер, например, можно доказать, что такой-то субъект в определенный час дня или ночи не был в известном месте, но нельзя доказывать, что вообще он не бывал в таком-то городе и т. п., что такого-то человека вообще не видели с такого-то времени и т. п.

Не подлежат доказыванию на суде явления, противоречащие естественному порядку вещей — сверхъестественные, например, чудеса. Не могут быть предметами доказывания обстоятельства общепризнанные, ибо доказательство их излишне, а также — действующее законодательство, ибо предполагается, что суд сам знает законы (*iusa novit curia*).

Доказывание может иметь своим предметом лишь спорные и требующие выяснения обстоятельства. Уголовный процесс должен быть по возможности освобожден от всего излишнего.

По каждому делу должны быть представлены лучшие доказательства, какие только допускаются природою данного случая и какие находятся в распоряжении участвующей в процессе стороны.

ВИДЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ. ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ УЛИКИ.

Доказательства бывают:

I. Обвинительные и оправдательные. Как ясно из самого названия, первые подтверждают событие преступления, совершение его данным лицом или лицами, наличие вины и тех или иных увеличивающих ответственность обстоятельств. Вторые опровергают обвинение, или требуют смягчения тех или иных его пунктов, или указывают на наличие уменьшающих вину обстоятельств. Чем серьезнее поставлено обвинение, тем более должно быть обращено внимание на разыскание оправдательных доказательств.

II. Непосредственные и посредственные доказательства. Если доказательство воспринимается самим судящим органом и имеет для него значение первоначального источника, оно называется непосредственным. Наоборот, если судящий орган узнает о доказательстве из другого доказательства, из сообщения, письма или знаков, то такое доказательство будет посредственным (например какие-либо сведения о местности, сообщаемые судье свидетелем). Деление это особенно принято английскими юристами в отношении документов. Документ есть непосредственное доказательство, но если вместо документа будут например представлены другие доказательства, свидетельствующи-

щие об его содержании (свидетельские о нем показания и т. п.), то такие доказательства будут посредственными.

III. Доказательства прямые и косвенные. Прямыми доказательствами или прямыми уликами называются такие факты, на основании которых прямо можно сделать заключение, что известное событие имело место, что оно произошло так-то, что такой-то субъект учинил то-то, что побуждения его при этом были такие-то и т. д. — словом, можно непосредственно сделать выводы относительно судимого деяния или лица.

Косвенные доказательства, иначе называемые косвенными или обстоятельственными уликами, представляют собою такие факты, на основании которых можно сделать заключение, что существовали некоторые другие факты, из которых уже вытекают заключения относительно судимого деяния или привлеченного к ответственности лица.

Различие прямых и косвенных улик можно пояснить такими примерами. Имеющееся в деле об убийстве лицом А лица Б показание свидетеля-очевидца, что он видел, как А ударил ножом Б, после чего последний упал и умер, — составляет прямое доказательство, из которого вытекает, что именно А убил Б. Но если мы в том же примере изменим обстоятельства и предположим, что свидетель сообщил лишь, что он видел, как А в известный час выходил из определенного дома, и что ему известно, что А питал вражду к Б и угрожал его убить, если мы прибавим к этому, что обыском у А обнаружена припрятанная пустая коробочка или конверт такого рода, в которых обыкновенно бывает упакован яд, которым отравлен Б, или что у А найден револьвер той же системы, как и тот, из которого убит Б, — то мы будем иметь перед собою ряд косвенных улик. Факты одного и того же рода (например свиде-

тельские показания) могут быть, в зависимости от конкретных условий, и прямыми, и косвенными доказательствами.

По своему содержанию и силе косвенные доказательства весьма разнообразны. При оценке их судья должен руководиться следующими общими правилами:

1) Сила косвенной улики зависит от доказанности ее существования. Улики сами могут доказываться как прямыми в отношении их доказательствами, так и в свою очередь косвенными уликами. Улики, подтвержденные прямыми доказательствами, имеют относительно большую доказательную силу, чем улики, доказываемые другими косвенными уликами; напротив, чем длиннее цепь косвенных улик, доказывающих данную улику, тем с большим недоверием и осторожностью надо отнестись к последней в уголовном процессе.

2) Верность заключения на основании улики, прежде всего, зависит от достоверности большей посылки, при посредстве которой это заключение сделано, т. е. того общего положения, из которого исходят, придавая улике известное значение. Заключение на основании косвенных улик имеет характер силлогизма, в котором улика играет роль меньшей посылки. Пример: нахождение у человека краденых вещей или вещей убитого может быть принято за признак какой-то причастности к совершенному преступлению (большая посылка). У А найдены вещи, принадлежащие обокраденному или убитому Б (меньшая посылка). Следовательно на стороне А существует обстоятельство, служащее признаком, что он причастен к убийству или к краже у Б.

Приведенная выше большая посылка не отличается большою твердостью; поэтому и основанное на ней рас-

суждение лишено большой убедительности. Чем тверже установлено то общее положение, которое служит большей посылкой, тем более убедителен получаемый из этой посылки с помощью косвенной улики вывод. Если большею посылкой является какой-либо закон природы, то заключение на основании улики приобретает высокую степень убедительности.

Такие улики иногда называют необходимыми или физическими и противопоставляют им улики нравственные, бытовые и тому подобное.

Кроме того косвенные улики иногда делят на предшествующие, сопутствующие и последующие. Предшествующими называются те, которые относятся к прежней судимости лица, к его характеру, отношениям и связям с теми или иными лицами, или к начальной, подготовительной ступени преступной деятельности. К сопутствующим уликам относятся связанные с самым совершением преступления: например положение трупа, пятна, отпечатки рук и ног и т. п. Последующими называются улики, относящиеся к деятельности преступника после совершения преступления, например сокрытие или продажа украденных вещей, укрывательство преступника и т. и. Большею частью предшествующие улики оказываются наиболее неопределенными и шаткими.

3) Сила косвенных улик зависит от их гармонии, взаимной поддержки и отсутствия противоречия между ними. «Чем более таких обстоятельств, из которых каждое, отдельно взятое, ведет к одному и тому же заключению, тем более совокупность их имеет доказательной силы, и тем сильнее становится нравственная уверенность в действительности подтверждаемого ими факта, подобно тому, как сила света увеличивается посредством собрания боль-

шего количества лучей в один общий фокус... 1). Хотя ни общая сила всех улик, взятых вместе, ни сила одной из них не допускают, — говорит Уильз несколько ниже, — численного определения, однако несомненно, что доказательная сила их растет в геометрической прогрессии вместе с увеличением числа независимых друг от друга обстоятельств и свидетельских показаний)... «Такое доказательство, говоря словами Рида, можно сравнить с веревкою, свитою из множества тонких волокон»... «Веревка имеет достаточно крепости для того, чтобы сдерживать известную тяжесть, хотя ни одно из составных волокон ее неспособно к этому» 2).

Различают «обвинительные», т. е. в пользу обвинения свидетельствующие улики и улики оправдательные. Далее, различают еще «противоулики», т. е. факты, которые, не представляя самостоятельного доказательства в оправдание подозреваемого, разрушают только какие-либо отдельные обвинительные улики 3).

По связи улик между собою и их взаимной поддержке различают еще иногда улики «изолированные» и «гармонические» 4).

4) Доказательная сила косвенных улик тем больше, чем они многочисленнее и разнообразнее, т. е. чем о большем числе независимых друг от друга и к разным сторонам дела относящихся, но однородных по значению доказательственных фактов они свидетельствуют. Наоборот, значение косвенных улик в процессе тем меньше, чем о меньшем

1) Уильз, Опыт теории косвенных улик. Русск. пер., стр. 207.

2) Уильз, у. с., стр. 208.

3) Владимироз, Учение об уголовных доказательствах, 3-е изд., 1910, стр. 378 и сл.

4) Владимироз, у. с., стр. 380 и сл.

числе доказывающих фактов они позволяют сделать заключение. Например, косвенных улик может быть много, но все они будут свидетельствовать лишь об одном: что данный субъект в такой-то час куда-то уходил из дому; его видел выходящим из квартиры дворник, его не застал дома зашедший к нему товарищ, его встретил на такой-то улице такой-то знакомый и т. д.

На практике чаще всего приходится встречаться с следующими уликами:

1) Угрозы или слова, избличающие преступное намерение, и другие формы обнаружения умысла, а также выражение удовольствия или злорадства по поводу совершенного преступления. Надо помнить однако, что между словом и делом у людей часто бывает большая разница и указанные выражения враждебного настроения часто встречаются у таких людей, которые сами неспособны из вражды совершить преступление, но могут радоваться, если его совершил другой.

2) Наличие интереса и побуждений совершить преступление. Следует однако с большой осторожностью относиться к этой улике. Для совершения преступления нужна решимость, которой может и не быть у субъекта, интересам которого преступление могло бы доставить известное удовлетворение; мы часто бываем не в силах решиться совершить то, что считаем для себя желательным и полезным и некоторое стремление к чему у нас есть.

3) Нахождение средств или орудий совершения преступления (яда, отмычек, машин для производства фальшивой монеты и т. п.). При оценке подобных улик надо обращать особенное внимание на профессию лица. Нахождение яда — у врача, отмычек — у слесаря и т. п. может не иметь никакого серьезного значения. Но нахождение отмычек у профессионального вора с рядом

судимостей может быть очень многозначительным. Затаивание или припрятывание подобного рода орудий с своей стороны может иметь значение более или менее серьезной улики.

4) Приготовление к преступлению. К области приготовления могут относиться и только что упомянутые выше действия, — припрятывание орудий преступления и т. п., — и целый ряд других. Понятие приготовления вообще обнимает: а) приобретение и приобретение средств для преступления; б) приспособление этих средств для воздействия на намеченный объект; в) поставление объекта или себя в отношении его в такое положение, чтобы на него можно было действовать данными средствами (например устранение лиц, могущих помешать преступлению; отравление за некоторое время до кражи собак; отправление в засаду и т. д.). Приготовление не объективирует решимости человека совершить данное преступление. Можно готовиться и к тому, чего не решишься выполнить. Представления и чувствования, которые не мешали совершать разные подготовительные операции, могут сказаться в решительный момент приступа к исполнению намеченного преступления и воспрепятствовать совершению последнего. Человек, подготовительные действия которого обнаружены, мог и не пойти далее приготовления, мог и бросить мысль о преступлении после того, как некоторое время действительно готовился к его совершению.

5) Соккрытие и уничтожение признаков и следов преступления и подделка ложных данных, способных сбивать правосудие с правильного пути (например уничтожение кровавых пятен, переделка похищенных золотых вещей, подкуп свидетелей, соккрытие трупа убитого и т. п.).

6) Обнаруженное субъектом стремление скрыться. Иногда однако это стремление объясняется просто не-

путем от возникшего в связи с преступлением переполоха, растерянностью, нежеланием быть замешанным в неприятную историю, наличием у субъекта прежних судимостей и его опасением, что на него особенно легко может пасть подозрение и в этом преступлении и т. д. Очень часто профессиональный преступник или вообще человек, судившийся раньше и случайно оказавшийся около места преступления, совершенного не им, обращается в бегство, как скоро на улице раздаются шум и крики, опасаясь как бы не попасть в участок и не быть заподозренным в совершении данного преступления.

7) Пользование плодами преступления. Чаще всего оно проявляется в том, что у субъекта оказываются украденные или награбленные вещи, или в том, что он вдруг необъяснимо разбогател и начинает тратить крупные суммы. В этих случаях однако надо обращать большое внимание на промежуток времени, прошедший с момента кражи или грабежа, на свойства вещей и на возможность, что они могли попасть в торговый оборот независимо от данного лица и быть куплены последним на рынке и т. п.

8) Отказ объяснить обстоятельства, подавшие повод подозревать данное лицо, или лживые по поводу их объяснения, если такое поведение не вызвано просто сильным раздражением субъекта, или его самолюбием и упрямством.

9) Противоречия и сбивчивость показания обвиняемого, в частности, показания относительно его позедедения в момент учинения преступления. Бывают, однако, случаи, когда такие противоречия и сбивчивость объясняются не виновностью субъекта в данном преступлении, а его желанием скрыть истинного виновника, или растерянностью и забывчивостью, или сказанной

вначале и, может быть, даже не имеющей прямого отношения к данному делу ложью, от которой субъект не хочет или стесняется отказаться, почему и начинает все более путать свое показание и загромождать его противоречиями.

10) Признание — при отрицании своего участия в преступлении — таких связанных с преступлением или относящихся ко времени совершения преступления фактов, в силу которых это участие представляется вероятным, например, нахождения на месте, где произошло преступление, ссоры с потерпевшим в данное время и т. д. Однако и эти улики, как и другие, легко могут создавать очень обманчивую видимость. Надо помнить, что память людская часто бывает неточна, а сознание человека не всегда является зеркалом, хорошо и верно отражающим действительность. Помимо умышленных искажений, возможны искажения и неточности неумышленные, добросовестные.

Во всяком случае при суждении на основании косвенных улик надо тщательно проверить каждую улику и, согласно вышеизложенным правилам, рассмотреть их взаимное соотношение. Необходимо проверить и установить, что факты, удостоверяемые косвенными уликами, стояли в действительной связи с самым исполненным преступлением.

Суждение на основании косвенных улик предполагает более или менее длительный и сложный процесс вывода и умозаключения, а этот процесс сопряжен с возможностью различных ошибок.

Обвинительный приговор на основании косвенных улик должен иметь место, лишь если совокупность этих улик, данное их сочетание и количество не могут быть удовлетворительно объяснены при предположении не-

виновности данного лица. Сама по себе косвенная улика дает основание лишь для предположения, не является ли данный субъект виновником или одним из виновников преступления, но одних предположений недостаточно еще для обвинения и наказания человека. Лишь известное сочетание улик создает сильную вероятность виновности последнего и может породить у судьи уверенность в ней.

Из сказанного ясно, что ввиду рискованности умозаключений на основании косвенных улик к такому умозаключению надо прибегать в уголовном процессе лишь в случае необходимости, т. е. когда недостает прямых доказательств ¹⁾. Если же последние есть, они должны быть представлены в суд прежде всего, так как по каждому уголовному делу должны быть представлены лучшие доказательства.

¹⁾ В этом отношении интересно отметить, что английское право, в котором особенно разработано учение о доказательствах, — по свидетельству Холта, не отдает предпочтения прямым доказательствам перед косвенными. «Однако, — говорит он, — для того чтобы обвиняемый был осужден на основании одних косвенных доказательств, все факты должны согласовываться с предъявленным ему обвинением». См. Холт, Очерк доказательственного права. «Право и жизнь». 1928, кн. II — III, стр. 59.

**СОЗНАНИЕ ОБВИНЯЕМОГО И ПОДСУДИМОГО.
ДОПРОС ЕГО.**

В тех случаях, когда привлеченный к следствию или суду — в качестве обвиняемого или подсудимого — сознается в совершении определенного преступления и когда это сознание не возбуждает сомнений ввиду его соответствия обстоятельствам дела, мы имеем обыкновенно в этом сознании прямое и решительное доказательство виновности, способное служить твердым основанием для обвинительного приговора. Однако твердым основанием для обвинительного приговора сознание подсудимого может быть признано лишь после тщательной его проверки и при отсутствии в деле особых обстоятельств, в силу которых подсудимый должен быть освобожден от ответственности.

В старое время — при господстве так называемого «инквизиционного» процесса — сознание подсудимого считалось «царицей доказательств», «лучшим доказательством всего света»; и это лучшее доказательство старались тогда всячески вырвать у подсудимого, употребляя разные средства запугивания, вплоть до пытки. В современном процессе это доказательство такого значения не имеет. Современный процесс располагает такими могучими средствами раскрытия истины, что сотрудничество подсудимого в этом деле ему не представляется необходимым. Суд может узнать истину

независимо от содействия подсудимого и даже вопреки стараниям последнего скрыть ее. Поэтому добиваться, во что бы то ни стало, сознания подсудимого ему нет надобности.

Значение сознания подсудимого на суде зависит: 1) от его определенности, ясности, свободы от противоречий; 2) от его соответствия обстоятельствам дела. Сознание, заключающееся в одном «да, виновен», без дальнейших объяснений, может возбуждать справедливые сомнения суда и представляется недостаточным. Подсудимый может делать фальшивое, т. е. несоответствующее действительности заявление о своей вине. Это бывает вовсе не так редко, как может показаться с первого взгляда, и вызывается различными побуждениями. В редких, исключительных случаях такое ложное сознание проистекает из «желания пострадать» по побуждениям религиозного характера, или с целью вызвать чье-либо сочувствие, сожаление, приобрести в чьих-либо глазах авторитет, ореол мученичества и т. д. В германской практике был случай, когда один подсудимый ложно признался в убийстве, желая быть казненным, так как был застрахован и думал, что его семья, после его смерти, получит крупную страховую премию. Чаще ложное сознание делается из любви или дружбы к действительному виновнику, или из «товарищеской солидарности», по правилам «тюремной этики», которая требует, чтобы соучастник, — раз дело раскрылось и кому-нибудь за него «отвечать все равно придется», — «выгораживал» товарищей и «брал вину на себя», причем вовсе не требуется, чтобы этот берущий на себя вину был действительным участником преступления. Нередко ложное сознание обусловлено насильственными действиями и угрозами некоторых органов розыска, старающихся насильем возместить

свою бездарность, недостаток способностей раскрыть истину, не прибегая к грубому насилию; в этих случаях подвергающиеся подобного рода допросам часто «берут на себя дела» и иногда потом и на суде повторяют свое фальшивое признание вины «по пришитым» им делам, считая, что раз уже они подписали протокол или иначе выразили свое сознание, то им надо продолжать делать это и на суде. Иногда фальшивое сознание объясняется просто упадком духа, состоянием депрессии, развивающимся у человека, истомленного продолжительным преследованием или подавленного тяжестью случайно скопившихся улик; ему кажется, что раз он попал в такое несчастное положение, хотя и без вины с своей стороны, то ему «все равно не оправдаться», так уже лучше сознаться. Словом, причины, в силу которых подсудимый или обвиняемый может ложно сознаваться в том, чего он не совершил, могут быть очень различны. Имея в виду возможность такого ложного сознания, надо с большим вниманием и осторожностью относиться к заявлениям обвиняемых и подсудимых об их вине и тщательно проверять их. Необходимо далее избегать при допросе всякого запугивания и принуждения, всякого «улавливания» и «запутывания». Для раскрытия истины все эти приемы не нужны, устарели и чаще могут привести к фальшивому, чем к искреннему сознанию. Вызывая в допрашиваемом чувство страха, смущение, недоверие или отвращение к допрашивающему, мы стесняем его высказывания, заставляем его сжиматься и прятаться в себя, более или менее парализуем его психическую работу. Он начинает только односложно отвечать на вопросы, давая нам в своих скудных высказываниях все менее материала для постановки ему дальнейших вопросов, которые, однако, иногда могут

бы быть чрезвычайно важны. Под влиянием страха и смущения у человека гораздо хуже работает память, и он часто дает неверные ответы не по желанию обмануть, а просто потому, что сам путается в обстоятельствах, будучи не в силах многое вспомнить, а, раз запутавшись, начинает настаивать на своих неверных ответах уже из упрямства или из нежелания обнаруживать неправоильность данных показаний.

Гораздо правильнее вести беседу в спокойном тоне, направляя ее не на один факт преступления, а на разные современные и предшествовавшие моменту преступления события и условия жизни допрашиваемого, на его связи и отношения с различными людьми. Наблюдение постоянно показывает, что если данный субъект совершил исследуемое преступление, то последнее не стоит в его жизни изолированно от круга разнообразных его личных отношений, от преследуемых им общих жизненных целей, от тех условий и сторон жизни, которые его особенно тяготили и т. д. От этого преступления, если оно совершено им, идет ряд связующих нитей к его прошлому, к накопившимся у него жизненным трудностям, к разным условиям его жизни. Выдумать всю массу этих нитей, нагнать во всех пунктах—чрезвычайно трудно, и если такая систематизированная и продуманная ложь субъектом приготовлена для показания, ее нетрудно бывает узнать по ее искусственной прилаженности, по затушевыванию ее несогласованности с некоторыми беспорными фактами, по ее иногда, так сказать, старательной отшлифованности. В этом отношении то психологическое исследование личности, основные черты которого обрисованы ниже, в последней части настоящего сочинения, может дать большой и ценный материал для оценки как сознания, так и заpiresательства подсудимого. Широкое ознаком-

ление с историей жизни данного субъекта, с разнообразными его личными отношениями и жизненными целями и интересами даст в результате ряд фактов, которые подсудимому будет трудно объяснить и объединить, не допуская частичного и, так сказать, косвенного или даже прямого и искреннего сознания в своей вине, если он действительно виноват.

Процессуальное значение сознания подсудимого сводится к тому, что если оно не возбуждает сомнений, ясно, полно и соответствует обстоятельствам дела, то суду предоставляется право прямо перейти к прениям сторон.

Дача показаний, в частности, сознание есть право подсудимого или обвиняемого, а, следовательно, он может и не пользоваться им, может молчать, и никакое принуждение к показанию не должно иметь места. Но если для обвиняемого или подсудимого дача объяснений по делу есть право, то для суда или следователя выслушивание таких объяснений есть обязанность, от которой они отказаться не могут.

В нашем Уголовно-процессуальном кодексе по этому предмету имеются следующие постановления.

В ст. 58 среди других видов доказательств Кодекс упоминает о «личных объяснениях обвиняемого», понятием которых обнимается и сознание подсудимого на суде ¹⁾. Допрос субъекта, на которого падает подозрение в совершении преступления или в участии в таковом, может вообще иметь место по Уголовно-процессуальному кодексу в различных стадиях уголовного дела, начиная с самого зарождения последнего, с досудебной стадии уголовного дела, с дознания и пред-

¹⁾ В ст. 58 следовало бы добавить в конце: «и подсудимого».

варительного следствия ¹⁾). Кодекс предоставляет право допроса подозреваемых в преступлении лиц органам дознания (ст. 99), но к сожалению не определяет ни пределов, ни порядка осуществления этого права. Что касается предварительного следствия, то Кодекс возлагает на следователя обязанность допроса привлеченного в качестве обвиняемого, даже если он признает, что в данном случае производство предварительного следствия не нужно (ст. 109, п. 2). Как скоро следователь из представленного ему материала дознания увидит достаточные данные для привлечения известного лица в качестве обвиняемого, он составляет мотивированное о том постановление и, не позже как в течение 48 часов, должен предъявить обвиняемому обвинение (ст. 128). Не позже, как через 24 часа по явке обвиняемого, или по приводе его, или по получении сведений об его задержании, следователь обязан допросить его. Если допрос не мог быть произведен в течение означенного срока, то о причине такого промедления должен быть составлен протокол. Перед допросом он должен удостовериться в его самоличности, т. е. убедиться в том, что перед ним как раз то лицо, которое привлечено по данному делу в качестве обвиняемого и подлежит допросу, — а затем объяснить ему сущность предъявленного обвинения (ст. 134—135). «Следователь не имеет права домогаться показания или признания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер» (ст. 136). «Допрос обвиняемого начинается предложением рассказать все ему известное по делу; после дачи обвиняемым показаний ему задаются вопросы».

¹⁾ Наш Кодекс предоставляет органам дознания не право лишь «допроса» подозреваемых лиц, как следовало бы, а право допроса, как ясно не только из ст. ст. 99 и 102, но и из ст. ст. 294 и 295.

«В протоколе допроса излагаются показания обвиняемого и отмечаются, по возможности, заданные обвиняемому вопросы и данные им на них ответы». «Показания обвиняемого заносятся в протокол в первом лице и по возможности дословно» (ст. 138). «По окончании допроса протокол прочитывается обвиняемому, который имеет право требовать дополнения протокола и внесения в него поправок, согласно данному им показанию».

«Обвиняемому, в случае его о том просьбы, должно быть предоставлено право собственноручного написания показаний». «Протокол подписывается обвиняемым и следователем» (ст. 139). Если обвиняемых по делу несколько, то они допрашиваются порознь, причем следователь должен принять меры против их сговора» (ст. 137) ¹⁾. Допрос на предварительном следствии является нередко, с одной стороны, подготовкой к сознанию на суде, а с другой, — материалом для суждения о сознании подсудимого на суде. «В случае противоречия показаний, данных подсудимым на судебном следствии, с показаниями, данными на предварительном следствии или дознании, эти последние могут быть прочтены по усмотрению суда или по требованию кого-либо из сторон» (ст. 294). Согласно примечанию к этой (294) статье показания, данные на предварительном следствии, подлежат прочтению и в случае отказа подсудимого на судебном следствии давать показания.

¹⁾ Ст. ст. 140 и 142 предусматривают особые случаи, встречающиеся в следственной практике: допрос немого, глухого, лица, говорящего на языке, непонятном следователю. При допросе немого, глухого или лица, говорящего на непонятном языке, приглашаются переводчики или лица, понимающие знаки немого или глухого. Участие этих лиц отмечается в протоколе, который подписывается ими.

«При слушании дела в отсутствие подсудимого, или в случае смерти кого-либо из подсудимых, по усмотрению суда или по требованию кого-либо из сторон может быть оглашено показание, данное на предварительном следствии или на дознании отсутствующим или умершим подсудимым» (ст. 295).

Допрос подсудимого на судебном следствии происходит уже в самом начале. Открыв заседание, удостоившись в самоличности подсудимого и спросив его, вручена ли ему копия обвинительного заключения или копия предложения прокурора о предании суду (ст. 262—264), а затем выяснив наличие разных других условий, необходимых для возможности слушать дело (ст. 271 и сл.), и разъяснив подсудимому его право задавать вопросы свидетелям, экспертам и другим подсудимым и давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия (ст. 277), председатель должен объявить сторонам состав суда по данному делу, разъяснить им их право отвода и спросить их, заявляют ли они таковой отвод (ст. 278). Судебное следствие начинается чтением обвинительного заключения по делу, — а если предварительного следствия не производилось, то постановления прокурора о предании суду или жалобы потерпевшего, или изложением председателем сущности предъявленного подсудимому обвинения (ст. 279). «Затем председатель разъясняет подсудимому в понятных для последнего выражениях сущность предъявленного обвинения, спрашивает, признает ли подсудимый таковое правильным, и при утвердительном ответе на этот вопрос предоставляет ему дать объяснение по существу предъявленного ему обвинения» (статья 280).

«Если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, — суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон».

«Если подсудимый не признает правильным предъявленное ему обвинение и желает дать объяснение по существу такового, то дача подсудимым таковых объяснений происходит в момент его допроса судом». «При этом подсудимый сохраняет право давать объяснения по поводу показаний каждого отдельного свидетеля во время допроса последних по отдельным обстоятельствам дела, согласно требованию ст. 277 Уголовно-процессуального кодекса» (ст. 282).

«Допрос подсудимого производится председателем и остальными судьями, а затем обвинителем, гражданским истцом, защитником и другими подсудимыми по тому же делу» (ст. 283).

А примечание к этой (283) статье добавляет: «Допрос подсудимого в отсутствие других подсудимых допускается только в исключительных случаях, если этого требуют интересы раскрытия истины».

Из приведенных статей ясно, что подсудимый в любой момент процесса может сознаться в своей вине, может признать обвинение в известной части правильным, может учинить сознание в своем последнем слове, причем если при этом он укажет новые обстоятельства, то судебное следствие может быть возобновлено. Ст. 309 постановляет:

«После последней речи защитника председатель объявляет прения сторон законченными и предоставляет подсудимому последнее слово, после чего суд удаляется для вынесения приговора». «Во время последнего слова

не могут задаваться подсудимому вопросы судом и сторонами». А примечание к этой статье добавляет: «в случае, если в последнем слове подсудимый раскрывает новые обстоятельства, существенные для дела, суд вправе как по своей инициативе, так и по ходатайству сторон возобновить судебное следствие в порядке ст. 305 Уголовно-процессуального кодекса».

Из сказанного видно, что наш Кодекс придает серьезное значение объяснениям подсудимого, в состав которых может входить и сознание подсудимым своей вины. Подсудимый призывается к активной роли в процессе. Но закон не придает безусловного и вообще никакого особого значения сознанию подсудимого. «Сознание обвиняемых, — говорил в 1922 г. Высший судебный контроль в определении по делу № 989, — не только на предварительном, но даже на судебном следствии не может всегда служить безусловным доказательством виновности». Циркуляр № 20 Народного комиссариата юстиции от 31 января 1924 г. между прочим отмечал склонность следователей придавать слишком большое значение сознанию обвиняемых и рекомендовал: «При производстве следствия не придавать решающего значения сознанию обвиняемого, а для всестороннего освещения дела собирать объективные доказательства виновности привлеченных к делу лиц». «В случае сознания обвиняемого, в целях проверки правильности и полноты такового, а равно в целях выяснения характера и размера преступления, допрашивать свидетелей, собирать документы, производить экспертизы и т. п.». Действительно, очень плох тот следователь, который с самого начала будет стремиться лишь к тому, чтобы как-нибудь добиться сознания обвиняемого. Даже если при этом он не нарушит приведенной выше ст. 136, запрещающей ему принуждать к сознанию, он

сразу обнаружит вредную для дела односторонность и поступит вопреки ст. 111, постановляющей: «при производстве предварительного следствия следователь обязан выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности».

В случае же, если следователь прибегнет к угрозам или иным мерам принуждения, чтобы вырвать у обвиняемого сознание, он совершит должностное преступление — злоупотребление властью, — предусмотренное ст. 115 Уголовного кодекса. Эта статья говорит: «Незаконное задержание или незаконный привод — лишение свободы на срок до одного года».

«Принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны производящего допрос лица, а также заключение под стражу в качестве меры пресечения из личных, либо корыстных видов, — лишение свободы на срок до пяти лет».

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ.

В современном процессе главную роль среди доказательств играют свидетельские показания. Часто они являются единственными доказательствами по делу.

Свидетель есть лицо, призванное судебным органом рассказать о воспринятых им тех или иных фактических обстоятельствах дела. Свидетелем может быть только физическое лицо; юридические лица не могут быть свидетелями.

Свидетелей следует отличать, с одной стороны, от обвиняемых, которые также могут сообщать суду о своих восприятиях тех или иных фактов дела, а с другой стороны, — от экспертов. Как показывает само название, обвиняемым является лицо, привлеченное по делу в качестве совершившего — единолично или вместе с другими — преступление, составляющее предмет этого дела. Обвиняемый не может быть как-либо принуждаем к даче показания и не несет ответственности за ложное показание. Его показание имеет иное процессуальное значение и оценивается по иным началам, чем свидетельские показания. Это различие между обвиняемым и свидетелем не лишено практического значения. Его следует иметь в виду при решении вопроса: можно ли вызывать в качестве свидетелей лиц, которых имеется в виду привлечь в качестве обвиняемых, или которые уже привлечены к суду

в качестве соучастников преступления? Иногда следователи, не собрав еще достаточных данных для привлечения подозреваемого лица в качестве обвиняемого, сначала допрашивают его в качестве свидетеля. Это конечно неправильно, потому что таким образом этот мнимый свидетель до известной степени принуждается к показанию и не пользуется процессуальными правами обвиняемого¹⁾. Но в качестве свидетелей по делу своих соучастников могут быть допрашиваемы такие лица, о которых уже состоялся приговор, обвинительный или оправдательный, или дело о которых прекращено за отсутствием улик.

От эксперта свидетель отличается:

1) тем, что он, так сказать, дается самым событием, которое воспринял и которое должно служить содержанием его показания; в этом смысле свидетель незаменим, эксперт же заменим;

2) свидетель должен лишь сообщить о том, что он видел или слышал; эксперт же призывается для того, чтобы дать заключение, т. е. указать те выводы, которые на основании известных специальных знаний можно сделать из определенных фактов.

Всякому свидетелю предлагаются предварительно вопросы для удостоверения его самоличности и отношений к делу и к участвующим в деле лицам (ст. 284 УПК). В самом начале, по проверке наличности явившихся свидетелей, председатель разъясняет им их

¹⁾ Некоторые из этих прав указаны например в ст. 112 Уг.-проц. код., постановляющей, что следователь не вправе отказать обвиняемому в допросе свидетелей и экспертов и в собрании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых обвиняемый ходатайствует, могут иметь значение для дела. См. также ст. 114 и указанный выше, в предшествующей главе, порядок допроса обвиняемого.

обязанности показывать все, что им известно по делу, и предупреждает об ответственности за ложные показания; каждому свидетелю сначала он предлагает рассказать все, что ему известно по делу, избегая изложения сведений, неизвестно откуда исходящих (ст. 285). При этом, как правило, прежде всего допрашиваются потерпевшие от преступления, потом свидетели, указанные обвинителем, и наконец те, на которых сослался подсудимый. После того, как свидетель кончил рассказ, председатель предоставляет сторонам задавать свидетелю вопросы, причем сначала допрашивает свидетеля та сторона, по указанию которой он призван к допросу, а затем — другие стороны. Каждая сторона может предлагать свидетелю и вторичные вопросы в разъяснение или дополнение ответов, данных на вопросы противной стороны. «Председатель и члены суда могут задавать вопросы свидетелю, как до, так и по окончании допроса свидетеля сторонами в любой момент допроса» (ст. 289). Каждый свидетель может быть передопрошен в присутствии других свидетелей или поставлен с ними на очную ставку (ст. 286—290). Как правило, свидетели допрашиваются порознь. Но они могут быть поставлены и на очную ставку с целью согласования их показаний и уличения того, кто показал неверно. Как передопрос, так и очная ставка должны быть производимы с большою осторожностью, для того, чтобы они не превращались в нравственную пытку для свидетеля. Свидетель является в суд для выполнения известной гражданской обязанности; к нему надо относиться с уважением, избегая всего, могущего его обидеть. Свидетельство на суде есть гражданская обязанность. В случае неявки без уважительных причин свидетель подлежит ответственности, а иногда и приводу (ст. ст. 60 и 62).

Явившись в суд, свидетель обязан дать правдивое показание обо всем, что ему известно по делу ¹⁾. Он не может отказаться от дачи ответов на вопросы, клонящиеся к обнаружению противоречия в его показаниях или несообразности их с известными обстоятельствами, или же с показаниями других свидетелей. Стороны должны однако с уважением относиться к свидетелю, хотя имеют право предлагать ему и вопросы о таких обстоятельствах, которые доказывают, что свидетель не мог показанного им ни видеть, ни слышать, или по крайней мере не мог видеть или слышать так, как о том свидетельствует. Согласно ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса не могут быть вызываемы и допрашиваемы в качестве свидетелей:

✓ 1) защитник обвиняемого по делу, по которому он выполняет таковые обязанности;

✓ 2) лица, которые, ввиду своих физических и психических недостатков, неспособны правильно воспринимать имеющие значение по делу явления и давать о них правильные показания.

Примечание к этой статье добавляет: «для разрешения вопроса о способности лица быть свидетелем могут быть приглашаемы эксперты».

Второй пункт приведенной статьи и примечание к ней — чрезвычайно важны. Они указывают на необходимость серьезного внимания к личным свойствам свидетеля, на изучение личности свидетеля, в случае надобности — при содействии экспертизы. От особенностей личности свидетеля его показание может зависеть очень

¹⁾ Свидетели имеют, согласно ст. 65, право на возмещение понесенных ими расходов по явке и на вознаграждение за отвлечение их от обычных занятий. Размер этого вознаграждения определяется особыми инструкциями НКЮ.

сильно; оно может совершенно не соответствовать действительности без всякого умысла со стороны свидетеля.

Наш УПК не знает тех ограничений для родственников и супругов выступать свидетелями, которые существовали в дореволюционном праве и известны современным западно-европейским законодательствам. Так например по английскому праву муж или жена могут давать свидетельские показания лишь со стороны защиты, и только по просьбе о том обвиняемого (Акт об угол. доказ. 1898, п. 4). Есть, однако, ряд дел, в которых они признаются способными быть свидетелями и со стороны обвинения без согласия на то обвиняемого; в некоторых случаях они даже могут быть обязываемы к даче свидетельских показаний, хотя, как правило, принуждение их к свидетельству не допускается ¹⁾).

Говоря вообще, искажение истины в свидетельском показании бывает двоякое:

1) умышленное и преступное, которое носит название лжесвидетельства, и 2) непроступное, невольное, объясняющееся особым состоянием и личными свойствами свидетеля.

Лжесвидетельство есть заведомо ложное показание во вред правосудию перед судебной властью. Оно может заключаться как в искажении факта положительным утверждением чего-либо вымышленного, так и в сокрытии, при сообщении о факте, чего-либо изменяющего его уголовно-правовое значение.

Лжесвидетельство предполагает объективную и субъективную ложность показания. Оно может быть только

¹⁾ См. Холт, Ук. соч., стр. 71. Что касается ограничений для супругов и родственников в нашем дореволюционном праве. то см. ст. ст. 94—99; 705; 707 Уст. уг. суд.

умышленным. По характеру умысла можно различать два вида лжесвидетельства, из которых один можно назвать злостным, а другой — малодушным. К первому надо отнести случай, когда субъект говорит перед судом заведомую неправду с злою целью, — через посредство ошибки правосудия причинить более или менее тяжкий вред другому, заставить его понести незаслуженное наказание. Это лжесвидетельство следует считать сравнительно более наказуемым. Ко второму, менее наказуемому виду следует отнести случаи, когда свидетель дает заведомо ложное показание, не желая по малодушию обнаруживать противоречия с тем, что он по оплошности или растерянности утверждал раньше, или желая сыграть роль в деле, обратить на себя внимание своим показанием, или полагая, что ответственность за данное преступление для лжесвидетельствующего человека будет небольшая, в личных же интересах выгоднее дать данное показание и т. п.

Понятие лжесвидетельства обнимает и заведомо ложный перевод, сделанный на суде переводчиком, и лжеэкспертизу. Последняя представляет собой заведомо ложное показание эксперта относительно фактического материала и его свойств или относительно группировки фактов, их взаимного соотношения и т. д. К ней могут быть отнесены также случаи, когда эксперт сообщает, в подтверждение своего заключения, заведомо ложные основания для суждения о фактах из области своей специальности.

К лжесвидетельству примыкает подделка или переделка документов и вещей, имеющих значение доказательств по делу, предназначенная содействовать сокрытию преступления или его виновника, или наоборот, — незаслуженному увеличению ответственности или осуждению повинного. Это, так сказать, немое лжесвиде-

тельство, которое часто гораздо опаснее выраженного словами.

Уголовный кодекс, в ст. 95, определяет лжесвидетельство как заведомо ложное показание, данное свидетелем, экспертом или переводчиком при производстве дознания, следствия или судебного разбирательства по делу. Наказание: лишение свободы или принудительные работы на срок до трех месяцев. Это определение в общем правильно, но широко, так как вряд ли возможно относить к лжесвидетельству и заведомо ложные сведения, сообщенные органам дознания. С правильной точки зрения при дознании вообще не должно быть формальных допросов; дознание должно ограничиваться словесными расспросами и негласным наблюдением. Уголовно-процессуальный кодекс отводит несомненно дознанию слишком широкие пределы. Во всяком случае разница между дознанием и действием судебной и следственной власти и по существу, и в сознании граждан слишком велика, чтобы заведомо неверное показание органу дознания можно было считать столь же преступным, как и лжесвидетельство у следователя или на суде.

Квалифицированным является лжесвидетельство, соединенное: 1) с обвинением в тяжком преступлении, 2) с корыстными мотивами, 3) с искусственным созданием доказательств обвинения. За такое лжесвидетельство Кодекс наказывает лишением свободы на срок до двух лет.

По своему внутреннему содержанию лжесвидетельство бывает очень разнообразно. Иногда образующая его ложь состоит в выдумывании целых событий, иногда — лишь в прибавлении к действительным событиям отдельных признаков или черт, или наоборот, — в отрицании некоторых свойств этих событий при верной передаче

остального их содержания. Иногда ложь заключается в искажении не самых событий, а их связи, их распределения во времени или в пространстве, их хронологической последовательности и преемственности, или их причин и порядка развития. Бывают случаи, когда дающий заведомо ложное показание не является сам изобретателем лжи, а повторяет ложь, подсказанную ему другим, зная однако, что сообщаемое им — ложь. Но каковы бы ни были происхождение и содержание лжи, только если она носит характер умышленного преступления, она становится лжесвидетельством.

Гораздо чаще, чем лжесвидетельство, на практике встречается также искажение истины в свидетельских показаниях, которое лишено черт указанного преступления или содержит их в себе, так сказать, в скрытом, нераспознаваемом состоянии. В основе всякого свидетельского показания лежит воспоминание о том, что свидетель слышал, видел или испытал. Искажение истины может закрасться в воспоминания свидетеля различными путями. Свидетель может плохо и неправильно вспоминать — прежде всего потому, что в свое время он плохо воспринял известное событие. Действительные события могли слабо и неполно отпечатлеться в его сознании; его восприятие их могло быть недостаточно и, по крайней мере в известных частях, — слишком бледно. Его восприятия далее могли быть в большей или меньшей мере иллюзорны, т. е. он мог примешать к ним элементы, соответствующих которым черт или признаков в событии на самом деле не было. Наши восприятия представляют собою очень сложные психические явления; в них можно различить два элемента: с одной стороны, — ощущения, полученные в данный момент, а с другой стороны, — то, что мы привносим в них из своего прошлого опыта. Мы привносим в них

накопившиеся у нас навыки и предрасположения, различные образы наших воспоминаний, сознание единства и множества воспринимаемого, его сходств и различий. В общем восприятие представляет собою, так сказать, очень сложную постройку, которая всегда носит печать различных особенностей субъекта. Один скорее и острее воспринимает одно, другой — другое. В тех случаях, когда в восприятие внесено представление, более или менее березно его изменяющее и сливающееся с ним в одно целое, и когда все эти элементы рисуются в сознании как одно целостное восприятие, говорят об иллюзии или об иллюзорном восприятии. Здоровое и ясное мышление без труда различает представления от ощущений. Ощущения возникают вследствие непосредственного возбуждения органов чувств, возбуждения периферического, исходящего от объекта восприятия. Представление порождается не периферическим, а центральным возбуждением; притом обыкновенно оно бледнее, слабее ощущения. По характеру своему представление может быть репродукцией восприятия или новым своеобразным сочетанием отдельных репродуцированных ощущений; последнее бывает во сне, в образах фантазии, мечтах и т. п. Смещение представлений с ощущениями и восприятиями может проявиться в различной форме: во-первых, восприятие может быть принято за представление, как это бывает, когда например существующее в действительности кажется человеку происходящим во сне; во-вторых, представление может быть принято за восприятие, как это бывает например при галлюцинациях; в-третьих, элементы представления могут примешиваться к действительным ощущениям и приниматься за одно действительно воспринимаемое целое, как это бывает например при иллюзиях, когда действительные ощу-

щения смешиваются с представлениями и дают в результате совершенно неправильное восприятие: например, перед человеком стоит лампа, а он видит на ней сияющего ангела и т. п.; в отличие от галлюцинации, иллюзия всегда имеет в основе своей известное получаемое извне впечатление, которое, однако, воспринимается неправильно.

На характер восприятий оказывает влияние масса условий: состояние органов чувств у человека, степень их развития и наличие или отсутствие в них тех или иных дефектов. Ясно, что например слепота или глухота оказывают серьезнейшее влияние на восприятия; при них одни восприятия исчезают, другие — например, слух и осязание у слепых — становятся особенно острыми. Поэтому на наличие у свидетеля тех или иных телесных недостатков, затруднявших для него восприятие известных событий или даже делавших для него недоступными известные восприятия, равно как и на особую изопренность, тонкость и полноту определенных восприятий — надо обращать самое серьезное внимание. Большое влияние на восприятие оказывают пол и возраст, темперамент и характер человека. Так например сравнительно большей впечатлительности и эмоциональности женщин и детей должно быть придаваемо несомненно большое значение при оценке их показаний. Замечено также, что промежутки времени очень часто кажутся людям длиннее; по опытам Мак Дуголля мужчинам время кажется длиннее на 35%, а женщинам — на 111%. По заключению Штерна женщины сравнительно менее забывают воспринятое, но более искажают. Для лиц того и другого пола он указывает такие проценты:

потеря памяти	у мужчин	20,	у женщин	13
искажение воспринятого	»	7,8	»	10,5

Забывчивость женщин относится к забывчивости мужчин, как 2:3, а недостоверность их показаний, как 4:3. Конечно всем этим цифрам нельзя придавать безусловное значение и видеть в них какие-то твердо установленные, категорические выводы, но они все же представляют несомненный интерес и показывают, что при оценке свидетельских показаний нельзя игнорировать и пол свидетеля. Нельзя не добавить, что приведенные цифры Штерн получил из весьма небольшого числа опытов, весьма интересных однако и в другом отношении, как указывающие, как быстро меркнет воспоминание о воспринятом и все более искажается под влиянием даже небольших промежутков времени. Его опыты, произведенные при содействии фрейбургского профессора Ионаса Кона, сводились к следующему. 30 лицам — 22 мужчинам и 8 женщинам — были предложены 3 отпечатанные белым и черным картины: 1) художник, 2) зайцы и 3) дедушка. Картины были выбраны такие, которые не могли быть известны испытуемым лицам. Самой легкой в смысле ясности и распределения подробностей была третья картина, а самой трудной — первая. Каждая картина выдавалась испытуемым на $\frac{3}{4}$ минуты с предупреждением, чтобы они не вступали ни с кем ни в какие разговоры по поводу этой картины и старались не думать о ней. После осмотра картины испытуемое лицо делало немедленно ее описание. Затем отбирались повторные описания: для картины «Дедушка» — одно в конце третьей недели; для картины «Зайцы» — два: одно — в конце второй и другое — в исходе третьей недели, а для картины «Художник» — три: одно через 5 дней, другое — через 14 дней и третье — через 21 день. Таким образом от каждого из испытуемых получено по 9 описаний. Кроме того от 17 мужчин и 6 дам были отобраны заявления,

какие части своих показаний они подтвердили бы присягой, если бы давали их на суде. Результаты: из 282 отобранных Штерном показаний только 17 оказались безошибочными, причем 15 из них принадлежали к числу описаний, отобранных сейчас же после рассмотрения картин. Из 188 повторных описаний (т. е. показаний по памяти) безошибочных было только 2 или 1%.

В течение 5 дней ошибочность воспоминания возросла на 1,5%, в течение 14 дней — на 4,3%, в течение 21 дня — 6%. С каждым днем ошибочность воспоминания возрастала на 1,3%. Но повидимому процесс искажения воспоминания под влиянием времени идет в убывающей прогрессии, во всяком случае — с уменьшающейся скоростью. Повторение показаний укрепляет образ воспоминания.

Таким образом получается такой вывод: показания тем более ошибочны, чем длиннее разделяющий их промежуток времени; они тем менее ошибочны, чем чаще воспоминания свидетеля возобновлялись.

Указанные выше различия между мужскими и женскими показаниями легко объяснить главным образом большей впечатлительностью и эмоциональностью женщин. В силу этого восприятия становятся более субъективными, но резко отпечатлеваются в памяти. Несомненно, что более широкие опыты дадут более полные и твердые выводы, которые необходимо учитывать и при оценке свидетельских показаний.

Надо признать, что до сих пор в этом отношении опыты дали еще мало надежные и резко расходящиеся результаты ¹⁾.

¹⁾ Ср. Мюнстерберг, Основы психотехники. Ук. перев. II, 92—93.

Существенно изменяются восприятия и воспоминания в связи с возрастом ¹⁾. Внимание детей и подростков отличается сравнительно большей неустойчивостью, распылчатостью, подвижностью, утомляемостью. При этом у них летом, в то время как мускульная сила увеличивается, внимание и память во время жары понижаются. Ребенок растет, и в связи с ростом его душевная жизнь испытывает большие колебания на протяжении каждого года. «Физическая жизнь ребенка, — говорит известный педагог проф. Мейман, — более интенсивна осенью и зимой; с октября по январь развитие телесных сил ребенка, его рост и питание организма идут благоприятно и все увеличивается». «Затем в марте и апреле замечается ослабление, после которого снова наступает период усиленной жизнедеятельности, продолжающийся до июля» ²⁾. «Рост детей меньше всего увеличивается с конца августа до конца ноября, затем увеличение идет несколько скорее до конца марта и достигает высшего предела от конца марта до середины августа; летом следовательно дети сильнее всего растут» ³⁾. «Самыми не-

¹⁾ Интересное исследование показаний подростков в делах о половых преступлениях произведено В. Штерном, в его книге: *Jugendliche Zeugen in Sittlichkeitsprozessen*, 1926. Там указан целый ряд разнообразных факторов, влияющих на показания подростков таким образом, что они более или менее сильно отклоняются от истины. Во второй части книги приведены примеры разных ложных показаний подростков и данные психологических экспертиз, произведенных самим Штерном (стр. 91 и сл.; 127 и сл.). Вопросу о детских показаниях в делах о половых преступлениях посвящена также работа психолога Марбе: *Kinderaussagen in einem Sittlichkeitsprozess*. *Fortschritte d. Psychol.* 1913.

²⁾ Мейман, Лекции по экспериментальной педагогике. Русск. перев. 2 изд., 1911, 1, 60.

³⁾ Там же, 1, 61.

благоприятными месяцами в отношении мускульной силы являются для мальчиков январь и март, для девочек — март и апрель». «Замечательно, что духовное развитие ребенка в течение года также испытывает колебания, которые частью идут параллельно упомянутым физическим колебаниям, частью же совершаются в прямо противоположных направлениях»¹⁾. Внимание и память непрерывно возрастают с октября до января и ослабевают с января до марта. Вообще развитие памяти и общее умственное развитие в возрасте от 9 до 14 лет, по свидетельству проф. Меймана, идут параллельно с физическим развитием²⁾. Время воспроизведения представлений у ребенка вообще гораздо более, чем у взрослого. Всего более времени для воспроизведения у детей требуют ассоциации, выражающие какие-либо отношения. По наблюдениям Цигена, «подчиняющие ассоциации даются ребенку легче, чем обобщающие, расчленяющие — легче, чем дополняющие». При этом дети сравнительно более восприимчивы к внушению, — девочки более чем мальчики. Проф. Мюнстерберг, отмечая большую внушаемость детей, указывает на большую опасность выпрашивания детей на суде, так как в редакцию вопросов легко может закрасться внушение. Лучше всего, думает он, представлять им свободно рассказывать. Он советует также предъявлять ребенку для установления личности и опознания не одного человека, а нескольких, так как при предъявлении лишь одного сила внушения слишком велика для ребенка; только если он свободно узнает одного из нескольких, к его показанию можно еще от-

¹⁾ Там же.

²⁾ Там же, 1, 59.

нести с доверием ¹⁾. Девочки лучше помнят цвета, мальчики — формы ²⁾. Дети импульсивны, не умеют достаточно владеть собой, слишком легко поддаются первому впечатлению, легко меняют свои настроения и мало и плохо предвидят последствия поступков. Все эти свойства, широко распространенные у детей и у отдельных мальчиков и девочек, встречающиеся с большими индивидуальными особенностями, должны приниматься во внимание при оценке детских свидетельских показаний. Восприятия и наблюдения детей часто бывают тем более объективны, чем менее в них возбуждают аффектов и затрагивают их тщеславие наблюдаемые предметы или вообще явления ³⁾. По точности показаний мальчики в большинстве случаев превосходят девочек, восприятия которых более субъективны, или, как выражаются педагоги, у девочек в наблюдениях преобладают личные категории, у мальчиков — предметные ⁴⁾. Но вообще восприятия и воспоминания детей сравнительно более субъективны, причем они менее, чем взрослые, различают ощущения по качеству и интенсивности; они менее различают цветов, оттенков и звуков ⁵⁾. Следует обратить также серьезное внимание на особенности, которыми окрашено все вообще мышление ребенка, на полное или почти полное отсутствие в этом мышлении отвлеченных понятий и преобладание более или менее ярких индивидуальных представлений. «Самое замечательное различие между тем, как усваивают восприятия ребенок и взрослый, —

¹⁾ Мюнстерберг, Основы психотехники. Перев. Северного и Экземплярского, т. II (1924), стр. 92.

²⁾ Мейман, У. с., 1, 112 и сл.; 203, 204, 205, 250 и сл., 270.

³⁾ Там же, 1, 114; Мюнстерберг, Основы психотехники, II, 92.

⁴⁾ Мейман, там же, 1, 112.

⁵⁾ Там же, 1, 63.

говорит проф. Мейман, — заключается пожалуй в том, что у детей до 12 лет — в различной степени в зависимости от возраста — отсутствует способность объединять, синтезировать отдельные восприятия в общие впечатления... Внимание дитяти приковывается к частностям, объединение в одну общую картину не поспевает у него за восприятием отдельных подробностей... Это обнаруживается по поводу всякого сложного объекта восприятия. Рассматривая картину, шестилетний ребенок обыкновенно еще совсем не обращает внимания на ее смысл; он называет и описывает только ничем не связанные между собою частности»¹⁾. Ребенок менее критически относится к своим восприятиям, чем взрослый, менее отдает себе отчет в том, что именно он воспринимает, а что приисочиняет от себя. В сфере мышления различие между ребенком и взрослым проявляется в том, что взрослый думает преимущественно словами, а ребенок — наглядными представлениями. «Дитя может мыслить и словами, и это легко доказать посредством опытов; точно так же и взрослый человек может мыслить наглядными представлениями о вещах, но взаимное отношение обоих видов представлений различно у ребенка и у взрослого». «Следствием этого является другое различие в области представлений; именно потому что взрослый человек мыслит преимущественно словами, он должен мыслить более отвлеченно, чем ребенок, так как слова собственно и служат носителями наших отвлеченных представителей». «Наше отвлеченное мышление есть преимущественно мышление словами, при котором наглядные представления только еще слегка скользят в сознании». «Напротив, у ребенка мышление должно состоять главным образом из конкретных пред-

¹⁾ Ук. соч., I, 67.

ставлений, отвлеченное же мышление должно занимать второстепенное место». «Ребенок в возрасте от 6 до 14 лет совсем неспособен к образованию отвлеченных понятий; если он часто не понимает значения слов, выражающих такие понятия, то это только естественное следствие того факта, что ему недоступны знания и круг опыта, из которых добыты отвлеченные понятия». «Последствие этого так называемого конкретизма ребенка обнаруживается в его волевых действиях». «Так как ребенок мыслит преимущественно отдельными представлениями, то и действия его определяются по большей части конкретными единичными целями или мотивами, между тем как взрослый человек поступает главным образом на основании общих решений или на основании принципов»¹⁾. «Внешние действия ребенка вначале вызываются единичными изолированными импульсами, между тем как взрослый почти всегда поступает под влиянием сложных импульсов»²⁾.

Сказанное об особенностях детского возраста, могущих роковым образом отражаться на показаниях детей и подростков, далеко передко фигурирующих в судах в качестве свидетелей, надо дополнить еще указанием на влияние на развитие и состояние подростка начинающегося полового созревания. Развитие половой зрелости происходит не одинаково в различных климатах и у подростков разного пола. У южных народов оно наступает раньше, чем у северных, у девочек раньше, чем у мальчиков. Особенно сильно отражается половое созревание на психическом состоянии девочек 13—14 лет и мальчиков 14—17 лет. Эпоха, непосредственно предшествующая половому созреванию, является обык-

¹⁾ Там же, 1, 64—65.

²⁾ Там же, 1, 68.

новенно периодом усиленного развития; половое созревание производит задержку в этом развитии. У девочек в возрасте 11—12 лет развитие идет быстрее, чем у мальчиков, но потом мальчики развиваются быстрее ¹⁾. Особенно неблагоприятным для духовного развития обоих полов оказывается 11-й год жизни, а затем, смотря по странам и расам, 12-й, 13-й или 14-й для девочек и несколько старше — для мальчиков ²⁾. В период полового созревания подросток часто бывает особенно аффективен, малоспособен к точному наблюдению, особенно поддается внушению и легко принимает за действительность продукты своей фантазии ³⁾. Из сказанного ясно, что к показаниям подростков надо относиться с особенной осторожностью. Нет оснований совсем не допускать их к свидетельству, но необходимо внимательное критическое отношение к их показаниям. Заслуживает внимания английское доказательственное право, по которому показание ребенка может послужить основанием обвинительного приговора, лишь если оно подтверждается другими данными ⁴⁾. Хотя такому положению нельзя придавать безусловного значения, но, как общее правило, оно верно.

Большое влияние на восприятия и последующие воспоминания человека, а следовательно и на его свидетельские показания — имеют его состояние и настроение в момент, когда ему пришлось столкнуться с преступным происшествием. Человек, озабоченный, поглощенный своими мыслями или расстроенный, естественно многое упускает из виду, шире переоценивает,

¹⁾ Там же, 1, 58.

²⁾ Там же, 1, 62.

³⁾ *W. Stern*, *Jugendliche Zeugen in Sittlichkeitsprozessen*, стр. 41.

⁴⁾ *Холт*, Ук. соч., стр. 72.

а иное наоборот недооценивает. Каждое новое впечатление ложится, как на известный общий фон, на предшествующее состояние личности и различно изменяется под влиянием элементов, образующих это состояние. Поэтому то состояние, в котором находился свидетель в момент восприятия связанных с преступлением событий, должно быть предметом зоркого внимания оценивающего данное показание.

Большое влияние на свидетельские показания оказывают далее общий склад личности, ее темперамент и характер. Люди «наблюдательного типа» привыкли сосредоточивать внимание на происходящих перед ними событиях, выделять главное и на нем особенно фиксировать внимание, связывая с ним в одно целое разнообразные детали. Люди же «эмоционального типа» наоборот не столько воспринимают происходящие события, сколько выражают свое настроение и отношение к ним. В этих событиях для них особенно ярко выделяется то, что затрагивает их чувство, и от этого чувства зависят те связи, в которые их мысленно ставит подмеченные ими факты. Часто особенно большое значение имеют пугливость и трусость субъекта. Захваченный каким-либо событием преступного характера, такой субъект прежде всего старается улизнуть, скрыться, а не наблюдать; у нас особенно часто бояться попасть в свидетели и любят руководиться поговоркой: «моя хата с краю — ничего не знаю». Большое значение имеют, далее, темперамент и характер субъекта, развитие у него тех или иных склонностей и большей или меньшей активности. Вспыльчивость субъекта, его склонность вмешиваться, когда он возмущен и видит несправедливость, — все это очень влияет на то, что и как он воспринимает. А. Ф. Кони иллюстрирует отношение людей различных темпераментов к происхо-

дящему у них на глазах следующим образом: «Для характеристики влияния темперамента на показание, т. е. на рассказ о том, как отнесся свидетель к тому или другому явлению или событию, можно в виде примера представить себе отношение обладателей разных темпераментов к одному и тому же происшествию. Трамвай наехал на переходившую через рельсы женщину и причинил ей тяжкие повреждения или быть может самую смерть — вследствие того, что она не обратила внимания на предупредительный звонок, или что таковой раздался слишком поздно. Сангвиник волнуясь скажет: «Это была ужасная картина — раздался раздирающий душу крик, — хлынула кровь, — мне послышался даже треск сломанных костей; эта картина стоит перед моими глазами, преследует меня, волнуя и тревожа». Меланхолик скажет: «При мне вагон трамвая раздавил несчастную женщину; и вот людская судьба: быть может, она спешила к любящему мужу, к любимым детям, под семейный кров — и все разбито, уничтожено, — остались слезы и скорбь о невозвратной потере, — и картина осиротелой семьи с болью возникает в моей душе». Холерик негодуя скажет: «Раздавили женщину! Я давно говорил, что городское управление небрежно в исполнении своих обязанностей: можно ли поручать управление трамваем таким вагоновожатым, которые не умеют своевременно начать звонить и предупредить тем рассеянного или тупого на ухо прохожего?» «И вот результат. Судить надо за эти упущения, и строго судить». А флегматик расскажет: «Ехал я на извозчике и вижу: стоит трамвай, около него толпа народа, что-то смотрят; я привстал в пролетке и вижу — лежит какая-то женщина поперек рельсов, — вероятно наехали и раздавили. Я сел на свое место и сказал извозчику:

«пошел скорее»¹⁾). Эта картина быть может не отличается большою точностью, но достаточно ярко и живо характеризует отношение людей различных темпераментов к происходящим перед ними событиям: различны и их восприятия этих событий, и те ассоциации, которые по связи с этими событиями всплывают в их сознании.

Кроме особенностей личности свидетеля, сосредоточения его внимания — в момент, когда он стал очевидцем преступления — на чем-либо ином и его аффективного состояния, более или менее мешавшего ему наблюдать, — при оценке свидетельских показаний надо считаться еще со следующими обстоятельствами.

Преступление обыкновенно совершается быстро и слагается из событий или актов, скоро следующих друг за другом.

Свидетель бывает, так сказать, застигнут преступлением неожиданно, когда ни о какой подготовке с его стороны к восприятию этого события не может быть и речи. В этом отношении между свидетелем преступления и человеком, над которым в психологической лаборатории производится эксперимент, большая разница; последний знает, что сейчас ему придется нечто воспринять и может более или менее подготовиться к этому.

Преступление обыкновенно более или менее сложно, часто и очень сложно. Даже в тех случаях, когда самое действие преступления состоит из одного акта — одного удара, оскорбительного слова и т. п., — содержание преступления включает в себе, кроме этого акта, ряд моментов, лишь в связи с которыми данный акт при-

¹⁾ *Кони*, Память и внимание. На воспоминаний судебного деятеля. 1922 г., стр. 33.

обретает значение определенного преступления и которые свидетелю необходимо подметить, чтобы дать достаточно полное и верное показание. Если теперь с этими объективными условиями мы сопоставим свойства и обычную работу человеческой памяти, то поймем, почему прежняя вера в свидетельские показания, как в надежное доказательство, все более уступает в настоящее время место скептическому отношению к ним и все более настойчивым указаниям на необходимость весьма осторожного и критического к ним отношения.

Прежде всего, для полного и точного восприятия такого сложного события, как преступление, нужно, чтобы у человека все органы чувств находились в состоянии полного развития, — чтобы он хорошо и видел, и слышал, и воспринимал движения и чтобы он обладал хорошей зрительной и слуховой памятью и памятью «кинестетических» ощущений, достаточно живыми «кинестетическими идеями». Между тем в жизни обыкновенно у человека преобладают, достаточно ярко и долго сохраняются лишь представления какого-либо одного рода, в зависимости от чего человек является носителем или так называемого зрительного, или слухового, или двигательного типа, т. е. у него сравнительно лучше и в большем числе воспроизводятся зрительные, слуховые или двигательные образы. Правда, есть как бы промежуточные типы — зрительно-двигательный, двигательно-слуховой и т. п., но обыкновенно все-таки субъект особенно точно и полно воспринимает лишь известного рода ощущения и воспроизводит их в представлениях. Поэтому следует внимательно отнестись к этой стороне личности свидетеля и постараться уяснить, к какому из этих типов он относится, какого рода образы преобладают и лучше сохраняются в его созидании. В зависимости от этого на ту или иную часть

его показаний можно опереться, при суждении о деле, с большей или меньшей уверенностью.

Наблюдение показывает, что память людей вообще неточна и страдает большими пробелами. Правда, по верному замечанию проф. Бернштейна, — «в нас коренится глубокое убеждение, незыблемая вера в то, что наше воспоминание во всех частях с действительностью совпадает, что представление о пережитом всецело покрывает минувшую действительность, что между тем, что было, и тем, что сохранилось и возродилось в памяти, существует полное тождество. Если мы и допускаем, что тот или иной факт из отдаленного прошлого мог исчезнуть из нашей памяти, то нас никогда не покидает убеждение в том, что то, что мы помним, то, что мы знаем, — мы знаем твердо, точно и полно; нам представляется, что стоит лишь протянуть руку к запасу воспоминаний о пережитом, прочувствованном, виденном, слышанном, продуманном, чтобы добыть все то, что нам нужно, — именно то, что нужно, и именно в том виде, в каком оно было сдано в архив сознания, в каком оно происходило в действительности»¹⁾. На самом деле наша память не только количественно ограничена, но и качественно не непогрешима. Мы неполно воспринимаем и неточно вспоминаем сколько-нибудь сложные события. Когда перед нами несколько предметов или сложное событие, мы схватываем лишь некоторые черты их, дополняем разными субъективными элементами и в таком виде сдаем их в архив нашего сознания, а наша память и из этого неполного, субъективно окрашенного материала сохраняет и воспроиз-

¹⁾ См. его статью: «Воспоминание и действительность» в сборнике «Проблемы психологии». «Ложь и свидетельские показания», стр. 153.

водит лишь часть. Свидетель, который наблюдал преступление, всегда схватывает лишь часть, лишь некоторые моменты развернувшейся перед ним преступной драмы, привносит разнообразную субъективную окраску в воспринятое им и хранит последнее в своей памяти в малоизмененном виде сравнительно недолго, а затем сложившиеся у него образы тускнеют, из них все более выпадают отдельные звенья и детали, а их субъективные элементы все более растут и поглощают остальное их содержание. Целый ряд опытов был произведен с целью выяснить, насколько действительно обыкновенно неполны и неточны свидетельские показания ¹⁾. Вот некоторые из этих опытов. В Бостоне, в унion-клубе, четырьмя лицами в течение нескольких минут была разыграна захватывающая сцена в банкирской конторе с разными, точно заученными подробностями, и двадцать известных юристов и финансистов города были приглашены наблюдать за действием и потом описать его. Никто не был в состоянии описать все действия точно, со всеми деталями. В большинство описаний были упущены от 50 до 60% фактов, имевших место в действительности, и вместе с тем в описании было вставлено столько неверностей, что в некоторых оказывалась неверной $\frac{1}{3}$ переданных событий ²⁾.

Проф. Лиет однажды на своих практических занятиях произвел следующий опыт. Во время чтения

¹⁾ В настоящее время по вопросу о психологии свидетельских показаний существует очень обширная литература. Указатель немецкой литературы см. в 3-м издании «Die differentielle Psychologie» W. Stern 1921, стр. 423 и сл. В Германии, вскоре после появления первой работы В. Штерна, в 1902 г., возник даже специальный журнал, посвященный исследованию свидетельских показаний: «Beiträge der Psychologie der Aussage».

²⁾ Мюнстерберг, Основы психотехники. Ук. перев., II, 89.

одним студентом реферата о Тарде и его научных трудах Лист вдруг встал, взял шляпу и заявил, что, ввиду одного неотложного дела, он должен уйти и прервал по реферату откладывает до следующего раза. Студенты были удивлены отерочкой прерий, причем один из студентов, задетый замечанием товарища, бросился на него с угрожающими словами и сжатыми кулаками и схватил его за шиворот, а тот выхватил револьвер. Лист схватил пытавшегося стрелять за руку. Студенты роняли ссорившихся. Никто кроме участников сцены не знал, что все это было подстроено Листом с целью опыта. Присутствовавшим было предложено дать письменные показания о происшествии, свидетелями которого они только что были. Показания дали 14 человек, из них только один — вполне верное, а самое неверное показание принадлежало присутствовавшему на занятиях члену одного суда. Лишь у трех из давших показания менее половины показания было неверно, у остальных неверности превышали 50%.

Сходный опыт произвел в Бреславле проф. Липман, во время одной из своих лекций. Интересно при этом отметить, что аудитория Листа состояла из студентов берлинского университета, а аудитория Липмана — из рабочих. За четверть часа до конца лекции проф. Липмана кто-то постучал в аудиторию. Профессор ответил: «войдите». Вошла дама маленького роста, с темными глазами и волосами, в черной фетровой шляпке на голове, в черной кофточке, в черной юбке, в черных башмаках, в черных лайковых перчатках и с черным зонтиком. Липман ей сказал: «Теперь мне некогда; ты можешь ведь меня подождать, я сейчас кончу». Дама сказала, что она может подождать, взяла с кафедры книжку, села на переднюю скамью слева, с края, около окна, облокотилась на обе руки и стала читать.

Затем она встала и сказала: «Тут ужасно жарко. Нельзя ли открыть окно?» Встав, она дотронулась до ручки оконной рамы. Липман возразил: «Оставь. Уж не так здесь жарко», — и, обращаясь к аудитории, прибавил: «Не правда ли? Подожди меня снаружи», добавил он, обращаясь к даме. «Мне здесь жарко, лучше я подожду на дворе», — с этими словами дама вышла, сунув книжку в карман юбки. Через 3 и 4 дня Липман предложил своим слушателям рассказать вышеописанное простое происшествие. На вопрос, взяла ли дама что-либо с кафедры, получилось два «не знаю» и ни одного верного ответа. В ответах на остальные вопросы была масса неверностей, хотя все-таки из общего числа показаний верных было 67%.

«Когда в Геттингене в одно учебное заседание, состоявшее из юристов, психологов и врачей, во время карнавала ворвалась толпа ряженых и председатель, — один посвященный в тайну заранее подготовленной и разученной сцены — попросил каждого из присутствующих ученых составить лично от себя протокол по поводу случившегося, то оказалось, что и здесь также среди сорока собственноручных описаний нашлось только одно, где было забыто меньше, чем 20% отдельных составных частей разыгранной сцены. У четырнадцати лиц нехватало до 40%, у двенадцати от 40 до 50% и у тринадцати — более 50% таких частей. Но, рядом с пропусками, вкрадывались прямо неверные показания. В 24 отчетах до 10% утверждений были свободным изобретением, а в четвертой части всех отчетов — более 10% показаний были прямо неверны, хотя и принадлежали исключительно лишь опытным наблюдателям»¹⁾.

¹⁾ Мюнотарберг, Основы психотехники. Ук. перов., № 87.

Для иллюстрации того, как легко закрадываются разные исверности в свидетельские показания и накапливаются в них, поучителен следующий опыт, произведенный в Бреславле В. Штерном. Он прочитал одному лицу — А — следующее описание одного преступления:

«Несколько недель тому назад сделано неожиданное открытие в маленьком городке, в 6 килом. от Лпона. В одном из лучших домов города жила вдова чиновника. У нее было двое детей, но через несколько лет после смерти отца умер сын, а дочь — красивая девочка — сейчас же после его смерти внезапно исчезла из дома; мать была в полном отчаянии, она разыскивала ее всяческими способами, но безуспешно. С течением времени страдания несчастной женщины несколько утихли; она искала забвения в живом общении с людьми и в благотворительности. Анонимный донес открыл полиции невероятную вещь, что дочь вовсе не исчезла, а все время, т. е. 3½ года, находилась у матери взаперти. Полиция открыла потайную дверь, которая вела в бедную комнату. Противозестественная мать, тут же арестованная, отказалась дать какие-либо сведения о преступлении. Из массы комбинаций, о которых всеюду говорят, следует упомянуть одну, хотя и эта представляется мало вероятной: думают, что может быть вдова устранила с дороги сына, желая приевоить себе наследство, и что дочь была случайной свидетельницей преступления; поэтому мать решила сделать ее безвредной таким способом».

Лицо А, которому Штерн прочитал вышесприведенное сообщение, должно было через 3 часа изложить выслушанное письменно. Это изложение Штерн прочитал лицу Б, которое в свою очередь составило письменное изложение выслушанного; это последнее Штерн

прочел лицу В, а затем изложенное В — лицу Г и т. д. Надо заметить, что все участники этого опыта были люди интеллигентные: известный юрист, писатель, студент, образованная дама... В результате этой передачи от одного к другому первоначальный рассказ все более подвергался искажениям, причем часть фактов постепенно выпадала и заменялась привнесением разных вымыслов лица, составлявшего письменное изложение выслушанного. Уже у четвертого участника последовательной передачи рассказа, — у лица Г, — первоначальное сообщение получило следующий вид:

«В Лионе было совершено страшное и загадочное преступление... У одной богатой старухи исчезли дочь и сын... В городе стали ходить об этом слухи... Полиция сочла нужным сделать у старухи обыск... Перерыли весь дом, но ничего найти не могли... Старуха возмущалась, что ее могут подозревать... Вдруг кто-то из полицейских наткнулся на потаенную дверь, которая по узкой и темной винтовой лестнице вела в подвале... Там на соломе лежал уже разложившийся труп несчастной девушки... Следствие раскрыло причину преступления: старуха хотела получить после дочери наследство... А сын ее, узнав об участи сестры, убежал и пропал без вести»¹⁾.

¹⁾ Опыты Штерна первоначально были изложены им в статье «Zur Psychologie der Aussage», в «Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft», т. XXII и отдельно брошюрой в 1902 г. Там изложен и приведенный мною выше (стр. 56 сл.) опыт Штерна. Эти опыты подробно описаны в статье Гольдовского, Ложь и свидетельские показания, в цитированном выше сборнике: «Проблемы психологии». См. стр. 80 и сл. Канторович («Психология свидетельских показаний». Харьков 1925 г., стр. 15 и сл.) сообщает, что опыт, аналогичный описанному выше в тексте, был произведен у нас в Ленинграде в 1904 г., по инициативе редакции «Судебного обозрения». Там в это время гастролиро-

Постепенное искажение сообщения, при передаче от одного к другому, Бентам объяснял так: первый, передающий сообщение или слух, знает вследствие делаемых ему возражений, где есть слабый пункт в сообщаемом, мешающий его убедительности, и этот пункт прикрывает ложью, которая передается последующим передатчиком уже как факт и т. д. Как бы то ни было, из указанных выше опытов ясны опасность и недопустимость опираться на свидетельство по слуху, неизвестно от кого исходящему, вследствие невозможности проверки этого быть может совершенно фантастического показания. Свидетельство по слуху из известного источника приемлемо как основание для суждений по уголовному делу, но лишь после тщательной его проверки.

Для того чтобы картина тех путей и способов, которыми в свидетельские показания закрадываются разные неточности и искажения, была достаточно полна, осталось упомянуть еще о влиянии на эти показания трех групп условий:

- 1) употребления свидетелем тех или иных наркотиков;
- 2) нервного и душевного расстройства свидетеля и
- 3) внушения.

вала труппа Московского Художественного театра, причем ставился шекспировский «Юлий Цезарь». Редакция «Судебного обозрения» после последнего представления этой пьесы опубликовала в газетах обращение к лицам, посетившим эти спектакли, в котором просила их прислать письменные ответы на ряд вопросов, касавшихся сцены убийства Юлия Цезаря. Вопросы, — в числе 15, — были составлены и отредактированы группой профессоров и юристов. Всего в ответ на это обращение поступило 505 письменных сообщений, в общем с 7575 отдельными ответами. К сожалению, этот материал не был обработан и впоследствии затерялся.

Все эти обстоятельства на практике часто встречаются и заслуживают внимательного анализа. Начнем с влияния наркотиков.

Из наркотиков, в качестве фактора, влияющего на свидетельские показания, в судебной практике чаще всего приходится встречать алкоголь.

Всего сильнее этот яд влияет на нервную систему и мозг. Недаром некоторые называют его «ядом мозга» или «ядом интеллектуальных способностей». Под влиянием алкоголя приходят в упадок все психические функции, как способность воспринимать впечатления, так и способность репродукции, т. е. воспроизведения испытанного в представлениях и воспоминаниях; внимание, память, способность осмысливания и усвоения, способность суждения и критики у алкоголика постепенно ослабевают все более. У хронических алкоголиков мне приходилось наблюдать удивительную неустойчивость мышления, неспособность вести речь последовательно по одному определенному руслу, схватить то, что является главным в наблюдаемом явлении, и концентрировать свои рассуждения около этого главного пункта. Их мысли скачут в сторону всплывших в сознании деталей, благодаря чему изложение приобретает довольно бессвязный характер. В данном случае мне припоминается один очень яркий пример: известный убийца, извозчик Петров-Комаров, несколько лет тому назад совершивший более 30 убийств в Москве ¹⁾. Он был не глуп и довольно хитер, но его мышление и речь отличались большою неустойчивостью. Начав рассказывать об известном факте с ажитацией, с трехэтажными

¹⁾ Подробно он описан мною в журнале «Криминалет». Москва. 1923 г., № 1, и в моей «Криминальной психологии», стр. 180 и сл.

ругательствами и с видимым интересом к описываемому событию, он быстро сбивался в сторону других фактов, затронутых при описании первого факта и игравших роль, казалось бы, второстепенных подробностей; подхватив какую-нибудь из последних, он скоро уходил в сторону и от нее и т. д. В результате получалась какая-то скачка мысли в сторону все новых фактов, свидетельствующая о неустойчивости внимания, о преобладании в мышлении ассоциаций по внешним признакам, об ослаблении связности мышления.

Восприятия алкоголиков часто бывают иллюзорны и носят слишком яркую субъективную окраску. Они легко и много приписывают от себя к наблюдаемым явлениям. Это обыкновенно нетрудно обнаружить опытами, хотя бы например опытами с картинками. Вышеупомянутый извозчик Комаров в описания нескольких показанных ему картинок вносил совершенно несуществовавшие в них элементы, близкие ему в его повседневной жизни. Так он говорил, что на одной картинке изображен, в числе прочих фигур, и цыган, а на другой — священник, хотя ни там, ни здесь не было фигур, похожих на этих лиц. Но как постоянный посетитель конной площади он часто входил в общение с цыганами и очень любил беседовать с духовными лицами. Эти образы он и приписал к тому, что ему было показано.

Под влиянием алкоголизма у человека падает способность сдерживаться, взвешивать, критически оценивать, обсуждать. Алкоголики многое упускают из виду в окружающих их условиях, судят поспешно и поверхностно, часто слишком легко и развязно переходят к действию. Их восприятия часто иллюзорны, а мышление весьма неустойчиво; им трудно более или менее долго держать в поле своего уместного зре-

ния ту или иную цель и регулировать свое поведение требованиями, вытекающими из этой цели, как это необходимо для стойкого нравственного поведения. Нравственные и социальные цели, если и появляются в сознании хранических алкоголиков, то как бы мерцают и сравнительно легко уступают место чувственным влечениям. Алкоголизм морально деградирует личность, притупляет нравственно, ослабляет и уничтожает моральные задержки, увеличивает внушаемость и склонность к подражанию, к «разыгрыванию роля», к лжи. Работоспособность человека под влиянием этого яда падает, и он быстро идет по пути все большего духовного оскудения. Вследствие всего этого под влиянием алкоголизма падает коэффициент сопротивления человека внешним влияниям, толкающим его на преступный путь; человека же, попавшего уже на преступный путь, алкоголизм закрепляет на этом пути. Среди разнообразных действий алкоголизма на эмоциональную сферу человека особенного внимания по их криминогенному значению заслуживают следующие: особенная раздражительность — так сказать, взрывчатость алкоголиков; их склонность к порывам гнева, ревности и мести, а также к длительным и напряженным порывам злобы, иногда не имеющей никаких для себя внешних оснований.

Большое значение имеет и алкоголизм родителей свидетеля, проливающий нередко яркий свет на особенности его личности, налагающие определенную печать и на его показания. Алкоголизм родителей не проходит бесследно для детей, — по крайней мере в громадном большинстве случаев. Алкоголики часто производят потомство с признаками вырождения, слабое в умственном отношении, с очень неустойчивой нервной системой, склонное к душевным заболеваниям, с невро-

и психопатической конституцией. По наследству передается повидимому и склонность к спиртным напиткам. Наблюдения показали, что большинство хронических алкоголиков обременены алкогольной наследственностью. Большая или меньшая умственная отсталость, нервная неуравновешенность, неустойчивость настроения, повышенная аффективность, раздражительность, изменчивость и слабость воли, с признаками более или менее глубокой физической и психической дегенерации, а иногда и с нервной или психической болезнью в придачу, — вот что достается потомкам от предков-алкоголиков. Ввиду умственной отсталости, нервной слабости, особенной аффективности и импульсивности детям алкоголиков особенно трудно устроиться, и они особенно легко и быстро соскакивают с колеи честной, трудовой жизни. Употребление других наркотиков кроме алкоголя встречается на практике сравнительно не часто, но, как скоро оно замечено, должно вызывать серьезное к себе внимание. Более или менее продолжительное употребление наркотика (кокаина, морфия и др.) расшатывает нервную систему, ослабляет нравственные задержки, — между прочим и те, которые мешают человеку лгать и притворяться, — деградирует личность морально, делает ее более аффективной и склонной ко всякого рода переоценкам и недооценкам, ко всяким преувеличениям, к ошибкам в восприятиях, оценках и воспоминаниях, к тому, чтобы, так сказать, «принимать разные позы и разыгрывать в жизни разные роли». Не останавливаясь долго на описании действия разных наркотиков, я немногими штрихами обрисую влияние на личность двух из них — морфия и кокаина.

Морфиное опьянение погружает человека в приятную истому и в своеобразное состояние радужных снов, которые проносятся у него в виде ярких, фантастиче-

ских картин. Частыми симптомами морфийного опьянения служат металлический или горький вкус, потягивание и дрожь в теле, урчание в животе, приливы крови к голове, рвота, а его частыми последствиями являются тяжесть в голове, головокружение, мигрень, обильный пот, большая слабость, задержка мочи¹⁾. Все увеличивая принимаемые дозы морфия, больные быстро и сильно к нему привыкают. «Большинство людей, привычно употребляющих небольшие количества алкоголя, могут, когда это оказывается нужным, свободно отказаться от него на более или менее продолжительное время. Между тем как поистине дьявольская сила морфия беспощадно заставляет тех, кто однажды привык к его употреблению, постоянно прибегать к нему, так как всякая попытка освободиться от порабощения этим средством ведет к таким неприятным последствиям, которых человеческое терпение не выдерживает»²⁾. Под влиянием морфия резко изменяется характер человека: увеличиваются чувствительность к боли, брезгливость, вялость, нетерпеливость, слабоволие, утрачивается чувство ответственности, среди интересов все более выдвигается стремление добывать морфия. Подобранными ключами больные открывают шкапы, где хранится морфия, крадут его, крадут деньги на покупку его, растрачивают доверенные им суммы и т. д. Морфинисты очень лживы. «Морфинист не имеет чувства стыда», говорила одна больная. «В своеобразном раздвоении с самим собой больные даже тогда стараются помешать проведению курса лечения, когда сами добровольно пошли на это». «Едва ли найдется даже один морфинист, — говорят

¹⁾ Крепелин, Учебник психиатрии. Русск. перев. 1912 г., II, 152 и сл.

²⁾ Крепелин, там же.

Крепелин, — который, поступая в больницу, не запасся бы как-нибудь тайком нужным количеством средства; никаким даже святым заверениям морфиниста на этот счет нельзя никогда слепо доверять»¹⁾. Гораздо чаще, чем морфинизм, на практике приходится встречать кокаинизм. Со времени всемирной войны и запрещения продажи спиртных напитков употребление кокаина стало быстро у нас распространяться, особенно среди молодежи²⁾. Под влиянием кокаина у человека вначале получается повышенное, радостное настроение, нередко с оттенком сентиментальности, с особенной чувствительностью к музыке и т. п. «Все, что кокаинист говорит, кажется ему значительным». «Плюские остроты, вульгарная игра слов представляются ему чрезвычайно остроумными». «Он чувствует себя в ударе, движения его становятся более живыми, речь болтливой». «Он не знает тайн и может сознаться жене в том, что ее обманывает, или первому встречному подробно рассказать свою жизнь». «Часто он теряется при этом в мельчайших подробностях, а его речь сопровождается криками и обильной жестикуляцией». «Появляется также потребность шалить, танцевать и проч.»³⁾. Работа мышления как будто облегчается, но наблюдению без труда обнаруживает все возрастающую поверхностность и все ослабевающую связность мыслей. На следующей

¹⁾ Крепелин, там же, II, 155.

²⁾ То же явление наблюдалось и за границей. «Последние годы, — говорит Блейлер, — внезапно, как пожар, вспыхнула, особенно в кругах полусвета и художников, а также среди студентов и гимназистов, необычайно опасная эпидемия нюхания кокаина...» «Руководство по психиатрии». Русский перевод д-ра Розенталя. Берлин 1920 г., стр. 232.

³⁾ Зинovieв, Душевные болезни в картинах и образах. 1927 г., стр. 8.

стадии кокаиновой опьянения работа мышления все более падает, развивается быстро нарастающее чувство тревоги, страха, доходящего часто до ужаса, появляются галлюцинации, причем нередко осязательные и весьма своеобразные: кокаинисту кажется, что у него под кожей находятся черви, ползающие насекомые, вши, кристаллы кокаина и т. д. Эти галлюцинации бывают так живы, что больные расцарапывают себе кожу, чтобы извлечь оттуда тревожащих их насекомых. Охваченные все большим страхом кокаинисты очень подозрительно относятся к окружающему, боятся всякого приближения, видят во всем враждебные по отношению к себе действия и благодаря этому иногда приходят в ярость и совершают разные насильственные поступки. «С заряженным револьвером часами может сидеть кокаинист в ожидании, при каждом шорохе в ужасе подекакивая». «Ему кажется, что за ним приехала черная карета, его собираются арестовать и повезут на расстрел; на улице он неожиданно бросается бежать, — за ним следят, хотят его убить». «Весь в холодном поту, с лицом, выражающим бесконечный ужас, кокаинист самому себе представляется окончательно загнанным, погибшим, уже падающим жертвой составленного против него заговора». «И однако неопределенная мысль, скорее только чувство, что все эти переживания не настоящие, что это только результат «занюханности», никогда совсем не оставляет кокаиниста»¹⁾.

Под влиянием кокаина наступает целый ряд расстройств в организме: упадок общего питания, несмотря на обильные приемы пищи, падение веса тела, вялое, бледное, безжизненное лицо, физическая слабость, мышечное беспокойство и иногда судорожные подергива-

¹⁾ Зинovieв, Уг. с., стр. 10.

ния, расширение и неподвижность зрачков, дрожание языка, повышение рефлексов, учащение пульса, усиленное потоотделение, импотенция, несмотря на половое возбуждение, расстройство сна, склонность к обморокам. При большом употреблении развиваются галлюцинации, слуховые и зрительные, обманы осязания, и часто развивается клиническая картина кокаинового помешательства. У больного развивается крайнее недоверие к людям, со всех сторон ему чуждаются опасности, появляется бредовое толкование окружающего, иногда нелепый бред ревности. У кокаинистов часто бывает настроенное возбужденное, раздражительное, временами злобное, часто подозрительное и подавленное.

Какой бы наркотик ни употреблял свидетель, раз в момент, когда перед ним происходило преступление, он был под действием наркотика, или раз привычное употребление этого наркотика в большей или меньшей степени подорвало его нервную систему, расшатало его нравственные силы и наложило на него более или менее ясную печать физической и психической дегенерации, к показанию такого свидетеля надо относиться с особой осторожностью и его следует проверить с особой тщательностью. Самый допрос такого свидетеля должен вестись с учетом его особой аффективности и произведенных в его личности наркотиком опустошений.

Весьма благоприятной почвой для разных ошибок и искажений действительности в свидетельских показаниях являются такие нервные болезни, как истерия, эпилепсия и неврастения и разные формы психопатических состояний, начиная с легкой психопатии и кончая разнообразными душевными болезнями. Такое состояние свидетеля должно быть предметом зоркого внимания. С ним необходимо считаться и при самом допросе, и при оценке данного свидетелем показания.

Как неврастения, так — еще более — истерия и эпилепсия являются такими состояниями, при которых сообщаемые в показаниях свидетеля наблюдения могут быть особенно неточны и искажены примесью ярких субъективных элементов, благодаря чрезвычайно резким колебаниям душевного настроения, постоянной потере субъектом душевного равновесия, его раздражительности, частой возбужденности, склонности «принимать особые позы и играть роль», нередко развивающейся у него в связи с этими болезнями особой лживости. Так, крайняя изменчивость настроения у истеричных, — особенно у истеричек в период регул, — чрезвычайная подвижность их душевного содержания, противоречия в чувствах и поступках, чрезвычайная возбудимость в одних отношениях и пониженная восприимчивость, иногда прямая тупость — в других, способность по ничтожным поводам приходить в состояние сильного раздражения и волнения, склонность к псевдореминисценциям ¹⁾, крайняя обидчивость, удивительное упрямство, эгоцентризм, у некоторых — большая лживость, склонность к разыгрыванию разных сцен и ролей, нередкая половая распущенность, с стремлением к извращениям, с отсутствием иногда удовлетворения при нормальных сношениях, извращенная реакция чувств, при которой то, что должно бы вызывать одно чувство, например, нежность или сострадание, вызывает как раз противоположное чувство, — все это может послужить корнем для совершенно неточных показаний, с сильными искажениями действительности, а нередко — и для прямого лжесвидетельства. «Страдающие истерией, — замечает проф. А. Крамер, — отличаются

¹⁾ Т. е. к ложным воспоминаниям, при которых факт, на самом деле не существовавший, вспоминается как бывший.

обыкновенно чрезвычайно живым воображением; они часто даже не могут различить действительно пережитого от того, что произошло только в их голове»¹⁾.

У эпилептиков часто наблюдаются резкие изменения настроения, забывчивость, недостаток сообразительности, помрачение сознания, слабоумие, апатия. «Когда эпилепсия начинается у взрослого человека, то обыкновенно вместе с изменениями в интеллекте наблюдаются, — говорит проф. Корсаков, — чрезвычайно резкие изменения в характере индивидуума, вследствие чего дегенеративное расстройство эпилептиков в таких случаях носит название эпилептического характера». «Эпилептический характер проявляется в резких нравственных дефектах». «У очень многих эпилептиков заметно ослабление нравственного чувства». «Хотя у них и остаются внешне проявления сочувствия, расположения, но истинной любви у них мало: их привязанности непрочны, неглубоки, память сделанного для них добра невелика». «С внешней стороны, однако, они стараются проявить много чувства, лицемерят, льстят, говорят сладко, стараясь с выражением искреннего расположения смотреть в глаза тому, с кем говорят; выражают самую высокую степень благодарности, говорят всевозможные любезности». «Некоторые при этом проявляют большое ханжество, склонность к похвальбе и возвеличивают себя, как бы с смиренным видом указывают на свои высокие свойства, на высшую нравственную доброту, говорят о боге и в то же время отличаются большой жестокостью по отношению к близким; у эпилептиков молитвенник в кармане, бог — на языке и

¹⁾ А. Крамер, Влияние душевных болезней и смежных с ними состояний на качество свидетельских показаний. В цитированном выше сборнике: «Проблемы психологии», стр. 191.

подлость в душе», — говорит Замт. «У многих развивается большая жадность, скаредность». «При этом больные бывают чрезвычайно раздражительны, часто приходят в аффективное состояние, почти всегда соединенное у них с чувством злобы» ¹⁾. «Под влиянием раздражения они нередко совершают дикие выходки». «У некоторых эпилептиков являются временами непреодолимые влечения, которые и обуславливают какие-нибудь странные, иногда преступные поступки (воровство, изнасилование); тако больные утрачивают нравственное чувство и правильное поведение в культурном обществе». «От огрубения они постепенно спускаются в нижние слои общества и ищут общества низших» ²⁾. В интеллектуальной сфере у эпилептиков обыкновенно наблюдаются большие дефекты: забывчивость, односторонность, недостаток сообразительности и плохое усвоение. «Иногда однако интеллект эпилептиков остается долго неповрежденным». «Это видно уже из того, что многие знаменитые личности, как например Цезарь, Магомет, Достоевский и др., страдали эпилепсией» ³⁾.

Во многих случаях эпилепсии ее психический симптом — потеря сознания — и физический симптом — судороги — выражены с очень различной степенью резкости.

Помрачение сознания у эпилептиков может иметь, по выражению проф. Зоммера, послезэпилептический или предэпилептический характер и сопровождаться, вместо судорог, признаками раздражения в двигательной сфере (повышение рефлексов, судорожное сокращение

¹⁾ Корсаков, Курс психиатрии, II (изд. 1901 г.), 1032—1033.

²⁾ Там же, 1033.

³⁾ Там же.

отдельных мышц, дрожание и др.)¹⁾. При этом у эпилептиков наблюдается или полная амнезия того, что было во время припадка, или лишь некоторые воспоминания из периода предвестников припадка, или постепенного возвращения к нормальному состоянию. «Нередко, — говорит проф. Зоммер, — эпилептики совершенно не могут вспоминать о поступках, совершенных в начале или конце периода расстройства сознания и производивших впечатление сравнительно обдуманых действий, иными словами, — у них амнезия сильнее выражена, чем расстройство сознания; и наоборот, иногда бывает так, что некоторые обстоятельства, соответствующие периоду, когда сознание больного было сильно затемнено, вспоминаются им»²⁾.

Отмечая часто прилежную эпилептикам лживость, проф. Крамер говорит: «эта черта может проявляться совершенно бессознательно, выражая собою болезненную склонность эпилептика к измышлениям всякого рода; часто однако она является следствием известного этического недостатка, при котором больной считает всякое средство пригодным, лишь бы повредить ненавистному лицу». «Впрочем заметим, что и эта ненависть к тому или иному человеку имеет болезненное происхождение». «Эпилептик, страдающий нравственным вырождением, обыкновенно не выдает свою болезнь перед судом; напротив, он может произвести весьма благоприятное впечатление живостью своего рассказа и кажущимся его правдоподобием». «Мы видим, что, выступая на суде, эпилептик с величайшим убеждением произносит клятву и, несмотря на это, болезнь заставляет его да-

¹⁾ Зоммер, Криминальная психология и судебная психопатология. Перев. Г. Г. Шлаттера и А. А. Щепинского. СПб 1909 г., стр. 36 и сл.

²⁾ Там же, стр. 36—37.

вать самые неверные показания». «Повинуясь неодоли-
мому влечению к театральным позам, он, как и боль-
шинство слабоумных, считает себя обязанным, раз ему
удалось стать центром судебного разбирательства, со-
общить суду возможно больше данных; при этом он
совершенно не обращает внимания на то, говорит ли он
правду или ложь» ¹⁾. «Часто ложные показания эпи-
лептиков прямо зависят от их настроения» ²⁾.

Неврастения обыкновенно менее глубоко поражает
личность, чем истерия и эпилепсия. Однако и это со-
стояние свидетеля требует серьезного к себе внимания.
«Больной, — говорит о неврастениках проф. Крамер, —
чувствует себя вялым, подавленным, грустным, неспо-
собным к работе; к окружающему и к его событиям он
обнаруживает очень мало интереса». «Все его душевные
способности более или менее понижены; все для него
кажется невыразимо трудным, и будничные обязанности
каждое утро представляются ему чем-то выше его сил». «Понятно, что такой больной менее внимательно, нежели
здоровый, относится к явлениям окружающего, не так
точно их воспринимает; память его слабее, и при за-
трудненном, замедленном мышлении он не так легко
способен воспроизводить пережитое». «Несомненно, что
неврастеники вполне способны давать правильные сви-
детельские показания, если на психику их не оказывают
воздействия какие-либо болезненные моменты; тем не
менее в тех случаях, когда неврастеник дает показание
отрицательного характера, т. е. говорит, что он ничего
не заметил, не видал и не слышал, этому не следует
придавать большого значения» ³⁾.

¹⁾ Зоммер, Криминальная психология и судебная психопатоло-
гия. Перевод Г. Шлаттера и А. Щепинского. СПб. 1909, стр. 190.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 196.

Все указанные выше особенности нервных больных необходимо всегда помнить при оценке показаний подобных свидетелей; особенно это важно помнить в наши дни, потому что теперь, благодаря длительному периоду войн, перед судом, — и в качестве подсудимых, и в качестве свидетелей, — проходит много лиц, у которых, благодаря тяжелым переживаниям на фронте, контузиям и ранам, развились или обострились подобные патологические состояния нервно-психической сферы. Теперь нередко можно встретить в суде людей, у которых врачебное наблюдение установило «травматический невроз». Это состояние всегда должно оставаться на себе серьезное внимание. Подобные субъекты под влиянием полученных травм становятся очень раздражительны, легко теряют душевное равновесие и поддаются бурным аффектам гнева, мести и т. п. чувств. Их внимание и память часто бывают серьезно расстроены, и в их показания легко закрадываются разные «обманы чувств» и псевдореминисценции.

Что касается собственно душевного расстройства, — душевных болезней и разных оттенков психопатии, — то вполне понятно, что отмеченные выше искажения восприятий и воспоминаний при них могут проявляться чаще и ярче. Нарушения душевного равновесия, аффективные состояния, обманы чувств,ходящие нередко до галлюцинаций, так часты у лиц, страдающих душевным расстройством, что нередко высказывалось сомнение, могут ли вообще душевнобольные допускаться к свидетельству на суде, тем более, что самая обстановка суда и их выступление на суде могут чрезвычайно сильно отражаться на их состоянии и на их показаниях. Наше дореволюционное законодательство, поэтому, вообще не допускало душевнобольных к свидетельству (ст. ст. 93 и 704 Уст. угол. судопр.). Однако

для безусловного устранения этих лиц от свидетельства нет достаточных оснований. Правда, душевнобольные сравнительно часто являются лжесвидетелями, и их состояние заставляет отнестись с особой осторожностью и к их допросу, и к их показаниям. Однако свидетельство их может иметь несомненно иногда большую ценность. С особой осторожностью к их показаниям надо отнестись, потому что душевная болезнь обыкновенно в большей или меньшей степени поражает и способность восприятия впечатлений, делая их часто иллюзорными, и способность репродукции их в представлениях, и память, понижая последнюю, вызывая в ней большие пробелы и псевдореминисценции. «Однако, — замечает проф. Крамер, — существуют такие психически-больные, которые могут вполне правильно наблюдать, понимать и воспроизводить некоторые простые явления». «Так, например, душевнобольные, совершенно лишённые способности произнести хотя бы одно слово и находящиеся нередко в течение более или менее продолжительного времени в состоянии так называемого ступора, — выйдя из этого состояния, с поразительной точностью воспроизводят если не все события, происходившие вокруг них во время болезни, то по крайней мере некоторые из них». «Далее, даже такие душевнобольные, как например меланхолики, психическое здоровье которых расстроено весьма глубоко, но у которых незаметно ничего ненормального со стороны умственных способностей, прекрасно могут в качестве свидетелей воспроизвести известные события, замеченные ими в окружающей действительности»¹⁾. Некоторые параноики также могут

¹⁾ Золимер, Криминальная психология и судебная психопатология, стр. 179.

быть вполне удовлетворительными свидетелями. Словом, далеко не все душевнобольные неспособны к свидетельству. Но наперед установить, какие именно категории их неспособны к свидетельству, невозможно. Это — вопрос особой экспертизы согласно приведенной выше (стр. 50) ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса и примечанию к ней. Как скоро есть основание считать свидетеля находящимся в состоянии душевного расстройства, необходимо выяснить его способность к свидетельству через посредство особой экспертизы. Проф. Крамер указывает следующее общее правило для оценки свидетельских показаний душевнобольных: «если свидетельское показание приходится давать душевнобольному, то случай, о котором он сообщает, должен быть ярким и вместе с тем простым, так, чтобы он резко бросался в глаза и запечатлевался в сознании; при этом необходимо, чтобы между событием и показанием о нем свидетеля прошло, по возможности, не слишком много времени» ¹⁾.

Теперь, оставив в стороне разные ненормальные состояния свидетелей, могущие более или менее серьезно отражаться на их показаниях, остановлюсь еще на одном обстоятельстве, оказывающем нередко очень большое влияние на содержание свидетельских показаний, — на внушении. В тех случаях, когда имеет место прямое внушение свидетелю ложного показания, следует постараться найти подтверждающие внушение факты и привлечь того, кто внушил подобное показание, как соучастника лжесвидетельства, — по ст. ст. 95 и 17 Уголовного кодекса. В данном случае я имею в виду не это внушение, а внушение, производимое — сознательно или бессознательно — на свидетеля самым порядком и

¹⁾ Зоммер, Криминальная психология и судебная психопатология, стр. 179—180.

характером его допроса. Не подлежит сомнению, что далеко не безразлично, в какой редакции и в каком порядке свидетелю будут предлагаться вопросы, будет ли свидетель спрашиваться один, или в присутствии других свидетелей и вообще каков будет характер допроса. Влияние всех этих обстоятельств на характер получаемых ответов давно и неоднократно было подмечено психологами и легко обнаруживается самыми простыми психологическими опытами. Вот для примера один из таких опытов, произведенный известным французским психологом Альфредом Бинэ над учениками элементарных парижских школ, причем возраст школьников был различный ¹⁾. Каждому из них, в течение 12 секунд, предъявлялось для обозрения 6 предметов: почтовая марка, особая маленькая подкладка, этикетка одного магазина, кнопка звонка, фотографический портрет мужчины, снятого по пояе, и изображение большой толпы. Было обращено большое внимание и на редакцию вопросов, которые затем предлагались испытуемым. Вопросы предлагались в трех редакциях: первая редакция не подсказывала ложных ответов, вторая — уже предрасполагала отвечающего к ошибке и третья — возможно содействовала ошибке. В последней редакции предлагали, например, такой вопрос: какого цвета была нитка на кнопке, или какая нога, левая на правой или правая на левой, лежала у мужчины, снятого на фотографии, и т. п., на самом же деле портрет был поясной, и никакой нитки на кнопке не было. Во всех случаях на вопросы было дано много ошибочных ответов. Первоначально в редакции, исключавшей внушение, вопросы были предложены 24 мальчикам. Каждому мальчику было предложено всего 40 вопросов.

¹⁾ А Binet, *La suggestibilité*, 1900 г., стр. 244.

Многие ответы не соответствовали действительности. Так, 15 мальчиков неверно определили цвет почтовой марки, 4 мальчика сказали, что видели на марке штемпель, которого на самом деле не было, и описывали его форму, положение и даже будто бы значившееся на нем название города. 21 мальчик неверно определил прикрепление кнопки к картону. 14 мальчиков неверно определили, какая часть туловища изображена на портрете. На вопросы, предложенные во второй и в третьей редакции, получилась масса неверных ответов. В процентах ошибки выразились так: на вопросы в первой редакции было дано 27% неправильных ответов, на вопросы второй редакции — 38%, на вопросы третьей редакции — 62%. При этом при совместном допросе трех мальчиков наблюдалось, что мальчик более бойкий и решительный оказывал заметное влияние на ответы остальных.

Подобные опыты указывают на необходимость с большою осторожностью относиться к самому допросу свидетелей. Прежде всего, допрос должен вестись в спокойном тоне, без неприятного затрагивания свидетеля, без сбивания и запутывания его, без приведения его в аффективное состояние, в гнев, раздражение, возмущение или крайнюю растерянность, подавленность и смущение. Встречающееся иногда у некоторых защитников и обвинителей стремление смутить свидетеля и обесценить его показание предложением ему, без особых к тому оснований, каких-либо конфузных вопросов, вроде, например, следующего: «а скажите, свидетель, вы в тюрьме не сидели, в краже не обвинялись?» и т. п., — не заслуживает одобрения. Свидетель пришел в суд выполнить свою гражданскую обязанность, и к нему не следует относиться с обидной для него резкостью или заносчивостью. Надо помнить, кроме

того, что для большинства свидетелей их положение на суде — новое, что самая обстановка суда и перспектива публичного выступления, к которому они не привыкли, вызывают у них обыкновенно состояние напряжения и смущения, при котором они особенно легко могут воспринимать всякие подказаны и внушение, стараясь лишь скорее освободиться от тягостной для них роли и положить конец допросу.

Одна из несомненных и очень важных обязанностей руководящего судебным заседанием председателя состоит в том, чтобы оградить свидетелей от всяких уклон и нападков на их личность, от всего, что может оказать на них давление, в ущерб полноте и истинности их показаний. Председатель должен употребить все меры, чтобы обеспечить свидетелям свободное и спокойное изложение их показаний.

Указания закона, что свидетели должны допрашиваться порознь и сначала им должно быть предложено рассказать все, что им лично известно по делу, избегая изложения сведений, источник которых ими не может быть указан, — имеют глубокое основание ¹⁾. Этим устраняется внушение одними свидетелями показаний другим, или подражание одних — другим. Свободно высказанное свидетелем в самом начале допроса имеет большее значение; в этой стадии допроса свидетелю необходимо предоставить полный простор в выражении того, что ему известно, заботясь лишь о возможно большей полноте сообщения и избегая без надобности прерывать свидетеля или стеснять его рассказ предложением ему разных детальных вопросов. Не следует мешать свободной работе его памяти, отклоняя его рассказ в сторону тех или иных подробностей; следует

¹⁾ Ст. ст. 284 и 285 Уголовно-процессуального кодекса.

предоставить ему полную свободу рассказывать, что и как он находит нужным.

После того, как свидетель изложил все, что ему известно по делу, он подвергается допросу сторон, причем сначала вопросы предлагаются той стороной, по указанию которой вызван свидетель, а затем — остальными сторонами. Свидетели, вызванные по инициативе суда, допрашиваются сначала обвинителем, а затем — другими сторонами. Председатель имеет право устранять те из вопросов, предложенных свидетелю сторонами, которые не имеют отношения к делу (ст. 286—287). «Каждая сторона вправе предлагать свидетелю дополнительные вопросы в разъяснение или в дополнение ответов, данных на вопросы другой стороны (ст. 288). Председатель и члены суда могут задавать свидетелю вопросы как до, так и по окончании допроса свидетеля сторонами в любой момент допроса» (ст. 289). «Каждый свидетель может быть передопрошен в присутствии других свидетелей или поставлен с ними на очную ставку» (ст. 290).

«Свидетели при даче показаний могут иметь при себе письменные заметки в тех случаях, когда показания относятся к каким-либо вычислениям и другим данным, которые трудно удержать в памяти» (ст. 292).

«Свидетелям дозволяется прочтение имеющихся у них письменных документов, имеющих отношение к данному показанию; документы эти должны быть предъявлены сторонам и по постановлению суда могут быть приобщены к делу» (ст. 293).

Выспрашивание свидетеля судом и сторонами должно быть по возможности свободно от вопросов, сформулированных таким образом, чтобы ответ подсказывался свидетелю самой редакцией и постановкой вопроса. Это выспрашивание не должно с самого начала

направляться к тому, чтобы поймать свидетеля в противоречии, уличить во лжи и т. п. Наоборот, допрос должен идти в таком тоне, чтобы свидетель чувствовал, что ему верят и от него ожидают не лжи и уверток, а правдивого сообщения о том, что он наблюдал.

«В случае запоминания каких-либо обстоятельств, а также при наличии противоречия показания, данного свидетелем на судебном следствии, с показанием, данным на предварительном следствии или дознании, могут быть прочтены по усмотрению суда или по требованию кого-либо из сторон показания, данные свидетелем на предварительном следствии или на дознании» (ст. 296). Закон разрешает также прочтение показаний, данных на предварительном следствии или на дознании свидетелями, вызывавшимися, но неявившимися в суд. Если же свидетель не вызывался в судебное заседание, то вышеуказанное прочтение может иметь место лишь по особому определению суда (ст. 297 и прим.).

Как очной ставкой свидетелей, так и прочтением показаний, данных ими на предварительном следствии и тем более — показаний, данных на дознании, — не следует пользоваться, раз путем более подробного расспроса свидетеля на судебном следствии можно устранить закрапавшееся в его показание неясности или противоречия.

Согласно ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса, говорящей о допросе свидетелей на предварительном следствии и применимой, в силу указаний ст. 286, к допросу их на судебном следствии, «свидетель может быть спрашиваем исключительно о фактах, подлежащих установлению в данном деле, и о характеристике личности обвиняемого». Однако такое определение пределов допроса слишком узко, и в Кодексе есть указания, позволяющие выйти за эти тесные пределы.

Так, свидетеля несомненно можно спрашивать о многом, касающемся его личности, об его отношениях к сторонам и к делу (ст. 234), о наличии у него тех или иных физических и психических недостатков (ст. 61, п. 2), о преследуемых им жизненных целях, об его семейном, имущественном и служебном положении и т. д., так как все это может быть очень существенно для правильной оценки показания этого свидетеля. Слова закона: «о фактах, подлежащих установлению в данном деле», несомненно недостаточно определены, так как вопрос в том и заключается, чтобы определить, что подлежит установлению в деле.

Эти слова надо понимать в смысле вообще фактов, от которых зависит правильное решение дела, а следовательно и правильная оценка имеющихся в деле доказательств.

Из всего сказанного выше о свидетельских показаниях вытекают следующие весьма важные практические выводы и указания.

1) Свидетельские показания вовсе не являются таким надежным доказательством, каким их считали в прежнее время, а многие продолжают считать и теперь. В них часто закрадываются разные неточности и искажения как допускаемые свидетелем сознательно, быть может, даже с умыслом повредить правосудию, так и незаметно для него проникающие в его показание в силу недостаточности восприятия преступного события или неполных и неверных о нем воспоминаний.

2) Необходима, поэтому, тщательная проверка свидетельских показаний.

3) При оценке свидетельских показаний необходимо выяснить, не было ли у свидетеля таких физических недостатков, которые затрудняли или делали весьма неполным восприятие тех фактов, о которых он пока-

зывает, или внушали ему преувеличенное представление об отдельных чертах или признаках этих фактов.

4) При оценке необходимо помнить, что память человеческая ограничена не только количественно, но и качественно, что, воспринимая и вспоминая о сколько-нибудь сложных событиях, мы обыкновенно схватываем лишь некоторые черты последних, упускаем из виду многие детали и привносим в свои восприятия и воспоминания кое-что из своего прошлого опыта.

5) Неточности и неверности в показаниях о сколько-нибудь сложных событиях — явление частое, нередко незаметное для самого свидетеля. Поэтому заподозривать, заметив подобные неправильности, свидетеля в лживости и сердиться на него за это еще нет оснований.

6) Необходимо при оценке показания считаться с полом и возрастом свидетеля и помнить о сравнительно большей впечатлительности и эмоциональности женщин.

7) Имея дело с ребенком или подростком в качестве свидетеля, надо учитывать сравнительно большую субъективность восприятий и воспоминаний такого свидетеля и сравнительно большую внушаемость детей. Наблюдая разрозненность, отрывочность отдельных показаний ребенка, недостаток цельности и объединенности их, не надо видеть в этом признаков лживости, помня об отмеченных выше в тексте особых свойствах детского мышления, о недоразвитии еще у детей обобщающей способности и способности объединения, синтеза. Надо помнить, что, чем более ребенок был приведен в аффективное состояние тем событием, о котором он показывает, чем более он был возбужден или испуган, чем более затронуты этим событием или ролью свидетеля на суде его тщеславие и его желание быть как взрос-

мый, быть лицом, с суждениями которого считаются взрослые, тем более оснований отнестись к его показанию с особой осторожностью. Необходимо также считаться с теми различиями в восприятиях мальчиков и девочек, которые отмечаются педагогической психологией. Не следует забывать и того, что время психической репродукции (воспроизведения) продолжительнее у детей и что последними сравнительно труднее воспроизводятся ассоциации, выражающие те или иные отношения.

8) Не следует думать, что, как скоро обнаружены неточности и искажения в свидетельском показании, то это служит достаточным основанием признать свидетеля лживым и его показание — совершенно негодным в качестве доказательства. Эти неточности и искажения могут иметь своим источником — сложность преступного события и быстроту, с которой оно произошло, особое патологическое состояние свидетеля, его нервное или психическое расстройство, его телесные недостатки и одностороннее развитие у него известных способностей, его аффективное состояние, вызванное тем, что он наблюдал, или независимое от события, о котором он показывает, его озабоченность в момент наблюдения или опьянение от принятия того или иного наркотика. Путем анализа и проверки, — при участии в нужных случаях специальной экспертизы, — необходимо в указанных выше случаях выделить ту часть показания, которая имела связь с особенностями состояния данного субъекта, от остального его содержания, которое может вполне сохранить свое доказательственное значение.

9) Свидетельские показания, как и все другие доказательства, оцениваются судом по внутреннему убеждению. Указать какие-либо объективные признаки, по которым суд мог бы отличать правдивое показание от

лживого, невозможно. Судья должен оценивать свидетельское показание по всем конкретным его особенностям и по связи его с другими обстоятельствами дела. При этом он должен обращать внимание на личность свидетеля (его судимость или отсутствие таковой, его образ жизни, род занятий, его образование и т. д.), на его отношение к участвующим в деле лицам, на отчетливость и обстоятельность его показания, на его близость к преступному событию (очевидец, очевидец), на логичность и гармонию отдельных частей показания и на соответствие показания другим данным дела.

10) Из сказанного в двух предшествующих пунктах следует, что должны быть выяснены все те стороны личности свидетеля, от которых зависят правильность его показаний и правильная оценка последних со стороны их полноты, точности и соответствия действительности, а именно: наличие или отсутствие у него физических недостатков, мешавших полноте и отчетливости восприятия того, о чем показывает свидетель; состояние психо-психической сферы свидетеля и уровня его интеллектуального развития, общий склад его жизни и преследуемые им общие жизненные цели, его семейное, служебное и имущественное положение, поскольку это могло влиять на его отношения к бывшим в сфере его наблюдения фактам, относящимся к данному делу; его отношения к сторонам и к делу.

11) Необходимо далее выяснить состояние свидетеля в момент наблюдения преступного события (озабоченность, испуг, гнев и т. д., опьянение и т. п.).

12) Необходимо обратить внимание на те задатки первой неустойчивости и душевной неуравновешенности, которые свидетель унаследовал от своих предков, — алкоголиков, душевнобольных и т. д.

13) Допрос свидетеля должен производиться в спокойном тоне, с предоставлением ему в возможно широкой мере свободы высказывать все то, что он сочтет должным сказать, и с устранением из допроса всего, что может приводить свидетеля в состояние гневного возбуждения, возмущения, злобного раздражения, подавленности, растерянности или смущения, или подсказывать и внушать ему ответы на заданные вопросы.

14) Если трудно подвергать каждого свидетеля подробному обследованию и, смотря по обстоятельствам, разным видам экспертизы, в частности, психологической — для выяснения состояния его внимания, способности восприятия, памяти и т. д., и криминально-психологической — в случаях, когда вследствие уголовного прошлого свидетеля важно выяснить, носителем какого криминального типа он является, — то необходимо, по крайней мере, обследовать указанным образом тех свидетелей, которые являются главными основаниями для выводов обвинителя или защитника. Возражение, что наперед нельзя определить, какие свидетели менее, а какие — более важны, — неубедительно, так как, если в иных случаях это действительно нельзя определить наперед, то можно выяснить на судебном следствии, а часто можно ясно видеть уже и в стадии предварительного следствия.

Желательно, чтобы в Уголовно-процессуальный кодекс была введена статья, разрешающая сторонам заявлять суду мотивированные ходатайства о необходимости ввиду таких-то данных внимательно обследовать такие-то стороны личности свидетеля. В таких случаях, признав, что к уважению заявленного ходатайства имеются основания, суд мог бы, — в случае нужды при содействии сведущих лиц, — изучить те стороны личности свидетеля, знание которых необходимо для

правильной оценки показания этого свидетеля. Бояться, что этим будет слишком замедлено производство уголовных дел, — нет оснований, так как в большинстве случаев такое обследование можно будет произвести без отсрочки заседания, иногда путем предложения свидетелю нескольких дополнительных вопросов, затребования от него некоторых документов или путем предложения о данном свидетеле известных вопросов другим свидетелям и т. п. Сколько-нибудь длительная экспертиза окажется необходимой лишь в немногих, исключительных случаях, и в этих случаях вызванная ею задержка вполне окупится теми лучами света, которые эта экспертиза прольет на пункты дела, казавшиеся раньше шаткими, загадочными и недоступными для категорических суждений. !

Идея особого обследования личности свидетеля не нужна нашему Уголовно-процессуальному кодексу и лишь выражена в нем недостаточно полно. Выше я уже приводил примечание к ст. 61, согласно которому «для разрешения вопроса о способности лица быть свидетелем могут быть приглашаемы эксперты». Примечание первое к ст. 63 также указывает, что, если у следователя или суда возникает сомнение относительно психического состояния обвиняемого или свидетеля, он должен вызывать экспертов. Таким образом идея особой экспертизы для выяснения состояния свидетеля получила уже признание в нашем процессуальном праве. Надо добавить, что выражение: «определение психического состояния» должно быть понимаемо широко, т. е. не в смысле только выяснения, является ли свидетель душевнобольным или нет, а в смысле вообще выяснения его психического состояния, хотя бы и было ясно, что он — не душевнобольной. Не одни вопросы, способен ли данный субъект вообще быть свидетелем и

не является ли он душевнобольным, могут иметь серьезное значение в уголовном процессе для оценки свидетельского показания (и для выяснения, следует ли подвергать данного субъекта допросу в качестве свидетеля и как вести этот допрос.

15) Принимая во внимание вредное влияние на точность и полноту показаний времени, протекшего между восприятием свидетелем известных событий и показанием о них, надо, по возможности, избегать оторочек судебных заседаний и медленности производства.

16) Принимая во внимание вредное влияние на память утомления, надо избегать утомлять свидетеля слишком длительным допросом и долгим ожиданием допроса.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.

К числу чрезвычайно важных уголовно-судебных доказательств принадлежат, между прочим, заключения экспертов, часто играющие в процессе решающую роль.

Эксперты суть лица, приглашаемые к следствию или суду для дачи заключения об определенных фактах, для познания которых требуются специальные знания и особая подготовка. Эксперты могут быть приглашаемы как органом, производящим предварительное следствие, так и судом. Они приглашаются не для сообщения о воспринятом ими, как свидетели, а для дачи заключений об известных фактах, для указания выводов, которые могут быть сделаны из этих фактов. Они приглашаются как лица, обладающие специальными сведениями, которых недостает следователям или судьям, — какими-либо специальными научными знаниями, опытностью в каком-либо ремесле и т. п.

Некоторые считают экспертизу особым видом свидетельского показания и называют экспертов учеными свидетелями (например, Каррара, Грольман, многие английские писатели, из наших процессуалистов — Шавров¹⁾ и др.). Но между экспертом и свидетелем суще-

¹⁾ Шавров, Экспертиза в уголовном суде. «Вестник права», 1899 г., сентябрь.

ствуется ясное различие, которое и отмечено выше (гл. V). Другие полагают, что эксперты суть особые «судьи факта» и мнения их обязательны для суда; по крайней мере, такой взгляд отстает от относительно врачебной экспертизы¹⁾. «Эксперты, основывающие свои заключения на какой-либо науке, — говорит проф. Владимиров, — суть научные судьи, приговор которых является решением специального вопроса в деле».

Этот взгляд неправилен по следующим основаниям:

1) исключая мнение экспертов из числа доказательств, подлежащих оценке судьи по внутреннему убеждению, и признавая за ним известное предположительное значение, он противоречит основным началам современного процесса и возвращает нас к формальной теории доказательств, к счастью уже похороненной;

2) если судья не имеет тех специальных сведений, которые есть у эксперта, то отсюда не следует еще, что судья совсем не может произвести оценки заключения эксперта. Судья может логически проверить это заключение, его соответствие посылкам, из которых оно выведено, его обоснованность, путем расспросов эксперта о положениях его науки или требованиях его искусства или ремесла. Такая логическая проверка вполне доступна судье;

3) судья не только может, но и должен критически отнестись к заключению эксперта, так как он несет нравственную ответственность за постановляемый им приговор;

¹⁾ В нашей литературе главным представителем этого взгляда является г. Владимиров («Учение о доказательствах», стр. 197). Такую же точку зрения в отношении врачебной экспертизы развивают, например, проф. Сербский в своей «Судебной психопатологии», 1897 г., и некоторые другие.

4) положения врачебной науки далеко не всегда бесспорны и достаточно определены. Эксперты часто противоречат друг другу. Как же быть судьбе в случаях этих противоречий? Обратиться к какому-либо высшему медицинскому учреждению или к третьему эксперту? Но ведь мнение последнего, — которое может и не совпасть ни с одним из предшествующих, — будет для судьи лишь третье мнение;

5) если придавать обязательное для судьи значение врачебной экспертизе, то последовательно нужно было бы распространить эту обязательность и на всякую другую экспертизу. Врачебная экспертиза ни по своей важности для дела, ни по своей достоверности не имеет никаких преимуществ перед др. видами экспертизы.

Наиболее правильным надо признать господствующий взгляд, согласно которому экспертиза является особым, самостоятельным видом уголовно-судебных доказательств.

Эксперты должны быть приглашаемы в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии. Если судья случайно обладает специальными сведениями, нужными для производства в данном случае экспертизы, это не освобождает его от обязанности пригласить эксперта, так как без нарушения основных принципов процесса нельзя совмещать обязанности судьи и эксперта. Эксперты не могут быть избраны из лиц, участвующих в деле или состоящих по делу свидетелями. ;

Решение вопроса, нужно или не нужно вызывать в том или ином случае экспертов, зависит от суда.

«Эксперты, — говорит ст. 63 Уголовно-процессуального кодекса, — вызываются в случаях, когда при рас-

следовании или при рассмотрении дела необходимы специальные познания в науке, искусстве или ремесле». А примечание первое к этой статье указывает следующие случаи обязательной экспертизы: «Вызов экспертов обязателен для установления причин смерти и характера телесных повреждений, а также для определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у суда или у следователя по этому поводу возникают сомнения».

Наш Уголовно-процессуальный кодекс не требует, чтобы суд соглашался с экспертами. Он стоит на вполне правильной точке зрения необходимости для суда заключений экспертов. «Заключение экспертов, — говорит третья часть ст. 293 Уголовно-процессуального кодекса, — для суда необязательно, однако несогласие суда с экспертизой должно быть им подробно мотивировано в приговоре или особом определении». Простого же указания в приговоре на несогласие суда с заключением экспертов недостаточно¹⁾.

«В случае признания экспертизы недостаточно ясной или неполной, а также в случае разногласия между экспертами, суд по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон может назначить производство новой экспертизы, пригласив для того новых экспертов, причем для медицинской экспертизы запрос направляется в губернский отдел здравоохранения. При этом, в случае надобности, дело может быть отложено слушанием» (ст. 300). Заключение новых экспертов так же необязательно для суда, как и заключение первой экспертизы; и если суд положит в основание приговора акт вторичной экспертизы, хотя бы последний отличался существенными дефектами, и суд будет рого-

¹⁾ См. определения УКК ВС 1924 г. по д. № 24100.

водиться лишь соображением, что это — вторичная экспертиза, то приговор подлежит отмене в кассационном порядке, согласно ч. II ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса ¹⁾).

«В случае признания следователем экспертизы недостаточно ясной или неполной, следователь вправе по собственной инициативе или по ходатайству обвиняемого назначить по мотивированному своему постановлению производство новой экспертизы, причем для производства медицинской экспертизы требование о новых экспертах направляется в соответствующие губернские или уездные органы Народного комиссариата здравоохранения» (ст. 174).

В случае, если вызвано несколько экспертов и они пришли к единогласному заключению, то результаты экспертизы могут быть изложены одним из экспертов по их выбору; в случае же разногласия между экспертами каждый эксперт должен изложить суду свои выводы. После дачи каждым экспертом его заключения ему могут быть задаваемы вопросы. На предварительном следствии, по окончании экспертизы, следователем составляется протокол, который подписывается экспертами. Последние вправе требовать дополнения протокола и внесения в него поправок согласно данным ими заключениям.

Экспертам предоставляется право собственноручного написания данных ими заключений (ст. ст. 173, 298, часть I, 168).

«Заключение, данное экспертами, — говорит ст. 298, ч. II, — после его устного изложения, должно быть представлено затем экспертами в письменном виде и приобщено к делу».

¹⁾ Ср. опр. УКК ВС 1926 г., в. II, по д. № 27524.

Вопрос о производстве экспертизы и о вызове известных лиц в качестве экспертов решается в стадии предварительного производства — следователем, а в стадии разбора дела по существу — судом ¹⁾. Возбудить этот вопрос могут и стороны (ст. ст. 112, 169, 253, 300). В случае если следователь или суд отказывают в вызове экспертов, то они обязаны составить о том мотивированное постановление. При этом следователь не вправе отказать обвиняемому или потерпевшему в вызове экспертов, если обстоятельства, об установлении которых эти лица ходатайствуют, могут иметь значение для дела (ст. 112). Точно так же народный суд, признав, что обстоятельства, о разъяснении которых ходатайствуют стороны, могут иметь значение для дела, не вправе отказать в вызове экспертов (статья 254).

Уголовно-процессуальный кодекс не перечисляет тех специальностей, представители которых могут быть приглашены в качестве экспертов.

Решая вопрос о вызове определенного лица в качестве эксперта, следователь и суд должны войти в обсуждение компетентности лица, предлагаемого в качестве эксперта. Признав его некомпетентным, они могут отказать в вызове его. Однако согласно ст. 169 «в случае требования обвиняемого следователь помимо избранных им экспертов может вызвать и эксперта, указанного обвиняемым; отказ в таком вызове может последовать, если следователь признает, что вызов

¹⁾ Из имеющегося в перечне статьи 101 указания на ст. ст. 162—174 ясно, что и органы дознания в нужных случаях имеют право вызова и допроса экспертов, причем руководятся в этих случаях правилами, установленными для следователей. Ст. 101 говорит о производстве дознания по делам, по которым предварительное следствие необязательно.

дуть предварительное следствие».

Согласно ст. 253 ходатайство стороны о вызове эксперта должно быть судом в период подготовительных распоряжений удовлетворено.

Согласно ст. 273, ч. I, — при открытии судебного заседания, — «в тех случаях, когда вызов новых свидетелей и экспертов или истребование других доказательств будет признано судом необходимым, суд вправе либо отложить дело слушанием, либо предоставить сторонам право без перерыва слушания дела доставить свидетелей и экспертов и представить другие доказательства вредствами сторон».

Вызванный в качестве эксперта обязан явиться и за неявку подвергается той же ответственности, как и неявившиеся без уважительных причин свидетели. Явившись по вызову, эксперт обязан участвовать в осмотрах и освидетельствованиях и давать заключения¹⁾. Как и свидетели, эксперты имеют право на получение вознаграждения за отвлечение от обычных занятий и на возмещение понесенных ими расходов по явке. Кроме того они имеют право и на вознаграждение за выполнение ими своих обязанностей²⁾.

Эксперты могут быть отводимы сторонами по тем же основаниям, как и судьи, согласно ст. 43. Эта статья постановляет:

«Судья не может участвовать при рассмотрении дела как в распорядительном, так и в судебном заседании:

1) если он является стороной или родственником какой-либо из сторон;

¹⁾ Ст. ст. 64, 60 и 62.

²⁾ Ст. 65. Размеры вознаграждения свидетелей и экспертов определяются особыми инструкциями НКЮ.

2) если он или его родственник заинтересованы в исходе дела;

3) если он участвовал в деле в качестве свидетеля, эксперта, лица, производившего дознание, следователя, обвинителя, защитника или представителя интересов потерпевшего или гражданского истца по этому делу».

Относительно экспертов ст. 48 делает оговорку, что предыдущее участие их в деле в том же качестве экспертов не может служить основанием к отводу ¹⁾.

Вызванному в качестве эксперта следователем или судом излагаются те вопросы, по которым должно быть дано заключение ²⁾.

«Обвиняемый вправе представить в письменном виде те вопросы, по которым экспертом должно быть дано заключение» ³⁾. Это — чрезвычайно важное право обвиняемого, которым несомненно он должен воспользоваться широко в необходимой для защиты мере, но — осмотрительно, не загромаждая экспертизы ненужными вопросами.

«Перед допросом экспертов следователь удостоверяется в их самоличности и предупреждает о необходимости давать заключение, строго согласное с обстоятельствами дела и данными тех специальных знаний, для которых вызван эксперт; при этом следователь предупреждает об ответственности за отказ от дачи

¹⁾ Права отвода секретарей судебного заседания, переводчиков, экспертов и прокуроров изложены в ст. ст. 47 и 48. Согласно ст. 46 «отвод должен быть заявлен стороной не позже, как при открытии заседания; позднее заявление отвода допускается лишь в тех случаях, когда основание отвода сделалось известным суду или лицу отводящему после начала судебного следствия».

²⁾ Ст. ст. 171 и 298.

³⁾ Ст. 171.

заключения и за дачу ложного заключения» 1). Ст. 95 Уголовного кодекса обнимает и ложекспертизу и облагает ее одною ответственностью с ложным свидетельским показанием 2). Само собою разумеется, что называется не неправильная, а лишь заведомо ложная экспертиза.

Получив известные вопросы, эксперт должен иметь возможность обдумать их и внимательно изучить те факты, относительно которых он должен дать заключение. Для этого ему должны быть предоставлены соответствующее помещение и время, причем он должен быть огражден от могущих мешать его работе посторонних влияний. Если приглашено несколько экспертов, им должна быть дана возможность, — в случаях их о том требования, — совещаться друг с другом 3) (ст. 172). Если эксперты пришли к единогласному выводу, то результаты экспертизы могут быть изложены одним из них по их избранию. Но и в этом случае стороны не лишаются права задавать вопросы каждому эксперту в отдельности (ст. 173). Порядок допроса экспертов сводится к следующему. Вначале эксперт дает свое заключение, а затем ему задаются вопросы на предварительном следствии — следователем и обвиняемым, а на судебном следствии — председателем и членами суда, с одной стороны, и сторонами, —

1) Ст. 170.

2) О ложекспертизе и ответственности за нее см. выше, стр. 52 и сл.

3) В целях ограждения экспертов от постороннего влияния им должно быть предоставлено по возможности изолированное помещение для совещания, но с допущением на эти совещания судебных и следственных работников и работников прокурорского надзора. Пост. Пленума ВС РСФСР от 18 октября 1926 г., пр. № 17.

с другой ¹⁾. Если эксперт находит, что представленные ему следователем или судом материалы недостаточны для дачи заключения, то им должен быть составлен акт о невозможности дать заключение. В этом случае представленные эксперту материалы предварительного следствия, с разрешения прокурора или суда, которому подсудно дело, могут быть расширены следователем (ст. 171, прим.).

Эксперт призывается для дачи заключения, основанного на специальных знаниях, носителем которых он считается. Но ему вовсе не принадлежит право комбинировать улики против обвиняемого ²⁾. Экспертиза должна быть произведена с такой полнотой и должна быть так отчетливо мотивирована, чтобы суду были вполне ясны те основания, которые привели экспертов к их заключению ³⁾. С своей стороны, как отмечено выше, расходясь с выводами экспертизы, суд должен мотивировать свое разногласие.

Задача эксперта заключается в том, чтобы на основании данных дела выяснить историю происхождения или значения известных фактов. Для правильного решения этой задачи необходимо прежде всего составить себе ясное представление о фактах, которые надо объяснить, и убедиться в их подлинности, в действительной принадлежности им известных признаков и черт. В этих целях закон предоставляет эксперту право знакомиться с данными дела и оставаться во время разбора последнего в зале заседания. Согласно ст. 171, ч. II, «эксперт имеет право, с разрешения следователя.

¹⁾ Ст. ст. 170, 173, 277, 298.

²⁾ См. опред. УКК ВС РСФСР 1924 г. по д. № 2122.

³⁾ См. опред. УКК ВС 1925 г. по д. № 212337. Сб. опред. 1925 г., в. I.

знакомится с теми обстоятельствами дела, уяснение которых необходимо ему для дачи заключения».

По ст. 275 «явившиеся в судебное заседание эксперты остаются в зале заседания кроме тех случаев, когда суд по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон признает необходимым удалить экспертов из зала заседания».

Внимательное изучение данных дела, поскольку это необходимо для ясного представления о подлежащих объяснению фактах и сопровождавших их условиях, составляет первую обязанность эксперта. На эту сторону экспертизы при предложении эксперту различных вопросов должно быть обращено самое серьезное внимание; надо выяснить, имел ли эксперт в виду все те свойства и условия происхождения известных событий, подлежащих его объяснению, которые необходимо не упускать из виду для правильного о них суждения. Заключение экспертов является очень ценными доказательствами по делу, и суд должен широко пользоваться своим правом вызова экспертов¹⁾. Важность врачебной экспертизы во всех случаях, когда здоровье подсудимого внушает подозрение или когда речь идет о тяжести тех или иных повреждений или о причинах смерти, — ясна сама собою. Но и в других случаях, когда перед судом встают сложные хозяйственные, финансовые или технические вопросы, помощь экспертов ему положительно необходима. Это отметил между прочим в одном из своих циркуляров Наркомюст, указав, что следует «при выяснении выдвигаемых следствием сложных, хозяйственных и финансовых вопросов производить экспертизу, обращая при этом внимание на то,

¹⁾ Ср. УКК ВС от 19 января 1925 г. в определении на приговор Грозненской постоянной сессии Кавказского краевого суда от 26 ноября 1924 г.

чтобы при оценке тех или других обстоятельств дела принималась во внимание хозяйственная обстановка, существовавшая во время совершения преступления»¹⁾).

В случае, если экспертиза окажется недостаточно ясной или неполной, суд, а на предварительном следствии — следователь, по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон может назначить производство новой экспертизы. Суд может назначить новую экспертизу и в случае разногласия между экспертами. При этом для медицинской экспертизы запрос направляется в губернский или уездный отдел здравоохранения²⁾).

При оценке заключений экспертов следует руководиться следующими общими соображениями.

Эти заключения, рассматриваемые с логической точки зрения, состоят из трех частей.

Первую часть и вместе с тем их большую посылку, от которой отправляются эксперты, составляют известные общие положения, которые извлечены или считаются ими извлеченными из науки или из теории и практики какого-либо искусства, ремесла или какой-либо технической отрасли.

Вторую часть и вместе с тем меньшую посылку заключений экспертизы образуют подведение под понятия, содержащиеся в указанных выше общих положениях, известных фактов и утверждение, что эти факты относятся к явлениям определенной категории.

Третью часть заключения экспертизы составляют выводы, сделанные на основании принятых экспертами за точку отправления общих положений относительно данных фактов.

¹⁾ Циркуляр от 31 января 1924 г. № 20.

²⁾ Ст. ст. 174 и 300.

Заключения экспертов правильны, если верны те общие положения, из которых они исходят, если твердо установлены подвергнутые ими оценке факты и последние действительно обладали признаками, позволявшими подвести их под понятия, содержащиеся в исходных общих положениях, и если выводы в отношении этих фактов сделаны логически правильно, не заключают в себе того, чего не было в посылках, или не упускают того, что в последних содержалось.

Неправильности могут содержаться во всех указанных выше частях заключений экспертов. Могут быть неверны те общие положения, на которые опирается эксперт; положения науки или искусства, принятые им за исходный пункт, могут быть взяты в искаженном виде, или без тех оговорок и ограничений, которые в них вносятся на основании теоретических соображений или указаний практики. Могут быть сомнительны или неправильно представлены те факты, к которым экспертом применены известные общие положения. Может быть наконец логически неправилен вывод относительно данных фактов, сделанный экспертом на основании известных общих положений. Со всех этих сторон заключения экспертов могут и должны быть взвешены, проверены и оценены на суде.

Таким образом, исследуя заключение эксперта как доказательство по делу, необходимо:

во-первых, — обратить внимание и вскрыть те общие положения, из которых исходит эксперт в своем заключении, и убедиться в том, что они признаны наукой, искусством или известной технической отраслью и верно понимаются экспертом;

во-вторых, — посмотреть, оперирует ли эксперт в своем заключении фактами, которые действительно твердо установлены, и не привносит ли он в эти факты

черт и признаков, на самом деле им не принадлежащих, очень спорных и сомнительных;

в-третьих, — остановиться на вопросе, правильно ли, с логической точки зрения, сделан вывод относительно данных фактов из известных общих положений.

Только заключение эксперта, выдержавшее критику и оценку со всех этих сторон и точек зрения, может быть с уверенностью принято судом, как надежное доказательство. В противном случае оно представляется неверным или по крайней мере, сомнительным, и у суда есть основание или прибегнуть к новой экспертизе, или построить свой приговор независимо от выводов экспертизы, определенно мотивировав свое с ней расхождение.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

«Вещественными» называются те доказательства по уголовному делу, которые состоят из внешних предметов. Эти предметы могут быть связаны с преступлением тем, что например служили объектами или были орудиями преступления, явились продуктами преступной деятельности и т. п. В силу той или иной своей связи с преступлением эти предметы носят на себе следы преступной деятельности, помогающие восстановить картину преступления. Они являются как бы немыми свидетелями преступного происшествия, иногда загадочными, но способными многое раскрыть при внимательном и умелом пользовании ими. Понятие вещественных доказательств в широком смысле обнимает и письменные доказательства. Наш Уголовно-процессуальный кодекс (ст. 66) прямо упоминает в числе вещественных доказательств и о документах. Письменным доказательством, по верному определению Баста, называется всякий предмет, на котором изложена человеческая мысль письменами или каким-либо иным видом условных знаков или символов. Ни одно письменное доказательство не имеет для уголовного суда безусловно обязательной силы. Письменные доказательства могут носить разнообразный характер: они могут быть проявлениями преступной деятельности и носить на себе

более или менее ясные следы последней и могут быть записями, изложениями или описаниями тех или иных доказательных фактов, собранных органами предварительного производства (например разные протоколы осмотров, обысков и т. п.). По природе своей, замечает проф. Случевский, письменные доказательства не имеют самостоятельного значения и подходят, смотря по обстоятельствам дела, к категории других доказательств. «Так, письменные бумаги и документы могут иметь значение: 1) бумаг, в содержании или прохождении которых выразился самый факт преступления, — таковы подложные документы; 2) бумаг, вмещающих в себе сознание подсудимого или признание каких-либо фактов со стороны других лиц, имеющих для исследования дела значение, и 3) бумаг, имеющих значение улик, на основании которых может быть сделан вывод в отношении преступного действия или виновности лица»¹⁾. В Уголовно-процессуальном кодексе (ст. 66) вещественные доказательства определяются следующим образом:

«Вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления, или которые были объектами преступных действий обвиняемого, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных».

Таким образом вещественными доказательствами являются:

а) предметы, служившие орудиями совершения преступления; таковы например оружие, которым были нанесены раны, орудия взлома, орудия,

¹⁾ Учебник уголовного процесса, 3-е изд., стр. 411.

посредством которых изготовлялись какие-либо поддельные предметы, подделка которых наказывается по Уголовному кодексу и т. п.; б) предметы, которые сохранили на себе следы преступления (например кровавые пятна, следы ног или зубов преступника, отпечатки его пальцев, следы работы употребленных им орудий, следы, определяющие положение потерпевшего и преступника в отношении друг к другу в момент посягательства и т. д.); в) предметы, которые были объектами преступных действий обвиняемого, например труп — в случаях убийства, украденное имущество — в случаях кражи и т. п.; г) все предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных. К этой группе относятся всевозможные предметы, в которых орган, производящий дознание ¹⁾ или предварительное следствие, или суд укажут средство к раскрытию преступления или преступника. Слову «обнаружение» в данном случае должен быть придаваем широкий смысл, т. е. под ним следует разуметь не только обнаружение того, что вообще совершено преступление, или что совершил его такой-то, а и раскрытие отдельных черт или признаков преступления или преступника, могущих так или иначе влиять на уголовную ответственность. Такое толкование подсказывается как явным стремлением ст. 66 возможно широко охватить круг предметов, так или иначе связанных с преступлением и могущих пролить тот или иной свет на уголовное дело, так и принципом возможной полноты доказательств по делу, нашедшим себе некоторое отражение между прочим в ст. ст. 57, 302 и др. Уголовно-процессуального кодекса.

¹⁾ Ст. 99.

К числу «иных» предметов и документов, упомянутых в ст. 66, могут относиться например найденный у преступника план места совершения преступления, определенного цвета автомобиль, в котором скрылись преступники, письмо, содержащее в себе указания на данное преступление, очки, которые были надеты преступником во время совершения преступления, и т. п.

В современном уголовном процессе вещественные доказательства получают все большее значение по мере развития «уголовной техники», т. е. техники раскрытия преступлений. Если эти доказательства были своевременно охранены от порчи и подлога, то в умелых руках специалистов-экспертов они могут стать «немыми свидетелями» преступления, проливающими очень яркий свет на его происхождение. Практика знает массу случаев, когда по ничтожным предметам безошибочно раскрывались весьма тяжкие преступления. Иногда выпавший во время борьбы с потерпевшим волос из головы преступника, брошенный преступником окурок папиросы, или оставленная на месте преступления обгорелая спичка и тому подобные предметы вели к раскрытию преступления, которое, казалось, должно остаться навеки неразгаданной тайной. В 1913 г. например в Ленинграде была найдена убитой в постели проститутка, которая по показаниям соседней несколько раз ночью уходила на улицу и каждый раз возвращалась с новым мужчиной. Вся обстановка подсказывала, что убийство было совершено в пьяном разгуле на садовой почве. Тщательный осмотр стаканов, из которых очевидно выпивалась водка, обнаружил несколько отпечатков пальцев, причем для сличения с ними была дактилоскопирована убитая. Осмотр весьма грязной и неряшливой постели, на которой лежала убитая в одной поднятой спереди до шеи рубашке, привел к находке

двух вещей: зерна какого-то особого сорта пшеницы и голубого чулка, пары которому разыскать не удалось. Возникло предположение, что другой чулок был унесен убийцей. Выяснив, какие амбары торгуют данным сортом пшеницы, агенты розыска взяли их под наблюдение и стали следить за служащими в них. В конце концов был заподозрен некто С., с пальцев которого были сняты отпечатки, совпавшие с отпечатками на стаканах, а обыск обнаружил у него и один голубой чулок, парный с тем, который был найден у убитой, и таким образом преступление было раскрыто ¹⁾.

Убийство гражданки С., учиненное в 1921 г. в Москве двумя молодыми людьми — К. и Г., — было раскрыто благодаря оставленной преступниками в пепельнице, изорванной в мелкие клочки записке, посредством которой они уговаривались о способе убийства и о моменте начала нападения ²⁾.

Макалинский приводит такой пример из западноевропейской практики: на одного человека напали в глухом месте несколько человек, жестоко избили его и скрылись, но в руках потерпевшего остались шапка одного из преступников и в ней два серо-белокурых волоса. По этим волосам эксперты установили такие приметы их обладателя, которые и привели к розыску преступников: сильный мужчина средних лет, склонный к тучности, с начинающейся лысиной, волосы с проседью, недавно коротко острижен ³⁾.

¹⁾ Об этом случае см. ст. В. Русецкого, «О копировании и проявлении бесцветных пальцевых отпечатков». «Вестник полиции», 1914 г., № 36—37.

²⁾ Подробно изложен этот случай в моей «Криминальной психологии», стр. 79 и сл.; см. также Громов и Лаговьер, «Искусство расследования преступлений», 1927 г., стр. 89 и сл.

³⁾ «Руководство для судебных следователей», 6-е изд., 1907 г., 1, 247.

Подобных примеров можно привести много. Все они говорят о том, что органы розыска и следствия должны с величайшим вниманием относиться ко всем деталям обстановки при осмотре места преступления и в своем описании не должны упускать из виду и того, что может казаться, на первый взгляд, мелочью, а впоследствии может стать главной нитью к раскрытию преступления. Они должны внимательно осмотреть место происшествия, стараясь не упустить ничего такого, что имеет отношение к следам преступления. При осмотре помещений, особенно мест входа или влезания, и отдельных предметов они должны со вниманием смотреть, нет ли где отпечатков пальцев рук, кровавых пятен и т. п. Эти отгиски, с помощью дактилоскопических снимков и других приемов, могут привести к раскрытию преступника. Исследование пятен также может раскрыть тайну преступления. Необходимо также внимательно осмотреть задержанного преступника — его руки, шею, одежду и прочее, так как на них могут быть следы преступления в виде следов борьбы, следов пальцев рук убитого и т. п. При осмотре предметов и помещений необходимо также произвести надлежащие измерения, по возможности — составить чертежи осмотренных мест и предметов ¹⁾. Большую помощь может оказывать в этих случаях фотография; она лучше всяких описаний может дать представление о местности, помещениях и расположении

¹⁾ Целый ряд весьма полезных практических указаний на разные приемы составления чертежей, измерения следов и снятия слепков см. у *Ганса Гросса*, в его «Руководстве для судебных следователей», русск. перев., вып. III, 1897 г. и в сочинениях, посвященных изложению «уголовной техники» или «криминалистики».

различных предметов 1). Весьма важно также снятие снимков с разных следов с помощью например гипса и т. п. Уголовная техника указывает много способов, какими это может быть сделано всего лучше.

Для целей розыска чрезвычайно важно, чтобы до прибытия органов розыска и следствия сохранилась вся та обстановка, в которой произошло преступление и чтобы перед глазами этих органов развернулась полная картина тех разрушительных изменений, которые были внесены в эту обстановку преступлением. Поэтому всякий, кто заметит событие, имеющее признаки преступления, должен и сам избегать вносить какие-либо изменения в картину происшествия и возможно скорее сообщить об этом происшествии органам власти, которые приняли бы меры к сохранению и зарегистрированию всех следов этого преступления. Особенно важно охранить мертвое тело в том положении, в каком оно находилось после преступления.

Вещественные доказательства должны быть сохранены по возможности в неизменном виде, по крайней мере до окончания разбора дела, чтобы суд мог их видеть, подвергнуть в случае нужды экспертизе и прийти на основании их к верным заключениям по делу. Они должны быть по возможности перенумерованы, уложены, запечатаны и приобщены к делу. Они должны быть подробно описаны с указанием в протоколе обстоятельств, сопровождавших их отыскание и взятие. Ор-

1) Весьма полезна для этой цели метрическая фотография Бертильона: получаемый с помощью метрического фотографического аппарата фотограмметрический снимок позволяет с большою точностью определять размеры снятых предметов и расстояния между ними. О метрической фотографии Бертильона см. подробно у *Трегубова*, «Основы уголовной техники», 1915 г., стр. 27 и сл.

ганы следствия и дознания должны принять все меры к сохранению их от уничтожения, подмена или искажения. Если вещественные доказательства не могут быть отделены от места, где найдены, например кровь на стенах здания, деревьях и тому подобное, но их необходимо сохранить для осмотра через сведущих людей, то надо принять надлежащие меры к ограждению этих следов преступления от всякого изменения или же истребления и при возможности опечатать место или предмет, на котором остались эти следы преступления, и поручить опечатанное надлежащему надзору. Предметы, подлежащие химическому или микроскопическому исследованию, должны быть взяты только в необходимом для исследования количестве и уложены соответствующими специалистами (врачом, фармацевтом и т. п.) так, чтобы не могли утратиться в дороге, воспринять посторонней примеси или образовать химических с посудой соединений.

В нашем Уголовно-процессуальном кодексе относительно вещественных доказательств имеются следующие постановления:

«Вещественные доказательства должны быть подробно описаны, приобщены к делу особым постановлением следователя или определением суда и храниться в том суде или у того следователя, в производстве которого находится дело». «В отдельных случаях вещественные доказательства могут быть впредь до окончания дела возвращены их владельцам, если последние о том ходатайствуют и если удовлетворение этого ходатайства возможно без ущерба для производства дела».

«Вещественные доказательства, не могущие храниться в камере суда или следователя, опечатываются, по возможности фотографируются и подлежат хранению

впередь до распоряжения соответствующих суда или следователя» 1).

«Вещественные доказательства, подвергающиеся быстрой порче, если не могут быть возвращены владельцу, немедленно сдаются в подлежащие государственные учреждения для обращения в употребление. «В случае оказавшейся необходимости вернуть впоследствии вещественные доказательства, получившие их учреждения возвращают их теми же предметами или их денежным эквивалентом» 2).

Эта статья имеет в виду не одни предметы, добытые путем преступления, а вообще вещественные доказательства, хотя сравнительно чаще под действие ее должны подпасть эти предметы.

«Вещественные доказательства хранятся до вступления приговора в законную силу или до постановления судом определения о прекращении дела. В тех случаях, когда спор о праве на вещи подлежит разрешению в исковом порядке, вещественные доказательства хранятся до вступления в законную силу решения, вынесенного по данному делу в порядке гражданского судопроизводства» 3).

«При передаче дела из одного суда в другой суд, или от одного следователя другому следователю, вещественные доказательства обязательно препровождаются вместе с делами».

1) Ст. 67. Постановления Уголовно-процессуального кодекса о вещественных доказательствах дополняются инструкциями и циркулярами НКЮ. См. инструкцию при циркуляре от 3 октября 1922 г. за № 98; инструкцию от 17 февраля 1923 г. № 31; циркуляр 1923 г. НКЮ № 252 и циркуляр НКЮ № 277; циркуляры 1925 г. №№ 56, 76, 157.

2) Ст. 71.

3) Ст. 70.

Примечание к этой 68 статье добавляет: «Упаковка тех из вещественных доказательств, которые в зависимости от помещения и способов пересылки могут изменить свой состав или внешний вид, особенно при отсылке вещественных доказательств для исследования, должна производиться особенно тщательно, по возможности сведущими в этом людьми».

На судебном следствии вещественные доказательства осматриваются «в любой момент судебного следствия, в зависимости от хода его» 1).

«В приговоре или в определении о прекращении дела должно содержаться указание на судьбу вещественных доказательств; при этом:

- 1) орудия преступления подлежат конфискации;
- 2) вещи, запрещенные к обращению, не выдаются и подлежат передаче в соответствующие учреждения или подлежат уничтожению;
- 3) вещи, не представляющие никакой ценности и не могущие быть использованными, подлежат уничтожению; в случаях ходатайств заинтересованных лиц и учреждений о выдаче им этих вещей, ходатайство может быть удовлетворено, если суд признает, что к такой выдаче не имеется препятствий;
- 4) остальные вещи выдаются владельцам; в случае спора о принадлежности этих вещей, спор этот подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства» 2).

Наш Кодекс не содержит в себе особых постановлений о письменных доказательствах, играющих в уголовном процессе нередко очень большую роль. Он упоминает о них в ст. 66, как об одном из видов веще-

1) Ст. 299.

2) Ст. 69.

ственных доказательств, а в перечне статьи 58 говорит о них, как об особом виде доказательств. Конечно все указанные выше правила заботливого собирания и хранения вещественных доказательств применяются и к письменным доказательствам, поскольку они соответствуют самой природе этих доказательств. Под понятие письменных доказательств подходят прежде всего разные документы, излагающие и описывающие разные процессуальные действия, — протоколы осмотров, допросов обвиняемого, свидетелей, экспертов и т. д. Затем сюда относятся разные документы, фигурировавшие в преступлениях как средства, облегчавшие подготовку или совершение последнего, или сокрытие его следов, например разные удостоверения, которыми пользовался преступник в те или иные моменты своей преступной деятельности, разные записи и отметки в книгах, в делах или официальных документах того или иного учреждения и т. п. Далее к письменным доказательствам принадлежат дневники преступника или близких к нему лиц, так или иначе отражающие его преступную деятельность с ее внешней или внутренней стороны, переписка преступника, в частности и переписка уже после задержания, например, во время ареста, в уголовном розыске и т. п. Словом, понятие письменного доказательства должно быть понимаемо широко в смысле всякого рода записей, содержащей в себе указания на те или иные факты, проливающие свет на характер или происхождение преступления, или на свойства и настроение совершившего его лица. При собирании доказательств по делу необходимо искать и заботливо приобщать к делу не только такие письменные документы, которые выявляют, когда и как произошло преступление, но и такие, из которых видны свойства личности совершившего преступление субъ-

екта, могущие влиять на его уголовную ответственность, или выясняются его настроение и мотивы преступления, а также его состояние после совершения преступления. Так как наш Кодекс не ограничивает понятия письменных доказательств, так как он предписывает следователю исследовать все обстоятельства, могущие иметь значение для дела (ст. 111—112), и относящимися к делу считает как обстоятельства, указанные в ст. ст. 45, 47 и 48 УК, так и все другие обстоятельства, выяснение которых может иметь влияние на правильное расследование дела (ст. 113), то органы дознания и следствия, а также обвинители и защитники могут в широкой мере привлекать к выяснению различных сторон и моментов преступления письменные доказательства. Суд, с своей стороны, нисколько не стеснен в пользовании разного рода письменными доказательствами, так как согласно ст. 57 от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно.

Средствами добыть те или иные вещественные — в частности, и письменные — доказательства являются расспросы, обыски и выемки. Согласно ст. 175 следователь, лишь если у него есть достаточное основание полагать, что в каком-либо помещении или у какого-либо лица находятся предметы, могущие иметь значение для дела, должен предъявить требование о выдаче этих предметов и произвести выемку их; в случае невыдачи он должен отобрать их принудительным порядком или произвести обыск, причем об этих действиях своих он должен составить мотивированное постановление. Подозрение, что в таком-то помещении скрываются вещественные доказательства,

является основательным, когда оно подкрепляется определенными данными. Не следует производить обыска только на основании ничем не подкрепляемого предположения, не окажется ли чего в данном помещении. Не следует производить обыска и в тех случаях, когда в помещении что-либо находится, но не скрывается, если например обвиняемый или другое лицо готовы представить разыскиваемый предмет и если притом нет основания подозревать, что предмет будет подменен или изменен. Обыск должен быть производим с возможною осторожностью; следователь должен избегать напрасного повреждения осматриваемых помещений, запоров, дверей и других предметов, хотя имеет право открывать запертое, когда владелец помещений не сделает того добровольно (ст. 180). В случае надобности обыскиваемое место может быть оцеплено стражей или особо приглашенными лицами (ст. 179). Наш Уголовно-процессуальный кодекс (гл. XIV, ст. 175—188) содержит ряд правил, которые должны быть соблюдаемы при производстве обысков и выемок. Анализ этих правил выходит за пределы настоящего сочинения, и потому мы ограничимся указаниями лишь на некоторые из них. Обыски и выемки, а также осмотры и освидетельствования должны производиться днем, кроме случаев, не терпящих отлагательства; при обыске или выемке должны присутствовать понятые и лица, занимающие данное помещение или их домашние или соседи (ст. ст. 177, 190). Для обысков и выемок в помещениях учреждений, или в помещениях дипломатических представителей иностранных государств, для осмотра и выемки документов, имеющих характер государственной, дипломатической или военной тайны, а также для выемки почтово-телеграфной корреспонден-

ции, существуют особые правила, цель которых обставить такие обыски и выемки особыми гарантиями, чтобы они производились с особой осмотрительностью, по поводам действительно важным и без разглашения сведений, которые должны храниться в тайне ¹⁾. Приступая к обыску или выемке, следователь обязан огласить соответствующее постановление свое или суда по этому поводу ²⁾.

«При производстве обыска следователь обязан принимать меры к тому, чтобы не были оглашены обнаруженные при обыске обстоятельства частной жизни обыскиваемого, не имеющие отношения к делу» (ст. 181).

«При производстве обыска и выемки следователь должен строго ограничиться отображением документов и других предметов, имеющих непосредственное отношение к делу». «Обнаруженные при обыске предметы, изъятые законом из обращения, подлежат отображению, независимо от отношения к делу» (ст. 182). Все, отображаемое при обыске или выемке, должно быть предъявлено понятым и другим присутствующим лицам и перечислено в особой описи, составляемой на месте обыска или выемки и подлежащей приобщению к протоколу обыска, причем отображенные предметы должны быть на месте обыска или выемки опечатаны (ст. 183—184). «Всякого рода заявления и претензии по поводу производимых обыска или выемки должны быть занесены в протокол». «Копии протокола и описи выдаются лицу обыскиваемому или его домашним» (ст. 185). «Следователь производит осмотр отображенных при обысках и выемках документов и иных предметов или на месте обыска или в случае, если для этого потребуется

¹⁾ Ст. 176 примеч., ст. ст. 178, 186 и сл.

²⁾ Ст. 179.

продолжительное время, или по иным основаниям, в своей камере, после доставления ему всего отобранного при обыске в опечатанном виде»¹⁾.

Сказанное выше об отдельных видах доказательств (гл. III—VII) необходимо дополнить следующими замечаниями.

I. По каждому уголовному делу должны быть представлены возможно яркие и надежные доказательства. Следовательно, усилия всех лиц, принимающих участие в деле, — как в досудебных его стадиях (дознание, предварительное следствие), так и в судебном его рассмотрении, — должны быть направлены к отысканию таких доказательств.

Но это не значит, что доказательства, сравнительно менее яркие и убедительные, могут быть оставляемы без внимания и к розыску их не надо делать особых усилий. Нет, в интересах установления уголовно-судебной достоверности, требующей всестороннего освещения дела, необходима возможная полнота доказательств; суду должны быть представлены все доказательства, какие только могут быть по данному делу найдены. Неполнота доказательств очень затрудняет разбор дела и может влечь за собою отсрочку судебного разбирательства и направление дела к доследованию. Вполне правильно ст. 302 нашего Уголовно-процессуального кодекса постановляет: «Суд, признав, что дело недостаточно выяснено и что могут быть собраны новые доказательства, вправе по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон отложить дело слушанием и потребовать новые доказательства, или же

¹⁾ Ст. 189. Правила производимых следователем осмотров и освидетельствований изложены в гл. XV и XVI Уголовно-процессуального кодекса.

направить дело к следователю или органам дознания для дополнительного расследования. В этом последнем случае дело по окончании дополнительного расследования должно быть, ранее слушания по существу, направлено для предания обвиняемого суду в порядке, предусмотренном главой XX Уголовно-процессуального кодекса».

II. Очень важно, чтобы органы дознания и следствия как можно скорее являлись на место совершения преступления, чтобы вся обстановка последнего и картина всех изменений, внесенных им в эту обстановку, сохранялись ко времени их прибытия в неизменном виде и чтобы ими своевременно были приняты соответствующие меры к сохранению для суда всех вещественных доказательств без повреждений, порчи или подделки.

III. Очень важно, чтобы этими органами возможно скорее и очень внимательно был осмотрен сам преступник, осмотрен по возможности весь, нет ли на нем каких-либо следов преступлений. Его лицо, руки, одежда и т. д. должны быть предметом самого зоркого внимания. Уголовно-розыскная практика показывает, что по возможности ничто в преступнике и на преступнике не должно остаться неосмотренным. Бывали случаи, в которых осмотр даже ногтей преступника и исследование скопившейся под ними грязи давали путь к раскрытию преступления. Вот один из случаев этого рода, имевший место в Германии. «Один тюремный смотритель И. навлек на себя подозрение в том, что он задушил женщину, с которой находился в связи, с которой его видели незадолго до ее смерти и по адресу которой он высказывал угрозы ввиду того, что дальнейшая связь сделалась для него неудобной. И. возбуждал против себя подозрение еще тем, что вначале он отказывался от признания своей связи и со-

жительствa с убитой. Других улик против него не было. При микроскопическом анализе грязи, находившейся под ногтями его пальцев, совершенно неожиданно были обнаружены волокна темнoбурoгo цвета, так называемой, искусственной шерсти. Отдельные волокна были снизу синеvато-черного цвета, а сверху темнo-бурoгo. Совершенно такие же волокна были найдены на нижней кофте и под ногтями пальцев убитой. По обстоятельствам дела эти волокна могли принадлежать только нижней кофте убитой. Но так как во время следствия выяснилась возможность и того, что найденные в ногтевой грязи И. волокна могли быть занесены туда из нижнего платья другого лица, то было произведено микроскопическое исследование их окраски. При этом было установлено, что волокна под ногтями на пальцах И. были окрашены совершенно так же, как и волокна нижней кофты убитой, что наоборот нижнее платье другого лица состояло не из окрашенных, а из припечатанных краской волокон. Этим самым было доказано, что найденные под ногтями пальцев И. волокна происходили от нижнего платья убитой. В связи с остальными уликами И. был приговорен за убийство к смертной казни. Смертная казнь затем была заменена пожизненным заключением. Незадолго до своей смерти в тюрьме И. сознался в преступлении, свою виновность в котором он до того упорно отрицал»¹⁾.

Уголовно-розыскная практика показывает, что важно обращать серьезное внимание не только на лицо и руки преступника и его жертвы, потому что на них могут сохраниться явные следы борьбы и иные следы

¹⁾ См. Гельwig, «Современная криминалистика». Перевод Е. Л-ской, 1925 г., стр. 89.

преступления, но и на их зубы. Оставленные зубами отпечатки иногда давали истинный ключ к раскрытию преступления. «Часто зубному врачу удается установить из характера прикуса определенные особенности расположения зубов подозреваемого и таким образом способствовать обнаружению преступника. Едва ли можно поверить тому, — говорит Гельвиг, — и все же это факт, что среди миллионов людей нельзя найти таких двух, которые имели бы два во всем одинаковых прикуса» ¹⁾. Поэтому весьма важно, с помощью гипса, снимать следы укусов, которые остались на жертве нападения, на предметах, которые преступник держал в зубах, на лице или груди убитой женщины, которую грыз сексуальный преступник, и т. д. «При освидетельствовании убитой в Кельве женщины, — рассказывает Гельвиг, — были обнаружены один зуб в верхней челюсти и три зуба, с неравномерными промежутками между ними, — в нижней. Слепок, сделанный с ее зубов, точно совпал с знаками от укусов на руках одного из убийц. Один из убийц показал на среднем пальце своей правой руки рану от укуса, которая по исследованию судебных врачей совершенно соответствовала переднему зубу его жертвы» ²⁾.

Не подлежит сомнению, что при осмотре преступника, а также трупа убитого лица — необходимо обращать большое внимание как на обувь, так и на платье и белье, вообще на всю одежду, на наличность или отсутствие на ней каких-либо следов преступления, на ее покрой и соответствие или несоответствие росту и фигуре субъекта, на имеющиеся на ней указания на то, кем, когда и где она была изготовлена и т. д.

¹⁾ У. с., стр. 47.

²⁾ У. с., стр. 48.

В нашей практике, — в известном деле инженера Гилевича, убившего в 1909 г. студента Подлущкого, с целью, чтобы труп последнего был выдан родственникам за труп Гилевича и последний мог бы получить таким образом 100 000 руб. с общества, в котором он застраховал свою жизнь, — осмотр одежды, в которую Гилевич предварительно нарядил Подлущкого, дал ключ к раскрытию этого хитро задуманного преступления ¹⁾. Голова трупа была изуродована до неузнаваемости, нос был отрезан, с убитого был снят скальп, сожженный на спирту в кастрюле, но на подкладке внутреннего кармана пиджака, в который был одет убитый, был найден пришитый портным кусок холста с надписью чернилами: «Гилевич». Платье было явно не по мерке убитому и возбуждало подозрение, что оно было для него чужим. Простая обувь не соответствовала высокому качеству платья. На подошве одного сапога были найдены прилепившаяся красная ворсинка от подкладки галош и распознанный через увеличительное стекло след буквы П., бывшей очевидно на галошах. Осмотр скальпа обнаружил, что убитый имел черные волосы, а Гилевич был блондин с стриженными волосами. Эти данные, в связи с другими следами преступления, привели к раскрытию всего дела и дали первые указания на то, в каком направлении должны идти розыски.

IV. С самого начала усилия розыскных и следственных органов должны направляться к тому, чтобы с возможной полнотой собрать доказательства, освещающие не только характер преступного события и его развитие в пространстве и времени, но и особенности совершившего его лица, его психическое состоя-

¹⁾ См. *Трегубов*, «Основы угол. техники», стр. 57. *Якимов*, «Криминалистика», 1925, стр. 16 и сл.

типе в момент учинения преступления и тот круг его личных отношений, из которого выросли мотивы к совершению этого преступления. Практика показывает, что это требование далеко не всегда соблюдается следственными органами, что весьма затрудняет разбор дела на суде, ведет к затяжке этого разбора, к отложению дела и т. д., а нередко создает и риск, что дело будет решено, несмотря на недостаточную освещенность весьма важных его сторон. Вот один из примеров, когда в стадии предварительного следствия не было обращено достаточного внимания на психологические моменты дела ¹⁾).

26 февраля 1926 г. в Москве утром гражданин Митрофан К., 28 лет, из крестьян Новохоперского уезда, ночевавший во 2-м Доме советов (б. гостиница «Метрополь») в комнате гражданки Нины Р. 35 лет, после происшедшей между ними ссоры, схватил на руки Р., находившуюся еще в одном белье, положил ее на постель и, зажав ей рот крепким поцелуем, отрезал ей шерочинным ножом кончик носа, разрезал щеку около левого крыла носа и, заевнув палец в левый глаз, двукратным движением вырвал глаз из глазницы. Во время этих действий он все время глухим голосом повторял: «тише, тише, тише!» Выяснилось, что за несколько месяцев до этого они сошлись, несмотря на разницу их социального положения и образования. Он — рабочий Транспортного союза, возчик, позднее студент рабфака, малокультурный, едва усвоивший политграмоту со времени своего вступления в партию в 1924 г., развязный, грубый и подчас нахальный,

¹⁾ Этот случай подробно описан у Громова и Лаговьер, «Искусство расследования преступлений», стр. 99 и сл., и у Бруханского, «Материалы по сексуальной психопатологии», 1927 г., стр. 18 и сл.

физически сильный, выступавший прежде как борец, склонный к «нарцисму», т. е. к тому, чтобы с самолюбием созерцать свое тело, любитель есть сырое мясо и пить кровь. Она — окончила юридический факультет, была слушательницей академии восточных языков по японскому отделению, в последнее время служила юрисконсультком профессиональных организаций, женщина видная, красивая и бурно-чувственная — «красавица, такой другой нет», — говорил про нее К., — «юристка, — красота, ум; при ней и высморкаться не смеешь». Различие их положений она никогда не забывала и часто заявляла его в оскорбительной для К. форме. По его заявлению и, по словам свидетелей, она нередко кричала ему: «альфонс», кот, бандит, деревянная рожа, вонючий грузчик, мразь, ты мне нужен лишь как сильный мужчина...» и т. п. Бывали случаи, когда она плевала ему в лицо и всячески его ругала. Он не оставался у нее в долгу, также ругал ее и иногда бил. Его ругательства повидимому не очень оскорбляли ее; она даже требовала, чтобы в самые интимные минуты он выражался самым нецензурным образом, — ей нравилось, чтобы в это время он называл ее нецензурными именами. В их отношениях широко применялись разные извращения. Он боялся потерять ее, сильно ее ревновал, с целью поддразнить ее и вызвать ее ревность даже женился и не раз угрожал вырвать ей глаз и отрезать нос, чтобы она принадлежала только ему, «так как тогда ее никто уже любить не будет». Все эти психологические моменты в отношениях этих лиц и многие другие требовали внимательного и заботливого освещения доказательствами, собранными еще в стадии предварительного следствия, но последнее, считая дело достаточно выясненным взаимными обвинениями обвиняемого и потерпевшей, огра-

ничилось проверкой лишь внешних фактических эпизодов из их совместной жизни, не проникнув глубже в данные, освещающие психологию этих двух лиц. Все это осложнило и затянуло судебное разбирательство этого дела, которое дважды рассматривалось судом. На первом разбирательстве эксперт-психиатр высказался в пользу признания К. невменяемым. На основании этой экспертизы суд постановил дело производством прекратить. По протесту прокурора было назначено второе разбирательство дела, так как данная при первом разбирательстве экспертиза была признана неудовлетворительной ввиду ее неполноты и противоречивости. На втором разбирательстве 5 экспертов-психиатров признали, что деяние было учинено К. в состоянии вменяемости, и К. был приговорен к лишению свободы на один год, на основании ст. 151 УК.

При выяснении картины всех вообще преступлений необходимо тщательно собирать и данные, касающиеся личности и настроения совершившего его лица или лиц. Но особенно важно это в случаях насильственных преступлений с резко выраженной эмоциональной окраской. В приведенном выше примере эта окраска очень ярка. Несомненно, что под влиянием постоянных ссор и взаимных грубостей аффективное настроение К. достигло высокой степени напряжения. Его грубая, чувственная страсть к Р. была по всем признакам очень сильна, и эту сторону их отношений так же, как и вообще склонность К. к взрывам аффектов, следовало еще в стадии предварительного следствия исследовать самым внимательным образом. «Она так изрубцевала мое сердце», — рассказывал К. — «И за мужа держалась, и за меня. Пытался раза два уходить, забирал корзину, она на колени, обхватит за ноги... Я от нее удирал и не мог удрать. Стирал ей белье, лифчики...»

А ей связь с ним повидимому все более надоедала, и она стремилась отвязаться от него. В подобного рода случаях необходимо внимательно проследить как общий характер, так и последовательные изменения отношений и настроений субъектов. При этом, поскольку эти изменения нашли свое отражение в вещественных уликах, последние также должны быть с возможной полнотой собраны.

V. При оценке вещественных доказательств необходимо прежде всего обращать внимание на их подлинность, на отсутствие в них порчи, подлога или подмена. От этого очевидно особенно зависит их значение как данных, освещающих те или иные стороны или моменты преступления. Между тем подмен и разные подделки и фальсификации в вещественных доказательствах — далеко не редкость. Преступники, особенно профессионалы, знакомы с новейшими приемами уголовно-розыскной техники и стараются использовать новейшие данные науки для своих целей. Они нередко оставляют фальшивые отпечатки пальцев и иные следы преступления с целью с самого начала сбить агентов розыска с правильного пути. Некоторые преступники надевают перчатки, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, изменяют свое лицо, гримируясь, оставляют на месте преступления вещи, принадлежащие посторонним лицам, посылают ложные доносы в розыскные учреждения, симулируют грабеж с целью направить розыски по ложному пути и замаскировать истинные мотивы совершенного убийства, всовывают в руки убитого пучок его же собственных волос или несколько волос постороннего лица и т. п. В Америке был например случай, в котором на рубашке убитого и на клинке кинжала, которым он был убит, были обнаружены ясные кровавые отпечатки пальцев, ока-

завишиеся фальшивыми. Такие же случаи известны и уголовно-розыскной практике других стран. В упомянутом выше деле Пилевича между прочим убитый студент Подлуцкий намеренно был одет в платье Гилевича, чтобы его труп мог быть выдан за труп Гилевича. Все эти факты говорят о необходимости весьма осторожного отношения к вещественным доказательствам и тщательной проверке их подлинности.

Значение вещественных доказательств существенно зависит далее от умелости и правильности экспертизы, которой они подвергнуты. В умелых руках эти «немые свидетели» могут сказать многое, но нужно именно, чтобы заключение относительно их значения давалось действительно опытными и сведущими людьми. При оценке этих доказательств и определении их значения в деле надо следовательно руководиться также теми правилами оценки, которые приведены выше, когда шла речь о заключениях экспертов (гл. VI).

**О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЧНОСТИ
КАК СУБЪЕКТА ПОВЕДЕНИЯ ВООБЩЕ И ОБ ИЗУ-
ЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ЧАСТНОСТИ.**

I

Главные силы, определяющие поведение человека, сводятся к двум категориям: во-первых, к многообразным действиям на личность среды, и прежде всего среды социальной, и во-вторых, к тем более или менее устойчивым и постоянным психическим комплексам, которые составляют элементы духовной личности человека, служащие призмой, через которую преломляются действия среды. Отдельные акты поведения являются сложными продуктами сочетания разнообразных действий фактов того и другого рода. Теперь надо считать совершенно устаревшим взгляд на человека, как на носителя свободной воли, которая самоопределяется к добру или злу по своему капризному произволу, независимо от внешних причин. Психическая жизнь состоит из процессов, которые слагаются из разнообразных сочетаний различных психических комплексов. Одни из этих комплексов носят непостоянный, мимолетный характер и быстро распадаются. Другие наоборот более или менее постоянны, т. е. сохраняются в течение сравнительно продолжительного времени, иногда долгие годы и даже всю жизнь личности. Из

этих постоянных комплексов слагается духовная личность человека и образует как бы общий остов для отдельных его психических состояний. Подобно тому, как наша нервная система состоит из нервных клеток, наша духовная личность состоит из постоянных психических комплексов, и изучить ее — значит выяснить, каковы эти комплексы и в каком сочетании они находятся у данной личности.

Нейрон, составляющий единицу нашей нервной системы, слагается из нервной клетки с ее отростками — плазматическими (дендритами) и осевым (нейритом). Продолжая аналогию между нейроном и постоянным психическим комплексом, образующим единицу нашей психической организации, можно сказать, что, так сказать, тело последнего составляет известное понятие, представление или восприятие, а его отростками являются связанное с этим представлением движение в эмоциональной сфере, посредством которого данное представление связывается с другими комплексами, и импульс к известному отношению к содержанию данного понятия или к предмету данного представления или восприятия¹⁾. При этом надо заметить, что об отдельном комплексе постольку может быть речь, поскольку то, что составляет предмет входящего в состав данного комплекса интеллектуального состояния, мыслится нами как отдельное целое: предмет, действие, событие и т. д. Таким образом под постоянным психическим комплексом я разумею известное интеллектуальное состояние, предмет которого мыслится нами как отдельное целое, соединенный с этим состоянием

1) Ср. мою статью: «К учению о личности и характере», — «Журнал психологии, неврологии и психиатрии», 1922 г. Приложение I, стр. 129 и сл.

эмоциональный тон и импульс к определенному отношению с нашей стороны к предмету этого интеллектуального состояния. Все это связано в психическом комплексе в одну живую единицу психической жизни, в которой наша мысль может различить дальнейшие части, но последние не даются нам в самонаблюдении иначе, как в том их сочетании, которое образует отдельный комплекс. Мысленно мы можем обособить интеллектуальное состояние от сопровождающих его эмоционального тона и импульса к определенному отношению к нему с нашей стороны, но в реальной психической жизни оно является в неразрывной связи с последними. Иногда интеллектуальный момент комплекса составляет более или менее сложная отвлеченная идея, принцип, представление известного собирательного целого, например, народа, городского населения и т. п. С ним, как с целым, связывается известное чувство, иногда совершенно иное, чем чувство, соединяющееся с составными частями этого совокупного целого. Из сказанного между прочим вытекает, что должен быть решительно отброшен и старый взгляд на природу преступления.

В прежнее время внутренней пружиной каждого преступления считали свободную волю преступника. Человек, если он душевно здоров и вышел из периода детского недоразвития, — рассуждали обыкновенно сторонники этой точки зрения, — обладает свободной волей. По своему усмотрению он может в каждом данном случае и положении определяться к дурному или хорошему поступку. В этой свободе лежит корень его вины и ответственности. Если бы воля человека была не свободна, то не было бы никаких оснований ни для наград, ни для наказаний. Тогда, если человек поступил хорошо, он был бы героем поневоле, а если он

совершил злодеяние, то стал бы злодеем по необходимости; и в том, и в другом случае он был бы игрушкой посторонних сил, и ни награждать, ни наказывать его не было бы никаких оснований. С этой точки зрения сердцевину каждого преступления образует нравственная и юридическая вина преступника; наказание же должно быть возмездием за эту вину по началу воздающей справедливости. При таком взгляде не чувствовалось особой потребности изучать личность преступника, подмечать борьбу в его психической жизни различных мотивов, анализировать эти мотивы, улавливать сходство и различие в силе их у отдельных преступников и устанавливать особые криминальные типы. На первом плане тогда стояли оценка преступления по размерам заключающейся в нем нравственной и юридической вины и нахождение эквивалента этой вины в форме определенного наказания. Преступление и наказание казались как бы двумя различными сущностями, которые надо уравновесить на весах правосудия, не допуская ни излишней снисходительности, ни чрезмерной суровости, а строго соблюдая требования воздающей справедливости.

В настоящее время изложенные взгляды являются уже устаревшими, хотя следы их нередко можно еще подметить и в новейшей научной литературе, и в современной уголовно-законодательной и судебной практике. Теперь ясно уже, что свобода воли, которую горячо отстаивали старые философы и юристы, это пресловутое самоопределение человеческой воли, независимое от внешних причин, на самом деле не существует. Действительно, совершенно неубедительна та ссылка на самосознание человека, на которой главным образом и основывали свою веру в свободу воли ее защитники. Человек, рассуждали они, сознает себя

свободным и, совершая какой-либо поступок, отчетливо сознает, что мог бы его и не делать, мог бы поступить и как-либо иначе; этого сознания не было бы, если бы человек действительно не был свободен. Но эта аргументация очень мало доказательна. Во-первых, сама по себе ссылка на самосознание еще не доказательство. Мало ли иллюзий и предрассудков бывало в человеческом сознании и даже веками жили в нем! Во-вторых, как верно заметил еще Шопенгауэр, то сознание, на которое ссылались защитники свободы воли, говорит на самом деле не о свободе воли, а о физической свободе, о свободе действий. Оно говорит, что, когда человек делает что-нибудь, он сознает, что мог бы действовать и иначе; оно говорит о свободе осуществления хотения, а не о свободе выбора или хотения: я мог бы поступить иначе; да, но если бы захотел, вопрос же в том и заключается, могу ли я свободно хотеть. Наше сознание всегда, так сказать, застаёт волю уже хотящей чего-либо и подсмотреть самый процесс образования волевых решений не может. Да и свидетельство сознания о свободе внешней деятельности не всегда бывает верно: часто людям, — и здоровым, и еще чаще больным; — кажется, что они могут совершить известные действия, а на поверку выходит, что нет. Таким образом тот голос сознания, на который ссылаются защитники свободы воли, оказывается очень недостоверным свидетелем. Конечно человек — не автомат, который движется лишь толчками внешних сил. Своим разумом человек творчески перерабатывает то, что получает из окружающей его среды. Но его разум носит на себе более или менее яркую печать духа времени и окружающей социальной среды, причем в своих выводах нередко поддается влиянию чувств. Выбирая тот или иной поступок, человек следует известным мотивам,

которые оказались у него сильнее, чем мотивы, подсказывавшие иной образ действия. А то обстоятельство, что у субъекта возникли определенные мотивы и получили преобладание над другими мотивами, объясняется складом его личности, его характером и взглядами, его склонностями, возбудимостью и стойкостью у него тех или иных чувств. Человек решается на известный поступок не в силу самопроизвольного, капризного движения своей воли, а благодаря, с одной стороны, действию на него известных внешних раздражителей того или иного рода и большей или меньшей восприимчивости своей к этому действию, а с другой стороны, — благодаря накопившимся у него, как осадок его воспитания и жизненного опыта, постоянным психическим комплексам, подсказывающим ему стремление к одним целям и способам их достижения и удерживающим от других. Преступление представляет собою такой акт поведения, который обыкновенно совершается при большом напряжении сил личности и отчетливо отражает тот склад этой личности, в силу которого она под действием известных раздражителей пошла на преступный путь; и пока этот склад останется без существенных изменений, данная личность, при повторном действии на нее определенных внешних раздражителей, будет опять реагировать в формах того же или сходного преступления, потому что силы, определяющие движения ее воли, остались те же. Такая точка зрения на природу преступления заставляет отбросить взгляд на наказание, как на возмездие равным за равное, а допускает и оправдывает наказание, лишь поскольку оно необходимо как мера социальной защиты, предупреждающая преступления. Не мстить за преступления, а предупреждать их — такова задача уголовного правосудия. К этому и сводится сущность правильного взгляда на

наказание, который в настоящее время получает все более полное и яркое выражение и в построениях уголовно-правовой науки, и в уголовных законодательствах.

При такой точке зрения на первый план выдвигается уже не моральная оценка преступления, а изучение его причин, его факторов, лежащих как в условиях окружающей преступника среды, так и в личности преступника, в накопившихся в последней постоянных психических комплексах. Последние надо вскрыть и организовать социальную защиту в форме наказания таким образом, чтобы она была направлена на такое изменение этих комплексов, которое устранило бы социальную опасность преступника.

II

В бесконечно разнообразных психических процессах, из которых складывается наша душевная жизнь, можно уловить как бы две переплетающиеся сферы активности:

1) процессы, посредством которых личность получает и усваивает себе знания, относящиеся к окружающему ее миру и к ней самой, процессы, в совокупности образующие сферу созерцательно-познавательной деятельности;

2) процессы, посредством которых личность ставит себя в определенное активное отношение к чему-либо, процессы, в совокупности образующие сферу практической, целевой деятельности.

Личность и проявляет себя в этих двух сферах активности, с одной стороны, как созерцающая судящая, вообще познающая личность, а с другой, — как вечно стремящаяся к каким-либо целям и разнообразно выступающая во внешней среде, как действующая практически ради тех или иных целей.

В соответствии со сказанным можно различать четыре основные группы постоянных психических комплексов:

I. Комплексы интеллектуальные, относящиеся к сфере созерцательно-познавательной активности личности:

1) интеллектуальные функциональные комплексы, из которых слагаются «умственные способности» человека. Они состоят из общих представлений известных психических функций, соединенных с определенными эмоциональными моментами и с импульсами к выполнению этих функций. Благодаря им мы знаем, что такое представляют собою различные психические функции и как их выполнить;

2) интеллектуальные предметные комплексы, из которых слагается мировоззрение личности, круг ее убеждений, знаний и взглядов.

II. Комплексы, которые можно назвать сенсомоторными, ввиду того, что они содержат в себе импульс к определенному действию личности, к определенному выступлению ее в отношении собственных состояний или переживаний, или чего-либо, вне ее находящегося. К этим комплексам принадлежат:

1) Склонности, образующие характер человека, склонности к определенным формам поведения, к тому, чтобы отвечать на получаемые от внешних и внутренних раздражителей впечатления психическими реакциями определенного содержания. Среди этих склонностей можно различать:

а) склонности известным образом выбирать и осуществлять свои цели — например склонности действовать обдуманно, с расчетом, медленно, спокойно, или наоборот: порывисто, необдуманно, без учета многих обстоятельств, «под влиянием минуты», легкомысленно

и т. д., вообще склонности к известным типам волевой деятельности;

б) склонности к поведению определенного содержания, к поступкам, доставляющим удовлетворение определенным чувствам. Таковы: склонность предаваться гневу, склонность к насилию, метительность, злопамятность, склонность к пьянству, к картежной игре, к лени и праздности, к великодушным поступкам, к нежным ласкам, к добродушным шуткам, к состраданию и т. п.

Характер человека складывается из переплетающихся между собой склонностей того и другого рода.

2) Вторую и чрезвычайно с практической точки зрения важную группу сенсомоторных комплексов образуют те общие жизненные цели, к достижению которых главным образом в течение более или менее долгого времени направлена энергия личности. Постановка этих целей и степень устремления к ним личности служат показателями активности человека, а их содержание и соотношение друг с другом позволяют судить о степени его духовного развития и одаренности. Общих целей обычно бывает несколько, причем не все они имеют одинаковое регулирующее значение в жизни личности. Есть среди них такие, которые являются главными, направляющими или, так сказать, дирижирующими поведением человека целями. Будут ли они заключаться в том, чтобы устроить или довести до известной степени совершенства определенное дело, сделать известную карьеру, добыть себе определенное семейное положение, добиться известности и славы, или просто в том, чтобы проводить жизнь в известных чувственных удовольствиях, в кутежах или любовных интригах и т. п., все равно, те или иные господствующие цели есть у каждого человека и составляют главные практические двигатели его поведения. На них он опирается, решая

в отдельных случаях, что ему делать и от чего ему следует воздерживаться. Узнать эти цели — значит проникнуть в тайники той лаборатории, в которой вырабатываются решения человека, проявляющиеся в его поведении. Когда он решает, опираясь при обдумывании и оценке намечаемого поступка на эти цели, он чувствует себя действующим свободно. Когда он отклоняется от указываемого ими пути, потому что им овладело известное чувство, — страх чьих-либо угроз, любовь, ревность, ненависть или какое иное, — он чувствует, что поступает вынужденно, «вопреки своей доброй воле»: он не хотел бы, но его «заставил» страх это сделать, его «толкнула» на это ревность и т. д.

Под общими целями я разумею такие, содержание которых заключается не в мимолетном удовлетворении какой-либо отдельной потребности, а в достижении более или менее длительного и постоянного положения или состояния самой личности или элементов окружающей ее среды. Таковы например определенное служебное, семейное, социальное, имущественное положение личности или близких ей лиц, известное состояние государства, общества, какого-либо учреждения, предприятия и т. д. Общая цель всегда обнимает множество частных, конкретных целей, служит основанием для оценки и выбора последних и через них получает свое практическое осуществление; в этом проявляется ее руководящее, регулирующее значение.

Цель вообще есть следствие, которое человек хочет произвести, так или иначе содействуя образованию его причины. Целевое отношение есть отношение причинности, в котором на первом плане мыслится следствие, и от последнего мысль движется к причине. Поставить себе что-либо целью — значит не просто представлять

себе это нечто, как следствие, не просто желать его осуществления или мечтать о нем, а и решить воплотить данное представление в действительности определенным образом. Поставленные себе человеком общие жизненные цели являются главными регуляторами поведения человека, побуждающими его удаляться и воздерживаться от одних действий, соответствующих этим целям, и стремиться с большей или меньшей настойчивостью к поведению, ведущему или приближающему к осуществлению этих целей.

В содержании выбранных человеком общих целей, в средствах для их осуществления и в энергии, с которой применяются эти средства, отражаются все основные свойства личности, — и ее интеллектуальное развитие, и склонности ее характера, и степень присущей ей активности и стойкости.

Из сказанного выше о разных видах постоянных психических комплексов вытекает, что изучения личности, — и, в частности, личности преступника, — сводится к выяснению ее умственных способностей, знаний и взглядов, ее характера и поставленных ею себе общих жизненных целей. В последней группе комплексов, — в общих жизненных целях личности, — более или менее отчетливо отражаются все другие ее постоянные психические комплексы, так как эти цели вырастают из их взаимодействия. Поэтому через эти цели могут быть распознаны все те элементы духовной личности, на почве которых они сложились, т. е. и умственные способности личности, и ее взгляды, и ее характер. На основных различиях в общих жизненных целях — полагаю — и должна строиться та классификация личностей, которая должна иметь руководящее значение при изучении личности как субъекта поведения.

III

Признаков, по которым можно классифицировать такой сложный объект, как личности, очень много, и всякая классификация их, — если только не допущено логических погрешностей в самом ее построении, — имеет право на существование. Но, конечно, не все классификации равноценны; их ценность различна, смотря по важности целей, которым они предназначены служить, и по пригодности их для этих целей. Для каждой данной цели лучшей является лишь одна определенная классификация. Для цели возможно полного и глубокого изучения личностей, как субъектов поведения, нужна такая классификация, которая располагала бы их по группам по наиболее заметным психологическим признакам, с которыми связывается наибольшее число наиболее существенных различий в поведении личностей. Проф. Лазурский предложил в качестве такого признака — активное приспособление личности к окружающей среде. Основываясь на этом, он устанавливает два важнейшие подразделения личностей: по психическому уровню, определяющемуся пределом доступного личности психического развития, и по психическому содержанию. Главное значение в его книге имеет первое деление на три психические уровня: низший, средний и высший ¹⁾. Не трудно однако заметить, что понятия «приспособления» к среде и психического уровня слишком сложны и мало определены для того, чтобы ими можно было пользоваться при классификации такого пестрого и разнообразного мате-

¹⁾ «Классификация личностей», 2-е изд., 1923 г., стр. 12, 17 и сл.

риала, как человеческие личности. Что такое приспособление к среде? Ясно, что последнее может быть понимаемо очень различно и в зависимости от того, как мы определим это понятие, оно приведет к различным группировкам личностей. Особенно трудно оперировать им без предварительного точного определения его, если при этом взять, как сделал проф. Лазурский, понятие среды в самом широком смысле этого слова, включив сюда не только вещи, природу, людей и человеческие взаимоотношения, но также идеи, духовные блага, эстетические, и моральные ценности и т. п. ¹⁾ Ни «приспособления к среде», ни «психического уровня», как чего-то единого, могущего быть положенным в основу классификации, реально и не существует: приспособившийся к одним элементам среды, в указанном выше широком смысле этого слова, окажется неприспособленным или малоприспособленным — в другом; при высоком уровне умственного развития человек может быть мало развит эстетически или нравственно, или наоборот добродетельный человек может не отличаться высотой умственного развития и т. д. Разнообразие в этих отношениях существует большое. Понятия «приспособления» и «психического уровня» обозначают известные отношения и приобретают очень различное значение, смотря по тому, какие именно величины или элементы мыслятся находящимися в этих отношениях. При этом понятие «приспособления к среде» обозначает отношение, которое является сложным результатом всего поведения личности, целого ряда ее разнообразных действий, а важно выяснить, от каких именно свойств личности всего более зависит этот результат. Личности следует классифицировать по признакам,

¹⁾ «Классификация личностей», 2-е изд. 1923 г., стр. 12.

присущим им самим, а не по плодам их деятельности.

Гораздо более простым, ясным и легко распознаваемым является тот признак, который предлагаю положить в основу классификации личностей я, — именно: преследуемые личностями общие жизненные цели.

По характеру и основным различиям их главных жизненных целей личности могут быть разделены на следующие три основных типа.

I. Идейно-творческие личности. Это — люди, которые поглощены деятельностью, направленной на осуществление чего-либо высшего, объективно, а не для них только ценного, например моральной или социальной идеи, идеи служения истине, науке или искусству. Служение этой идее, работа над ее воплощением или осуществлением занимает центральное, господствующее место в их жизни и в большей или меньшей мере подчиняет себе все содержание последней. Этому служению они отдают весь, или почти весь запас своей творческой энергии, ему они нередко жертвуют всем, даже жизнью. Они хотят жить жизнью, которая была бы вся озарена служением тому, что они признают высшим, и в достижении такой жизни видят свое счастье. В характере этих людей резко выдается и господствует склонность к той или иной высшей форме активности, т. е. к такой, посредством которой человек служит тому, что он признает высшею или одною из высших ценностей для людей, — общественному прогрессу, культуре, науке, искусству и т. п. Те идейные цели, служению которым главным образом посвящают свою жизнь эти люди, могут быть верны или неверны, хороши или плохи; важно то, что они возвышаются над материальным благополучием и чувственными наслаждениями данного субъекта и близких ему лиц и сво-

дятся к осуществлению или воплощению того, что субъект признает высшим для людей или по крайней мере одной из высших ценностей. Как на главные разновидности рассматриваемого типа можно указать:

1) На тех ученых, художников, артистов и разных общественных деятелей, которые подчиняют внешнюю, физическую и материальную стороны своей жизни интересам своей ученой, художественной, артистической, проповеднической или иной общественной деятельности, сознают себя участниками в создании духовной культуры человечества и из этого сознания почерпают силы терпеть, если окажется нужным, ради своих идейных целей и известные ограничения или лишения. Это — группа создателей духовных ценностей для других людей, произведений искусств или наук.

2) Вторую разновидность рассматриваемого типа составляют личности, которые как к главной своей цели стремятся к тому, чтобы воплотить в своей жизни известный нравственный идеал власти над самим собой, силы воли, стать в этом отношении выше других людей и насладиться сознанием своей высоты и преимуществ перед другими. Их собственная личность стоит у них на первом плане, но не материальное или физическое ее благосостояние, а ее нравственная сила или нравственное преобладание над другими. При этом идеалы, которые эти личности пытаются воплотить в своей жизни, не всегда могут выдержать этическую критику и оценку. Иногда они поверхностны, малообоснованны, слишком неполны, проникнуты резонерством, содержат в себе «больные» мысли и т. д. Примером может послужить герой «Преступления и наказания», в лице которого Достоевский с замечательной силой и яркостью нарисовал очень интересный тип преступника-резонера,

у которого убийство старухи как осуществление известного принципа стало главной, всецело поглотившей его целью.

3) Третью разновидность составляют реформаторы, которые ставят своею главной целью — проповедью или общественной деятельностью изменить сложившиеся формы жизни или изменить — в интересах исключительно или преимущественно других людей — установившиеся общественные порядки, структуру общества или государства или какие-либо части или элементы их строя, или же создать новые полезные для других социальные образования или установления. Конечно, реформаторские планы их могут отличаться большей или меньшей широтой. К этому типу принадлежал например известный педагог XVIII столетия Генрих Песталоцци (1746—1815), который с юности решил посвятить свою жизнь служению народу и ради этого все свои силы отдал воспитанию детей бедняков. Крайне впечатлительный и чуткий к чужому страданию, он полагал, что нет большего блаженства, как видеть детей хорошо воспитанными, довольными и счастливыми. Все свои средства он истратил на устроенный им в своем доме в Нейгофе приют для бездомных, нищих детей. После того как этот приют пришлось закрыть по недостатку средств, он некоторое время жил литературным трудом и приобрел громадную известность своими педагогическими теориями. Затем мы видим его во главе нескольких учебно-воспитательных заведений, самоотверженно работающим на педагогическом поприще. Необычайно добрый, кроткий и добродушный — он был истинным другом детей; бесконечная любовь к детям лежала в основе и его педагогических приемов. Уже стариком, заведя Ивердоновским институтом, он, терпя нужду, последние средства свои отдал на открытие по

соседству воспитательного заведения для бедных детей и в течение шести лет содержал его.

К тому же типу общественных деятелей, ставивших в своей жизни на первый план социальные цели и служение ближним путем улучшения социальных условий, в которые поставлена жизнь этих людей, принадлежал например знаменитый Роберт Оуэн, но его план реформы был гораздо шире, чем у Песталоцци. Всю свою жизнь Оуэн боролся за улучшение жизни рабочих и на это истратил все свое состояние, в общем свыше миллиона рублей. Он полагал, что человеческое общество должно основываться на любви и взаимопомощи, что люди не могут быть ни награждаемы, ни наказываемы за свои поступки, так как последние зависят от характера, а характер — от окружающей социальной среды. На своей фабрике в Нью-Ланарке он старался осуществить новую систему организации труда, основанную на началах справедливости и свободную от принудительных мер. Он справедливо расплачивался с рабочими, устроил для них общественную столовую, читальню, библиотеку, школу для детей и т. д. Вся жизнь его ушла на пропаганду и практическое осуществление его гуманных идей.

4) Четвертую разновидность составляют общественные деятели-благотворители, которые отдаются благотворительной деятельности, облегчению страданий других, жертвуя личными интересами. Таков например был известный доктор Ф. П. Гааз. В течение ряда лет (1828—1853) этот замечательный человек с неослабевавшей энергией и с безграничной любовью к несчастным узникам отдавал все свои силы и средства на борьбу с разными жестокостями и неурядицами нашей старой тюрьмы и являлся заступником арестантов всюду, где мог. Крайне чуткий ко всякому страданию,

он старался помочь каждому, забывая о себе. Как велика была его любовь к людям, можно судить по следующему примеру. Одна несчастная девочка болела водяным раком; от нее исходило такое зловоние, что даже родная мать не могла оставаться около нее. А Гааз посещал ее до самой смерти, подолгу просиживал у нее, обнимая и целуя ее, вселенски стараясь облегчить ее последние минуты и не дать ей почувствовать, что она одна и всеми оставлена.

К тому же типу деятельных благотворителей-человеколюбцев принадлежат например, английские «трущобные сестры» «Армии спасения». Отказавшись от личной жизни, всяких материальных удобств и развлечений, они поселялись в подвалах лондонских трущоб и здесь отдавали все свои силы и всю жизнь на служение беднякам. Вот что рассказывает о них известный вождь «Армии спасения» Виллиам Бутс: «Подобно монахам, геройски посвящавшим себя под предводительством Франциска Ассизского помощи прокаженным и жившим с ними у городских ворот, многие благочестивые души и в наши дни спешат на помощь обитателям трущоб и посвящают им всю свою жизнь. Так, «Армия спасения» насчитывает сто женщин, живущих в трущобах и оказывающих деятельную помощь их обитателям. Это большею частью молодые женщины. Многие из них — дети бедных родителей, с раннего возраста знакомые с нищетою. Другие же выросли и воспитаны барышнями, но решились променять спокойную жизнь в комфортабельных гостиных Вест-Энда на служение ближним в вертепах порока и нищеты¹⁾... Что такое наши трущобные сестры — видно из самого их на-

¹⁾ В. Бутс, «В трущобах Англии». Русск. перев. под ред. Сементковского. СПб, 1891, стр. 184.

звания. Они живут попарно в жалких каморках, в ка-
ких ютится беднейший люд, и в отличие от него
содержат их только в чистоте и порядке. Здесь они
круглый год посещают больных, присматривают за
детьми, наставляют женщин, выручают матерей во время
болезни, вносят всюду мир и согласие, побуждают лю-
дей к воздержанию и вообще ведут борьбу с пороком» 1).

5) Пятую разновидность составляют аскеты, под-
вижники, которые всецело поглощены целью осуще-
ствить идеал самоотречения и самопожертвования и по-
бороть в своей личности все, что не соответствует идеалу
нравственного совершенства, как они его понимают. Та-
ков например был Франциск Ассизский (1182—1226).
Он бросил разгульный и расточительный образ жизни,
который вел раньше, оставил родительский дом, отрекся
от всякой собственности и стал нищенствовать, стараясь
во всем осуществить христианские заветы. О физиче-
ском и материальном благосостоянии он несколько не
заботился и запрещал материальные заботы своим после-
дователям: кто хочет быть братом-миноритом, не должен
иметь ничего, кроме носимой одежды 2). Беззаветное
смирение, безграничная любовь к людям и вообще ко
всему живущему, постоянная готовность спасти заб-
лудшихся проповедью и примером, пренебрежение
опасностями, аскетически-отрицательное отношение ко
всяким чувственным удовольствиям, любовь к природе
и к уединенной жизни, полной молитвенно-созерцатель-
ного настроения и экстазов, — таковы главные черты
этого подвижника 3).

1) В. Бутс, «В трущобах Англии», стр. 184—185.

2) Члены францисканских общин скромно назывались «мино-
ритами», т. е. меньшими братьями.

3) П. Сабатье. «Жизнь Франциска Ассизского». Перев. с
франц., 1895.

В пределах каждой из указанных пяти разновидностей надо различать, с одной стороны, личностей, у которых идейные цели представляют собою аффективные осложнения комплексов с более или менее резко выдающимися в них чувством или целым хором чувств, следуя голосу которых эти личности и совершают отдельные соответствующие их идейным целям поступки, а с другой стороны, — личностей, идейные цели которых представляют собою интеллектуальные осложнения комплексов, в которых на первом плане стоит цель известных идей. Иными словами, надо различать эмоциональные натуры, действующие в силу требований чувств, и натуры рассудочные, действующие по холодным расчетам, решающиеся на поступок, как скоро их рассуждение свяжет образ этого поступка известной логической связью с определенными их взглядами. Конечно идейно-творческие личности встречаются не часто среди преступников, но они все-таки есть и среди последних.

II. Второй и во многих отношениях противоположный только что обрисованному выше типу тип составляют личности, которых можно для краткости назвать гедонистами. Это — люди, руководящие цели которых лежат всецело в сфере внешней, материальной стороны жизни, в сфере физического и материального благосостояния их самих и их семей. До остальных людей им дела нет, поскольку с ними не связаны их чувственные удовольствия, их личное материальное благосостояние или связанное с последним благосостояние их семьи. Наполнить жизнь известными чувственными удовольствиями, добиться видного и выгодного в материальном отношении положения, определенного материального комфорта, — вот общие цели этих людей, из которых родятся отдельные, конкретные цели, двигаю-

щие их волю. Кроме себя самих они никому и ничему служить не хотят. Их интересы лежат исключительно в сфере чувственных удовольствий и материального комфорта; если они и стремятся к чему-либо, выходящему по своему содержанию за эти пределы, то все-таки лишь ради физического или материального благосостояния. Нередко сами того не замечая, они считают себя как бы центром мира и на практике при выборе и постановке целей руководятся только тем, каково отношение этих целей к физическому и материальному благосостоянию их самих. Если они и говорят иногда о каком-либо служении другим людям, то в этом отношении не идут далее слов и красивых фраз, из которых для них не вырастает никаких практических целей. Некоторые из них не занимаются даже интересами своей семьи, а думают и заботятся только о самих себе. Другие руководятся в своем поведении интересами своих семей, поскольку с этим связаны известные их удобства, тщеславие и материальное положение. У некоторых же представителей этого типа наблюдаются серьезные семейные привязанности, которые руководят их поведением, но при коллизии личных и семейных интересов, часто отступают на второй план.

Низшую разновидность рассматриваемого типа образуют личности, у которых общих целей, в вышеуказанном смысле, почти нет; их цели не простираются далее нескольких ближайших дней или недель и сводятся к достаточному удовлетворению органических потребностей. Эти люди не стараются заглянуть далеко в будущее, живут день за днем, с одним расчетом или надеждой, что тот — обыкновенно мало надежный — источник средств существования, который поддерживал их вчера и сегодня, сохранится и завтра. Таковы многие профессиональные воры, нищие и т. п., у которых

общая цель сводится лишь к удержанию и быть может к укреплению или некоторому улучшению их положения в притонах и в той среде, в которых они вращаются. Не следует однако думать, что таковы все профессиональные воры или нищие. Но есть и такие так сказать аморфные гедонисты, которые настолько недоразвиты или оскудели духовно, что почти лишены общих целей и живут буквально день за днем, заботясь лишь об удовлетворении осязаемых ими в данную минуту органических потребностей.

У других представителей рассматриваемого типа мы встречаем ясные, вполне выкристаллизовавшиеся общие цели, причем у некоторых из них эти цели носят эгоцентрический характер, у других, — они распространяются и на близких им лиц, обыкновенно членов их семей. Физическое и материальное благосостояние последних входит в тех или иных размерах в содержание преследуемых данными лицами общих целей. Последние однако всецело лежат в сфере физического и материального благосостояния. Но в выборе путей для достижения этих целей, решаясь на те или иные конкретные поступки, одни личности данного типа проявляют более или менее значительную рассудочность и действуют по расчетам, другие — непосредственно, по возникающим у них чувственным влечениям и страстям. И те и другие обладают эгоцентрическими характерами ¹⁾ и поглощены материальными заботами и добыванием себе разных чувственных удовольствий, но у одних господствующие склонности носят характер страстей и они действуют по чувственным влечениям и в порыве страстей, — из страсти к вкусной еде, к

¹⁾ Ср. мою статью «К учению о личности и характерах». Приложение к «Журналу психологии, неврологии и психиатрии». 1922.

красивой одежде, обстановке, к половым наслаждениям и т. п., причем иногда одна, а иногда несколько этих страстей красною нитью проходят сквозь всю их жизнь, а другие действуют, хотя ради известных чувственных наслаждений, но с спокойной обдуманностью, по холодным расчетам, и репаются на известный поступок, лишь когда этот поступок свяжется в их мысли с известной чувственной целью, цепью определенных рассудочных построений. Среди лиц данного типа, таким образом можно различать порывистые, чувственные натуры и натуры рассудочные. Затем среди тех и других можно различать, во-первых, людей пассивных, во-вторых, — лиц мало активных или лиц с узкой активностью, укладывающих, так сказать, свои общие цели в рамки наличных условий окружающей их среды, без боевого отношения к последней и без стремлений внести в нее какие-либо крупные изменения и в-третьих, личностей с широкой активностью, стремящихся более или менее сильно воздействовать на окружающую их среду и внести в нее от себя более или менее крупное изменение, которое приспособило бы ее для достижения определенных чувственных целей. Личности пассивные и мало активные способны преследовать лишь мелкие и узкие цели личного благополучия в рамках доставшихся им общих условий жизни, созданных еще их предками и перешедших к ним по наследству. От себя они вносят разве лишь небольшие изменения в эти условия ¹⁾. Широких целей они себе не ставят, а разве лишь говорят о них или мечтают. Основные условия,

¹⁾ Если пользоваться терминологией Юнга (Psychologische Typen), то можно сказать, что у этих лиц резко выражен экстравертированный тип. Но так как у каждого человека есть масса процессов и интровертированного, и экстравертированного — по терминологии Юнга — характера и различие лишь в большем или

определяющие содержание их жизни и данные им их предками, образуют как бы рамку, за пределы которой они и не пытаются даже проникнуть. Их жизнь движется, так сказать, по тем рельсам, на которые ее поставили их родители, и они совершают свой жизненный путь в пределах данных им общих условий. Но в этих пределах, при преследовании многочисленных и разнообразных конкретных целей личного благополучия, они нередко обнаруживают большую активность, настойчивость и ловкость. Они умеют получить хорошее место, прикупить капиталец, обзавестись домком и т. д. Но им чужды боевые отношения к окружающей их среде и цели, с которыми связывалось бы более или менее серьезное ее изменение. Завести какое-либо новое дело, сойти с пути, намеченного доставшимся им от предков условиями, и придать своей жизни новые, оригинальные формы они не могут. Отец торговал, сын или дочь продолжают отцовское дело. Отец торговал, а сына своего направил по чиновничьей дороге, тот по ней и движется, пользуясь для расширения своего комфорта или для устройства своей карьеры отцовским капиталом и т. д. Жизнь этих людей в основных своих моментах предопределена их предками и средой; свой жизненный путь они совершают по плану, им данному, и не ставят себе целей, с которыми связывалось бы более или менее серьезное изменение окружающей их среды.

Активные представители данного типа способны к достижению более или менее широких целей, однако не выходящих за пределы физического и материального

меньшем преобладании процессов того или иного типа, определить же степень этого преобладания сколько-нибудь точно нельзя, то и различие этих типов представляется расплывчатым и неопределенным.

благополучия их самих или их семьи. Они сами, так сказать, распоряжаются содержанием своей жизни и делают попытки более или менее серьезно изменить окружающую среду в соответствии с своими идеалами, заводят свое новое дело, создают себе новые общие условия жизни, часто из социальной группы, в которой состоят по рождению, переходят в новую, более соответствующую изменившимся условиям их жизни и т. д. Про них говорят, что они очень предприимчивы и энергичны, «сами пробивают себе дорогу», а не идут лишь по той, на которую были поставлены своим происхождением и родительскими заботами.

IV

Третий основной тип, занимающий среднее, промежуточное место между двумя вышеописанными, составляют личности, у которых к целям личного физического и материального благосостояния присоединяются и иногда даже конкурируют с последними и некоторые общие цели идейного характера. Их можно назвать для краткости средним типом или гедонистами с некоторыми идейными целями. Идейные цели у них часто те же, что у идейно-творческих личностей, но эти цели менее захватывают их. В работе над осуществлением этих целей они видят или лучший путь к достижению личного материального благосостояния, или лишь дополнение последнего, расширяющее круг тех удовольствий или развлечений, которые они могут получить в своей жизни. К такому типу принадлежат например ученые, которые избирают своей специальностью тот или иной вид научной деятельности ради высокого и выгодного общественного положения, которое они таким образом могут себе добыть. Сюда также принадлежат

например те лица, которые, с одной стороны, преследуют, — и не всегда даже безгрешными способами, — цели личного обогащения и выгодной карьеры и живут с достаточным материальным комфортом, а с другой стороны, — искренно считают и выдают себя за сторонников известного учения аскетического характера, — например, толстовцами, — и частью пытаются осуществить правила этого учения, например обнаруживают большую терпимость, склонность к непротивлению злу насилуем, едят вегетарианскую пищу и т. д. К данному типу принадлежат также те молодые люди, которые при выборе профессии или места руководятся, с одной стороны, целью достаточно хорошо и комфортабельно устроиться, сделать карьеру, а с другой — желают приносить пользу обществу, быть общественными деятелями, соединить полезное с приятным, не жить так день за днем, утопая в чувственных наслаждениях, а пользуясь умеренно чувственными удовольствиями и комфортом, вместе с тем делать полезное общественное дело, жить «содержательной» жизнью, «двигать науку» и т. д. Иногда все эти разнообразные цели мирно уживаются у субъекта и получают большее или меньшее практическое осуществление. Но нередки и случаи их антагонизма, вызываемого ими глубокого внутреннего разлада, недовольства недостаточным достижением той или иной из них с самообвинением «в донкихотстве» или с горьким сетованием, что «принципиальное болото засасывает» и т. п.

Каждому приходилось далее встречать убежденных и хороших общественных работников, которые энергично осуществляли и ряд целей личного физического и материального благосостояния, или благотворителей, которые, наряду с широкими личными чувственными целями, бескорыстно служили и известному виду благо-

творительности, видя в нем одну из своих постоянных и иногда довольно сильно озабочивавших их целей.

Смотря по роли, которую играют в жизни личностей описываемого типа идейные цели, эти субъекты стоят ближе или к первому типу — к идейно-творческим личностям, — или к третьему типу — к поклонникам личного материального благосостояния. Затем следует обращать внимание на то, наблюдаются ли у личности более или менее резко проявляющийся антагонизм целей и коллизии последних, или наоборот различные общие цели достаточно координированы друг с другом определенным образом. Смотря по содержанию преобладающих у субъекта гедонистических и идейных целей и по степени большей или меньшей активности, представители данного типа могут быть подразделены на целую серию видовых типов.

Отнесение субъекта, после внимательного изучения данных о его жизни, к тому или иному из обрисованных трех типов сразу дает довольно ясное общее представление о нем и о тех двигателях, которые играют главную роль в его поведении. В частности, зачисление преступника в одну из этих групп указывает, в каких сторонах его личности надо искать корней его социально-опасного состояния. Но конечно выяснением, что данный субъект принадлежит к тому или иному из указанных трех типов, психологическое исследование закончиться еще не может.

V

Программа психологического изучения личности как субъекта поведения складывается из нескольких частей.

I. Первую часть ее составляет выяснение:

а) имеются ли у субъекта общие цели идейного,

нравственного или социального характера, и если имеются, то каковы они;

б) имеются ли у него общие цели, относящиеся к сфере служебной и к его роли в обществе;

в) ставит ли он себе общую целью достижение определенного семейного положения;

г) в какой мере он стремится достигнуть внешнего, физического и материального благосостояния и в чем именно состоят его общие цели, относящиеся к этой области;

д) какие из поставленных им себе общих целей являются господствующими в его жизни, а какие — имеют подчиненное и дополнительное значение;

е) какими путями идет он в достижении своих общих целей.

II. Вторую часть составляет выяснение, на почве каких свойств личности — каких ее умственных способностей, убеждений и склонностей характера — сложился круг данных ее общих целей, преобладание в ее жизни одних из этих целей над другими и выбор путей, ведущих к достижению этих целей. Необходимо выяснить также, насколько устойчивы преследуемые субъектом общие цели. Эта вторая часть, в свою очередь, распадается на исследование интеллектуальной сферы личности — ее умственных способностей, взглядов и убеждений — и на исследование характера личности, образующих его склонностей. В этой части должна быть с достаточной полнотой исследована не только интеллектуальная, но и эмоциональная, и волевая сферы личности.

Как и всякое научное изучение, исследование личности должно отправляться от известного или от того, что легко сделать известным, — к неизвестному и к все более трудно распознаваемому.

Пути, по которым оно при этом может идти, следующие:

а) подробный расспрос изучаемой личности о фактах, относящихся к различным сторонам ее прошлой и настоящей жизни, о ее взглядах и переживаниях при разных обстоятельствах, о ее интересах, вкусах, развлечениях и любимых занятиях и о ее отношениях к различным людям, близким и посторонним;

б) проверка и дополнение полученных из расспроса данных подробным ознакомлением с историей жизни данной личности по всякого рода документальным сведениям, которые удастся получить, по сообщениям о данном лице других лиц, более или менее долго с ним соприкасавшихся, и по личным наблюдениям за данной личностью;

в) выяснение имеющихся у личности знаний и навыков посредством соответствующих испытаний и на основании имеющихся у лица удостоверений о полученной им подготовке и его прошлой служебной и иной деятельности;

г) раскрытие известных свойств, способностей и склонностей посредством психологических опытов.

Таким образом сообщаемое о себе личностью должно быть проверено и дополнено из разных источников. Но обойтись без расспроса личности, или совершенно не считаться с полученными путем такого расспроса данными разумеется нельзя. О том, что человек чувствует, к чему он стремится или остается совершенно равнодушен, нельзя знать, не спросив этого человека, так же, как врач не может точно и полно ознакомиться с состоянием больного, не узнав от последнего, где и какую боль он чувствует, какое впечатление производит на него то или иное вещество, каковы его переживания в тот или иной момент и т. п.

Изучение личности по существу носит характер индивидуального исследования, т. е. исследования, производимого над каждым испытуемым в отдельности. При этом при опросе необходимо принять меры к устранению из вопросов и ответов всякой неясности и двусмысленности, неправильного понимания смысла вопросов и неточностей в записи сказанного испытуемым. Применение при изучении личности коллективного опроса с раздачей анкет и с предоставлением каждому исследуемому самому заполнять анкету может быть допустимо лишь в очень редких случаях, с большими предосторожностями, притом когда важно установить наличие или отсутствие известного факта, а не его индивидуальную обрисовку, не его различную связь с другими фактами, значение и оценку. Во всяком случае данные, собранные путем индивидуального опроса, представляют собою несравненно более прочные основания для заключений и могут послужить почвой для гораздо большего числа и более полных и широких выводов. При заполнении анкет самими испытуемыми легко вкрадывается ряд погрешностей от непонимания или неправильного понимания смысла вопросов, от того, что внимание отвлекается массой вопросов, которые сразу оказываются в поле зрения субъекта, как одна более или менее длинная анкета, испещренная разнообразными вопросами. Перспектива заполнения такой длинной анкеты легко может вызвать чувство скуки и раздражения со стороны испытуемых.

При выяснении общих жизненных целей субъекта и тех его свойств, которые послужили почвой, взрастившей эти цели и более или менее сильное и настойчивое стремление к ним, необходимо ознакомиться возможно глубже и полнее с историей жизни субъекта по имеющимся документам, сообщениям самого испы-

туемого и других лиц о нем. Надо выяснить его взгляды, верования и убеждения, его семейное и служебное положение в их прошлом и настоящем, его отношение к труду и к разным способам приобретения материальных средств, к богатству, накоплению и материальному комфорту.

В зависимости от ближайших целей исследования и характера совершенного субъектом преступления, по поводу которого он и подвергается психологическому исследованию, программа последнего может становиться шире или уже, причем на первый план могут выдвигаться то одни, то другие вопросы этой программы.

В программу исследования умственной одаренности и степени интеллигентности субъекта входят следующие вопросы:

Острота, правильность и точность восприятий или наоборот расплывчатость, неясность восприятий, приращивание к ним субъективных, иллюзорных элементов. Большая, средняя или слабая способность направлять внимание на тот или иной объект и сосредоточивать на нем. Память, ее сила, объем и продолжительность; преобладающий тип памяти. Легкость и быстрота запоминания. Сохранение в памяти виденного, слышанного, пережитых чувств и волнений, прочитанного, лиц, очертаний, форм, событий и их взаимоотношений. Точность воспроизведения. Сила, живость и преобладающий тип воображения.

Способность ассоциировать, ее сила и преобладающие формы проявления. Обилие или бедность внутренних и внешних ассоциаций. Способность улавливать сходство, постоянство, изменения, сосуществование, причинную связь явлений. Способность к отвлечению, степень ее развития. Способность суждений и умозаключений. Явность, живость умственной ра-

боты; медленно или быстро комбинирует факты и признаки. Степень и характер эмоциональной окраски мышления. Субъективность или объективность суждений. Связность мышления и наличие достаточного количества идей, объединяющих и направляющих работу мышления.

Степень образованности: когда, сколько, в какой школе учился, что сохранилось из школьных знаний, какие предметы давались в школе трудно, а какие легко и были излюбленными предметами, любит ли читать и какие книги читает с особенным удовольствием. Учился ли чему-либо после школы. Имеет ли вообще какие-либо умственные интересы и — в утвердительном случае — какие и как относятся к умственному труду.

Исследование мировоззрения и руководящих поведением личности взглядов обнимает следующий круг вопросов:

Характер и степень развития мировоззрения субъекта. Господствующие в его мышлении взгляды и убеждения. Принадлежит ли мировоззрение субъекта к числу мистических, религиозных, метафизических или позитивных. Какие из верований или убеждений субъекта имеют руководящее значение для производимых им оценок и его образа действий. Степень умственного развития субъекта по сравнению с другими лицами одной с ним социальной группы. Его общий взгляд на жизнь, на те цели и интересы, к осуществлению которых следует особенно стремиться. Его общий взгляд на отношения отдельной личности к людям, к устройству их жизни, к облегчению их страданий. Какие типы отношений к другим людям считает справедливыми. Какого рода отношения к другим людям считает всего более себе свойственными.

Исследование характера субъекта должно обнаружить, имеются ли у него и в какой мере развиты: доброта, сдержанность, мягкость, деликатность, благожелательность, сострадательность, отзывчивость, склонность к дружеским отношениям, услужливость, любезность, внимательность, учтивость, почтительность, искренность, верность данному слову, надежность и преданность в дружбе, товарищеская солидарность, способность к любви, злобе, выпыльчивость, раздражительность, склонность к дракам и к грубости, завистливость и злорадство, холодность и безучастность, жестокость и суровость, склонность к ненависти, метительность, злопамятство, ревность, угрюмость и необщительность, склонность к предательству, лицемерность, лживость, трусость, тщеславие, мелочность, склонность к сплетням, вздорность и неуживчивость. Необходимо, далее, выяснить его справедливость, несправедливость, пристрастность в оценках людей и в своих отношениях к ним, склонность к эксплуатации других людей.

Перечисленными выше склонностями главным образом и определяются отношения субъекта к другим людям. При изучении их необходимо обратить внимание:

1) на то, в какой мере развита у субъекта каждая из этих склонностей, легко ли или трудно ему действовать вопреки ей, если обстоятельства делают это для него более выгодным. Насколько часто проявление одной склонности задерживается другими? По фактам его жизни, иллюстрирующим проявление этих склонностей, можно будет судить, какие из этих склонностей развиты у него очень, средне или слабо;

2) на то, ограничено ли у него проявление тех или иных склонностей тесным кругом какой-либо отдельной

группы того общества, в котором он живет, или оно носят не столь ограниченный и связанный, а более широкий и общий характер. Часто встречается, что человек бывает добр, участлив или любезен лишь в отношении родных, жителей своего села, лиц одной с ним национальности и т. п., а ко всем остальным холоден, безучастен, глубоко равнодушен и т. п. Определение, так сказать, сферы действия или объема практического применения известных черт характера, их несвязанность, слабая или большая ограниченность круга их проявления представляют большой интерес для характеристики личности;

3) на степень возбудимости, силу и продолжительность или устойчивость тех чувств, которые являются основными элементами известных склонностей. Насколько легко возбуждается у человека то или иное чувство? С какой силой оно вспыхивает и легко ли приобретает характер аффекта? Как велико его влияние на умственные процессы? Долго ли держится оно на достигнутой им высоте или быстро ослабевает и стихает? Насколько обильны или скудны внешние проявления чувства? В какого рода внешних проявлениях данное чувство почерпает свое удовлетворение? Как велико влияние этого чувства на волевые решения, насколько человек привык сдерживать порывы этого чувства или отдаваться во власть его?

В частности, очень важно выяснить степень развития у субъекта альтруистических чувств, — симпатии к людям, благожелательности, любви, сострадания, отзывчивости, уважения к человеческой личности, — значительное или достаточное развитие или недоразвитие постоянных комплексов, проникнутых этими чувствами. Степень развития у субъекта антиальтруистических чувств — злобы, ненависти, мести, раздра-

жения, ревности, злорадства, зависти, — и значительное развитие, или наоборот слабое развитие или отсутствие постоянных комплексов, проникнутых этими чувствами. Полнота, неполнота, ясность, мотивированность, немотивированность, недостаточная мотивированность, связность, недостаточная связность, бессвязность нравственных оценок. Способен очень, не очень, мало способен или неспособен к нравственной борьбе и к ограничению своих чувственных порывов и влечений во имя нравственных целей и нравственного долга. Черты и степень нравственного вырождения, если последнее наблюдается.

Вопросы о степени развития известных чувств и их напряженности у субъекта должны быть выяснены по отношению к каждой из отмеченных выше склонностей. В связи с ними должен быть разрешен целый ряд вопросов, касающихся волевой сферы субъекта. Способность обдуманного решения или, наоборот, склонность действовать под влиянием минуты, порывисто, необдуманно. Быстрота или медленность решения. Твердость принятого решения. Самостоятельность принимаемых решений. Склонность подчиняться чужому руководству и авторитету. Легковерие. Внушаемость. Способность к положительному волевому усилию. Продолжительность волевого усилия. Энергичность, активность, упрямство, упорство. Способность к задерживающей волевой деятельности, самообладание, власть над собой. Степень сопротивляемости внешним влияниям и степень уступчивости последним.

При выяснении преследуемых субъектом общих целей и склонностей его характера особенно важно обратить серьезное внимание: 1) на оценку им своей личности, 2) на его отношение к труду и к материальной стороне жизни, на его отношения к деньгам,

к накоплению, к материальному комфорту и богатству, 3) на его отношения к семье и близким ему людям и на его отношения к службе и к сослуживцам, выше и ниже его стоящим. При изучении фактов жизни субъекта, принадлежащих ко всем этим сферам отношений, можно убедиться в наличии или отсутствии у него известных склонностей, можно судить и о силе, с которой они проявляются в его поведении. Что касается круга вопросов, которые при этом следует затронуть, то примерный перечень их ясен из нижеследующих программных перечней.

Оценка своей личности. Твердая вера в себя, в известные свои способности и навыки или, наоборот, неуверенность в себе, чувство бессилия, нерешительность в принятии на себя известных функций или обязанностей, смирение, склонность теряться и конфузиться, когда дело касается собственной личности, самоуничтожение, самодовольство, самонадеянность, самопревознесение, хвастливость, неуступчивость, гордость, высокомерие, заносчивость.

Эгоцентрическое отношение к своей личности как к тому, что единственно важно для данного лица, потакание всем своим слабостям, самопревознесение и самовосхищение. Сознание подчинения своей личности чему-либо высшему и обязательности служения последнему с возможным приспособлением своей личности к целям этого служения. Вышнее, что признает над собою субъект, и его отношения к этому высшему. Склонности к чрезмерному, не ограничиваемому какими-либо правилами морального характера удовлетворению всех или некоторых своих органических потребностей, или наоборот к умеренному удовлетворению всех этих потребностей, подчиненному известным рассудочным соображениям, моральным принципам или привычкам вос-

питанием вкусом и привычкам; склонности к аскетизму, умеренности, воздержанию, трезвости. Следует отметить также склонности к искусственному возбуждению известных потребностей и к разным чувственным удовольствиям, связанным с удовлетворением потребностей, в частности, потребностей в пище, напитках и в половых отношениях (лакомки, гастрономы, пьяницы, развратники, любители скабрёзных шуток, анекдотов, картин, любители зрелищ вроде боя быков или петухов, цирковой борьбы и т. п.).

Склонности заботиться о своем физическом и психическом благосостоянии, — о здоровьи, покое, материальном довольстве и комфорте, удовольствиях и развлечениях, успехах на избранном поприще, о превосходстве над другими. При чрезмерном развитии этих склонностей мы имеем перед собой типы людей очень мнительных и ипохондрически настроенных, неуживчивых соседей, корыстолюбивых, жадных, трусливых, обидчивых, тщеславных, ищущих, чтобы о них говорили и печатали, чванных, завистников, ревниво относящихся к чужой славе и к успехам товарищей на службе и т. д. При слабом развитии некоторых из этих склонностей или отсутствии их мы имеем перед собой людей щедрых, бескорыстных, слишком легко мирящихся с разными личными неудобствами и невыгодами, невзыскательных, склонных к великодушию, самоуничтожению и самопожертвованию.

Отношение к семье. Любит ли свою семью, мужа, жену, детей, заботится ли о них, или равнодушен к их интересам, ставит ли себе целями достижение определенного положения своей семьи или отдельных ее членов, или лишь наружно внимателен и нежен к своей семье, а на самом деле равнодушен к ее интересам и не стремится к достижению чего-либо для нее;

грубо, холодно и безучастно относиться к членам своей семьи, бьет их, не обращает внимания на их нужды, не сознает своих обязанностей в отношении их, обладает слабым, недоразвитым семейным чувством, не имеет последнего вовсе или напротив в сильной степени обладает этим чувством? Склонен ли на первое место выдвигать известные интересы семьи и жертвовать им личными удовольствиями? Какие интересы семьи и отдельных ее членов он признает важными? Степень развития альтруистических чувств в отношении членов своей семьи. Степень, в какой в отношении последних могут проявиться антагонирующие чувства (злоба, месть, ревность, зависть и т. п.).

Отношение к деньгам, накоплению, комфорту и богатству. Как субъект смотрит на накопление? Как относится к деньгам, любит ли их очень, или не очень, равнодушен к ним или не любит их, относится к ним с пренебрежением, считает ли их предметом, к которому надо стремиться в первую очередь, или наоборот. полагает, что сами по себе они не стоят больших усилий, скуп ли, бережлив, экономен в расходах, любит аккуратно сводить концы с концами, или наоборот, расточителен — очень, не очень, — любит тратить не считая, любит делать долги, стремится к приобретению денег для целей широкого материального комфорта, роскоши. Любит ли субъект наряжаться, очень, или не очень, или равнодушен к одежде, любит ли какие-либо вещи независимо от их практического значения, или лишь в силу последнего, и дорожит ими, поскольку они удовлетворяют известной чувственной потребности; склонен ли, очень или не очень, ради известных вещей жертвовать духовными интересами, гордится ли какими-либо вещами, любит ли хвастаться ими, или как говорят — «пускать пыль в глаза»; акку-

ратен ли в обращении с вещами, бережлив или напротив небрежен; любит ли иметь «все свое», развиты ли у него чувство собственности и привязанность к своей собственности, охотно ли и легко ли пользуется чужими вещами и присваивает их или честен в имущественном отношении, заметны ли жадность к вещам и склонность к хищническим отношениям к другим людям по поводу вещей. Путем этих и подобных им вопросов можно установить, насколько многочисленны и сильны склонности человека к вещам и какие пути склонен он избирать для приобретения нужных ему вещей; насколько, так сказать, велик его аппетит к материальным благам и насколько он склонен к имущественному хищничеству и эксплуатации других людей для удовлетворения этого своего аппетита. Выяснение всех этих вопросов прольет свет на то, какие общие цели человека лежат в сфере обладания материальными благами, стремится ли он к богатству, роскоши, большому комфорту и накоплению или лишь к достаточному и скромному обеспечению, видит ли в последнем самодовлеющую цель или средство для более высоких, духовных целей и какие пути склонен избрать для осуществления этой цели.

При исследовании истории службы или вообще трудовой деятельности личности необходимо стараться выработать общий взгляд человека на труд, его трудовые навыки и перерывы в трудовой деятельности, если таковые были, периоды жизни, на которые они приходились, их длительность и обстоятельства, их вызывавшие.

Отношение субъекта к служебной карьере. Стремится ли он играть роль, быть на виду, быть знаменитостью, предметом зависти и толков? Стремился ли к известному, выгодному месту? Стремился ли к известному месту ради соединенных с ним власти или

почета? Груб, пренебрежителен, заносчив, горд, сух, требователен по отношению к подчиненным или напротив мягок, снисходителен, внимателен к ним и к их нуждам, заботлив о них? Льстив, угодлив по отношению к начальству, заискивает, ухаживает за начальством, боится последнего, из страха перед начальством способен на дурной поступок или наоборот держится спокойно, независимо, с достоинством, смело, открыто (без лицемерия и подлизничания)? Аккуратен, добросовестен или напротив неаккуратен, недобросовестен в исполнении служебных обязанностей? Сознание служебного долга развито, мало развито, отсутствует? С сослуживцами ладит, пользуется их любовью, уважением или напротив не ладит, непопулярен, держится в стороне, возбудил к себе недоверие, пренебрежение, презрение, озлобленное отношение?

Выяснение всех этих вопросов даст возможность определить, какие общие цели субъекта лежат в сфере его служебной или общественной деятельности и какую роль играют в его жизни, является ли он карьеристом определенного оттенка или несет свои служебные обязанности, но стремясь к большой карьере, а стараясь лишь получить или сохранить такое служебное положение, которое достаточно обеспечивало бы его семью, приносит ли он интересы семьи своим карьеристическим делам или напротив служебное положение ценит лишь, поскольку оно служит интересам его семьи или его личным высшим интересам.

Дальнейшее развитие и детализирование программы обрисованного выше психологического исследования выходит за пределы задач, которые ставит себе настоящее сочинение; последнее имеет в виду дать лишь общий абрис этого исследования и отметить его важное значение для целей, преследуемых уголовным судом. Это

исследование важно для всех тех целей, достижение которых зависит от ознакомления с личностью, с ее склонностями к тем или иным поступкам. Оно имеет своей общей целью выяснить, потенциальным субъектом каких поступков является тот или иной человек, чего от него можно ждать, чего он способен достигнуть в сфере личного благосостояния, нравственных и социальных интересов, как убедиться в его способностях к одним видам поведения и в неспособности к др. и каким изменениям должна подвергнуться его личность, чтобы возможности одних — нежелательных — поступков отпали, а для возможности др. — желательных — в его личности были заложены прочные основания.

Единственный надежный и правильный путь для выяснения всего этого, это — изучение различных сторон личности по фактам ее жизни, по данным, свидетельствующим, как в действительности она реагировала под давлением известных обстоятельств и в силу каких ее свойств слагалась подобная реакция ее на эти обстоятельства.

1) Необходимо выяснить круг преследуемых личностью общих жизненных целей и преобладание в жизни этой личности некоторых из этих целей.

2) Необходимо выяснить тот интеллектуальный уровень и характер, которые проявились в постановке этих целей, в степени устремленности к ним личности и в выбранных ею способах и средствах их достижения.

Необходимо, в-третьих, выяснить отношение к этим целям совершенного субъектом преступления, наличие или отсутствие связи последнего с ними.

Необходимо, в-четвертых, выяснить, насколько преступление обусловлено известной аффективностью личности или ее недоразвитием, дегенерацией или душевным расстройством.

Не подлежит сомнению, что рамки обрисованного выше психологического исследования личности в зависимости от обстановки, в которой это исследование производится, и от стоящих перед ним, — в связи с характером содеянного субъектом преступления, или с его ролью в процессе, — конкретных задач могут более или менее варьировать. Но его основная и общая цель — всегда та же.

Обрисованное выше исследование может быть названо общим исследованием личности как субъекта поведения, направленным к тому, чтобы выяснить, какого рода психологический тип представляет собою данная личность как практический деятель, стремящийся к определенным жизненным целям. Для разных специальных целей необходимы особые исследования, направленные к выяснению определенных особенностей данной личности или особых ее способностей. Так например, стремясь выяснить принадлежность данной личности к психически нормальным или к психопатам или пригодность личности к выполнению определенных функций, например к определенной службе, к усвоению известных знаний и навыков и т. д., — необходимо произвести различные специальные исследования, направленные главным образом на известную сторону личности, например на ее психопатическое состояние, дегенерацию, на выяснение наличности у нее определенных умственных способностей, способности к усвоению известных знаний и т. д. Но и для всех этих специальных исследований обрисованное выше общее психологическое исследование личности может служить очень ценным подспорьем, так как оно устанавливает тот общий облик данного субъекта, на фоне которого проявляются его отдельные способности и нормальные или патологические черты.

При выяснении всех вопросов, намеченных приведенным выше наброском программы, необходимо формулировать эти вопросы, а иногда и их число и порядок варьировать, смотря по возрасту и степени развития испытуемого, всегда стараясь устранить из вопросов всякую неясность и двусмысленность. Нетрудно заметить, что некоторые вопросы как бы пересекаются и до известной степени повторяют друг друга. Это иногда может быть очень полезно, позволяя поверять и дополнять одни ответы другими, поскольку в этих вопросах проявляется подход к личности с различных сторон.

В заключение остановлюсь теперь на некоторых практических выводах из всего изложенного выше. Что, спрашивается, даст применение изложенной выше классификации и отнесение подсудимого к тому или иному из намечаемых ею типов? Очень многое.

I. Оно не только даст достаточно яркую картину тех главных двигателей, которые руководят вообще поведением данного лица, но позволит также со всей возможной в данном случае точностью измерить социальную опасность этого субъекта. Станет ясно, было ли связано совершенное им преступление, как средство, с его общими жизненными целями, стояло ли оно, так сказать, в стороне от них, как нечто, им чуждое, или находилось даже в более или менее резком противоречии с ними и представляло собою отклонение от намеченного субъектом и обычного для него образа действий. Если данное преступление выросло из общих жизненных целей субъекта, как средство достигнуть их или по крайней мере приблизиться к их осуществлению, то оно является показателем большой его социальной опасности, и размеры этой опасности определяются, с одной стороны, степенью привязанности субъекта к этим целям, а с другой, — его неразборчивостью в вы-

боре средств для них. Несомненно, что эта опасность не будет устранена, пока не удастся изменить содержания преследуемых субъектом общих жизненных целей или серьезно повлиять на его методы их достижения. Выбирая меру социальной защиты, суд и должен иметь в виду необходимость указанных воздействий на данное лицо и постараться назначить такую меру, которая по содержанию и длительности своей соответствовала бы цели оказать на него подобное воздействие.

Отметив в своем приговоре связь преступления с преследуемыми субъектом определенными общими целями, суд дает ценное указание работникам пенитенциарных учреждений, на какие свойства субъекта должно быть прежде и более всего направлено исправительно-трудовое воздействие.

Если же исследование обнаружит, что между преследуемыми субъектом общими жизненными целями и совершенным им преступлением нет связи и преступление обязано своим происхождением главным образом таким склонностям его характера, которыми эти цели не обусловлены или с которыми они стоят даже в более или менее живом противоречии, этот вывод исследования будет также ценен, так как укажет:

во-первых, что пенитенциарное воспитание может опереться на преследуемые субъектом общие жизненные цели, может смело укреплять и развивать его привязанность к ним, а

во-вторых, что необходимо постараться развить у данного субъекта самообладание и подействовать на его склонность к проявившемуся в его преступлении настроению средствами, способными ее ослабить, парализовать или уничтожить. Центр тяжести исправительно-трудового воздействия должен в этом случае переместиться в сторону этой склонности.

II. Отнесение человека в ту или иную группу изложенной выше классификации и исследование отдельных его свойств по указанной программе даст твердые основания для суждения о сознании подсудимого и об отдельных его объяснениях, об их искренности, полноте и достоверности.

III. Оно нередко может указать также глубоко скрытые внутренние пружины преступной деятельности, которые без него остались бы незамеченными. Поэтому многие стороны преступления получают яркое освещение и из уголовного дела исчезнут многие неясности.

IV. В настоящее время все острее чувствуется потребность в ознакомлении с личностью подсудимого для выяснения, в какой мере и в каком отношении он социально опасен. Применяемые для этого до настоящего времени приемы — недостаточны. Сравнительно более полному и глубокому исследованию подвергается лишь психическое здоровье подсудимого. Выяснить последнее разумеется очень важно. Но недостаточно знать о подсудимом или обвиняемом только то, что он — здоров. Большинство подсудимых здоровы, но они чрезвычайно различны как субъекты поведения и должны быть внимательно изучены с этой стороны. Их преступное поведение является отдельным эпизодом их жизни, сложившимся на почве тех элементов их духовной личности, которые являются постоянными двигателями их поведения и, при определенных действиях среды, привели их к данным преступлениям. Обрисованное выше психологическое исследование личности как субъекта поведения со стороны преследуемых ею общих жизненных целей отвечает вполне назревшей потребности. Иногда и частично оно несомненно имеет место и сейчас в уголовном процессе. Но желательно введение его как общего правила, в различном однако объеме, в

зависимости от преследуемых в отдельных случаях конкретных процессуальных целей.

V. Желательно, чтоб и свидетели — по крайней мере те, показания которых являются главными основаниями для выводов обвинения или защиты, — подвергались, поскольку это необходимо для выяснения правдивости и полноты их показаний, также подобному исследованию, которое даст несомненно ценный материал для суждения о полноте и достоверности их показаний.

VI. В соответствии со сказанным рамки ознакомления с личностью на предварительном и судебном следствии должны быть несколько расширены по сравнению с принятыми в настоящее время, причем относящимися к делу должны считаться все вопросы и данные, входящие в пределы общего психологического исследования личности как субъекта поведения и указывающие, в какой мере эта личность склонна, между прочим, и к поступкам, подобным совершенному преступному деянию, какие корни имеет в ней подобное поведение.

VII. Желательно, чтобы описанное выше исследование личности было дополнено, в отношении обвиняемых и подсудимых, исследованием криминально-психологическим, задача которого — выяснить, носителем какого криминального типа является данный преступник. Но подробное рассмотрение этого последнего вида исследования выходит за пределы настоящей работы и, по своей обширности, требует отдельного сочинения. Некоторые черты его и классификация преступников обрисованы в моей «Криминальной психологии», более же подробное рассмотрение будет представлено в приготавливаемой мною к печати «Методике криминально-психологического исследования».

	Стр.
От Издательства	3
Предисловие	7
Глава первая. Роль и значение доказательств в уголовном процессе и основной принцип оценки их	11
» <i>вторая.</i> Что такое уголовно-судебное доказательство и уголовно-судебная достоверность	18
» <i>третья.</i> Виды доказательств. Прямые и косвенные улики	30
» <i>четвертая.</i> Сознание обвиняемого и подсудимого. Допрос его	40
» <i>пятая.</i> Свидетельские показания	51
» <i>шестая.</i> Роль и значение экспертизы в уголовном процессе	107
» <i>седьмая.</i> Вещественные и письменные доказательства	125
» <i>восьмая.</i> О психологическом исследовании личности как субъекта поведения и об изучении лич- ности преступника в частности	146

ЮФ СГБГУ